

Карты
любви

Пять кубков

Триша Вольф

«Как вы считаете, доктор Уэст, ваш кубок наполовину полон или наполовину пуст? Ее жизнь зависит от вашего ответа».

Доктор Йен Уэст — лучший консультант по судебным процессам в городе, и он это знает. Он зарабатывал на жизнь — чертовски хорошо — помогая юристам выигрывать дела с помощью своего особого подхода к судебной науке. Естественным образом читая людей, Уэст допустил одну серьезную ошибку, и эта ошибка — убийца по имени Квентин Шейвер.

Во время суда над Шейвером заключена опасная сделка, и — под впечатлением способностей доктора Уэста — Шейвер вовлекает его в битву умов. Приз? Один заманчивый адвокат защиты из прошлого Уэста — единственная женщина, в которую Уэст мог бы влюбиться.

Потеря уже однажды сломала Уэста. Горе — его единственный спутник, но Портер разрушает его защиту. И прямо в тот момент, когда Уэст собирается снова рискнуть и полюбить, Портер становится рычагом давления в садистской игре между доктором и сумасшедшим.

Сможет ли доктор Уэст спасти любимую женщину до того, как опустеет последний кубок?

Триша Вольф

Пять кубков

Не важно, где мы, важно, откуда мы; оказавшись в аду, чаще всего вспоминаешь о Рае.

— Педро Кальдерон де ла Барка

Аркана Киллер

Мир живых плотно защищён от ночных кошмаров некой вуалью.

Эта кристальная паутинка настоящий щит. Не позволяйте её видимой тонкости себя обмануть, это мощная стена, такая, как и должна быть. Если бы мы каждый день сталкивались лицом к лицу с реальностью, мы бы не выжили из-за своей слабости.

И это тот ещё кошмар. Наша плоть истлевает, оставляя после себя лишь кости. И эти кошмарные кости не выносят света.

Люди не любят, когда разбирают по крупицам их грязные секреты. Это невыносимая боль.

Сколько мы ранили на своем пути?

Кто наши жертвы?

Мы как пауки заманиваем невинных в свои липкие сети. Например, нового возлюбленного, еще не подозревающего о том, что за красивым фасадом скрывается опасная трещина. Волна ненависти, чувства вины и стыда к самому себе настолько сильная, что мы умоляем о смерти, лишь бы утихомирить этот шторм.

Для большинства, отрицание — единственный способ справиться с трудностями. Прихорашиваемся снаружи, чтобы не думать о том, что пожирает изнутри.

Улыбаюсь этой мысли, надевая маску дьявола.

Она не должна бояться маски. Это мой вариант защитной вуали.

Когда я вхожу, она лежит на спине, еще без сознания от подсыпанного ей в напиток наркотика. Я несущу девушку в угол, где, придерживая у груди, могу перетасовать колоду карт. Вдыхаю запах её шампуня.

Женщины мягкие и хрупкие. Вот эта, к примеру, одевается так, чтобы все вокруг видели её силу и независимость. А я сквозь этот образ вижу тонкую трещину, еще в самом зачатке, но явную уязвимость. Из неё пытается прогрызть себе путь внутренний демон. Её персональный кошмар, как струйка сигаретного дыма просачивается в реальность.

От чего ты бежишь?

Её идеальная кожа просто дразнит совершенством. Сахарный шёлк. Карамель на языке. Пробегаюсь тыльной стороной ладони по её обнаженной руке. Не спеша, нежно, наслаждаясь тем, как она покрывается мурашками от моего прикосновения.

Девушка стонет, качая головой у моей груди.

— Давай поиграем, — мой шепот искрой командного тона вспыхивает в непроглядной тьме. Кладу перед девушкой колоду. — Выбери карту.

У каждого есть своя карта.

Карта — это орудие правосудия. Фатум.

Карты не лгут. Они предлагают знание, выбор. Если кто-то сопротивляется своей

судьбе... что ж, тогда и появляюсь я. Встретишь дьявола с колодой Таро...

Беги.

Восставшая тень ищет возмездия.

Я — отражение всего самого порочного и злого, что бурлит в твоей душе, всего, что ты усердно прячешь от света. Я испепелю тебя до костей.

Ещё никто не убежал от правды и судьбы. Тень всегда выигрывает, мужчины и женщины — все давятся своими кошмарами. Горечь прошлого невозможно проглотить.

Девушка в моих объятиях борется со сном, ей сложно поднять руку, поэтому я помогаю. Мы вместе переворачиваем карту.

Любовники.

— Идеально.

На карте изображен сад, в нем пара молодых людей и змей на дереве. Как Адам и Ева. Ева была коварной соблазнительницей, и Адам пострадал, поддавшись её обману.

— Ты должна задать себе вопрос, — говорю я, перебирая пальцами её волосы, — ты влюбленная женщина или змея?

Доктор Йен Уэст

Акустика важна. В помещении, заполненном двенадцатью присяжными, одним судьей, служащими зала заседаний и ошеломленной аудиторией, акустика очень важна. То, как чей-то голос звучит — ясно и доходчиво — может здорово помочь стороне защиты, когда она просит свидетеля говорить громче. Придется повторить, и свидетель успеет подумать и переиграть свои слова.

За какие-то доли секунды свидетельница за трибуной моргает и слегка качает головой. Мимолетное движение, вы могли его и пропустить, но я заметил — скрытое "нет" перед тем, как прочистив горло, она говорит:

— Да, я уверена. Я была с Квентином Шейвером, вот этим самым человеком... — она указывает на мужчину за столом стороны защиты, — в клубе той ночью.

Я облегченно вздыхаю. Забейте на качание головой, она прочистила горло — вот верный признак того, что человек собирается соврать.

Поправляю галстук, как следует затягивая узел. Прокурор за столом кивает. Он всё понял.

— Спасибо. У меня больше нет вопросов к свидетелю, Ваша Честь, — вежливо улыбается Портер Ловелл — Божий дар всем преступникам этого мира — и возвращается на место за столом защиты к её клиенту.

У неё есть причина для улыбки. У Портер прямо сейчас есть все основания быть счастливой. Если суд пойдет у нее на поводу, на Шейвера не повесят убийство. Человек, признанный виновным в суде общественного мнения, это бомба — интернет взорвется. Невозможно покалечить осужденного напрямую, но каждый знает — толпа безжалостна, от дела останутся лишь куски разодранного трупа.

Не хочу показаться бесчувственным; это не имеет совершенно никакого отношения к погибшей женщине, которая по-настоящему является разодранным на куски трупом.

— Вызывайте вашего свидетеля, советник, — отдает приказ стороне обвинения судья Мазерс.

Мой клиент, помощник окружного прокурора Эдди Вагнер, поднимается со стула. Ловко поправив костюм и застегнув пиджак на все пуговицы, он направляется к трибуне. Его гладко зачесанные назад светлые волосы блестят под лампами зала суда так же, как и он сам — словно драгоценный камень.

— Наш выход, — шепчу. Хотя никого не удивит тот факт, что я разговариваю сам с собой, на самом деле я обращался к своей ассистентке, бихевиористке по специальности. Я нанял её, когда разорилось моё собственное агентство по анализу поведенческих черт.

— Эдди будет непросто, — доносится голос из моего наушника.

Поднимаю брови в молчаливом согласии. В самом начале на нашей стороне было десять присяжных, вручную отобранных благодаря ряду вопросов в течение заседания — обычной процедуры отбора присяжных. Это оказалось несложно, ведь печально известная репутация Шейвера была словно создана для внимания СМИ.

Он прославился в определенных кругах как наркобарон. Как ни странно, Шейвера ни

разу не обвиняли в преступлениях, связанных с наркотиками. Его вообще никогда не обвиняли в преступлениях, если уж на то пошло. А всё, потому что Шейвер очень умен и нанимает к себе на работу только самых лучших бухгалтеров и прочих специалистов. Наркота выполняет роль дымовой завесы для его более секретного хобби. Пока федералы ищут в одном направлении, он уходит в другом. Как фокусник, показывающий трюк с картами.

И куда пропадают тела?

Не стоит заглядывать ему в рукав, вот что я вам скажу.

Горькая правда в том, что до тех пор, пока Шейвер продолжает платить тем, кому должен и держать у руля тех, кто там нужен, он неприкосновенен. Улики теряются, внезапно исчезают.

Сторона обвинения пытается повесить на него убийство, чтобы восполнить пробелы в деле о наркотиках и засадить Шейвера за решетку на максимально долгий срок: пожизненное без возможности досрочного освобождения.

Попытка не пытка.

А Портер — та еще лисица — умудрилась заставить сомневаться четверых наших присяжных. Но вернемся к этому позже, сейчас мы сосредоточимся на том факте, что на этот раз Шейвер допустил ошибку. Он повел себя слишком смело, слишком дерзко. Оставил тело с нетронутыми уликами. Такая вопиющая небрежность, что я невольно задаюсь вопросом, а не стал ли он употреблять то, что сам и продает.

Выпрямляюсь, уперевшись локтями в колени. Эдди начинает допрос свидетельницы. Джессика Ренделл — ключевая фигура защиты. Она предоставляет Шейверу алиби, признаваясь в том, что они якобы вдвоем были в клубе — в тот вечер, когда в номере мотеля нашли тело убитой, Девин Тиллман.

— Мисс Ренделл, как часто вы посещаете "Мглу"?

Ренделл откидывается на стуле. В большинстве случаев люди, дающие свидетельские показания, чувствуют потребность защититься, когда сторона обвинения начинает задавать вопросы. Они стараются физически дистанцироваться.

— Я там зависаю почти каждые выходные, — отвечает она.

Её развязная уверенность дает Эдди прекрасную возможность разорвать на клочки это лживое заявление. Эдди облакачивается на трибуну свидетеля. Слово за словом, он возвращается к событиям того воскресного вечера, подтвержденным ей и обвиняемым. Так он монотонностью усыпляет её бдительность и спрашивает:

— Вы волшебница, мисс Ренделл?

Свидетельница опускает взгляд и по-настоящему улыбается.

— А, нет-нет.

Эдди улыбается в ответ, сверкая своей фирменной ослепительной улыбкой успешного адвоката. Обожаю эту часть.

— А вы уверены? — подначивает он, — просто мне сложно представить, как обычный человек может находиться в двух местах одновременно.

— Протестую, Ваша Честь, — вклинивается Ловелл. — Разве мистер Вагнер задает прямой вопрос? Он давит на свидетельницу.

— Успокойтесь, советник. Протест отклонен, — Судья Мазерс окидывает взглядом Эдди. — Ну, так что, какой вопрос вы хотели задать свидетельнице?

— Прошу прощения, Ваша Честь. Вот, что я имел в виду, — Эдди идет к столу

обвинения и забирает папку. Пока он намеренно медленно возвращается к трибуне свидетельницы, он пролистывает страницы с файлами внутри.

— Мисс Ренделл, в ту самую ночь, приблизительно в одиннадцать сорок пять, GPS в вашем телефоне зарегистрировал вас в другой локации — резиденции "Бристол Хайтс".

Она почесывает руку, забежав взглядом по залу суда. Явный признак того, что упоминание о притоне, где она получает дозу, делает её показания ложью под присягой. Но зато это объясняет, как она стала заплаченным свидетелем на стороне Шейвера. Обещание бесконечного запаса шмали на выбор, кого угодно соблазнит.

Бросаю взгляд на Портер. В свою очередь, она поднимается с места.

— Протестую, Ваша Честь. Этой информации не было среди улик, пришитых к делу. Как мистер Вагнер получил к ней доступ?

Судья смотрит на Эдди, в раздражении подняв брови.

Эдди прочищает горло.

— Я сам узнал об этом лишь этим утром, Ваша Честь. Но это доказывает, что мисс Ренделл лжёт, и никакого алиби у мистера Шейвера нет, а, следовательно...

— Предоставьте стороне защиты ваши материалы, — прерывает Вагнера судья, — а у защиты будет время до полудня провести собственное расследование.

Портер Ловелл недовольна.

— Ваша Честь, но это слишком мало...

— До завтрашнего утра управитесь? — спрашивает судья на грани. Хотя он должен оставаться непредвзятым, даже ему трудно не смотреть на Шейвера с презрением.

С моей точки зрения Портер выглядит недовольной — губы сжаты, брови нахмурены. Но она не спорит с Мазерсом.

— Да, Ваша Честь. Благодарю.

Судья закрывает заседание на сегодня, и все присутствующие поднимаются со своих мест.

Эдди смотрит на меня с ожиданием, задавая невысказанный вопрос: "Мы его сцапали?"

То ли киваю, то ли пожимаю плечами в ответ — это собьет с толку всех, кто мог заметить нашу беседу.

— Спасибо, — проговаривает он одними губами.

Знание того, что кто-то хочет сделать, отличается от знания того, что он на самом деле сделает. В случае с присяжными, когда они находятся за закрытыми дверями зала совещаний, я волнуюсь так же, как и подсудимый.

Это держит в тонусе.

У Ренделл был запасной телефон на имя бывшего мужа, и это здорово помогло Эдди, т. к. я на 99.9 % уверен, что Шейвер и его банда ничего о нем не знали. Ренделл заботится о пожизненном запасе дозы больше, чем о том, что с ней сделает Шейвер за то, что подвергла риску его алиби.

Ну, а на что еще можно рассчитывать, если связываешься с наркоманами? Единственное, что могло сдать Шейвера суду, это если он допустит ошибку. Что ж, на мой профессиональный взгляд, он только что по-крупному облажался, вручив свою судьбу в руки Ренделл.

И к черту ДНК.

К черту, говорите? Знаю. ДНК в суде — это классика. Последний гвоздь в крышку гроба. Неоспоримый факт. И именно поэтому преступники находят способы использовать ДНК в

свою пользу, а не против.

В нашем случае, сперма Шейвера была найдена на юбке Ренделл. Свидетельница утверждает, что они были вместе во "Мгле", и поэтому он не мог находиться в это время с Тиллман, убивая ее и расчлняя тело в мотеле.

Присяжные любят ДНК. Раньше они даже не знали, что это за хрень. Теперь они верят в нее, как в Евангелие. Хитрость в том, чтобы убедить их, что ДНК может не быть решающим фактором. Что в зависимости от того, кто проводит тестирование, её могут загрязнить или подбросить. После стольких лет убеждения людей в достоверность науки, мы пытаемся разрушить эту веру.

Это уловка двадцать два¹¹, ведь одновременно с этим мы просим их верить в достоверность ДНК с места преступления.

Что чертовски сложно, ведь номера в мотелях — это рассадник ДНК сотен, если не тысяч людей. Поэтому весьма высока вероятность того, что Портер повернет нашу ДНК улику в свою пользу.

И еще есть маленький раздражающий факт — поиск мотива. Чтобы доказать, что Шейвер совершил это отвратительное убийство, мы должны найти мотив. Недостаточно опровергнуть его алиби или даже подтвердить, что он был с Тиллман. Это все можно оспорить без четкого мотива.

В случае с Шейвером, человеком, которого я испытывал неудовольствие анализировать на протяжении всего судебного процесса, я могу засвидетельствовать, что он прирожденный психопат с антисоциальным расстройством личности — что означает, что единственный мотив, в котором он нуждается, — это желание убить в его чёрном сердце.

И это еще сильнее затрудняет аргументацию его мотива.

Пока Эдди складывает документы в портфель, я смотрю на присяжных. Как они принимают показания Ренделл? Верят? Доверяют ей?

Судебная наука — не точная. Это социальная наука. Ложка с горкой психологии, щепотка социологии. Всё смешать и запечь. И в результате получится торт с равной прослойкой разношерстных присяжных.

Но это, блять, сложнее, чем вы думаете.

У каждого члена общества есть свои предубеждения.

Но именно здесь и появляюсь я — чтобы сравнять счет. Читаю подсказки на лицах — микровыражения — распознаю предупреждения двенадцати отобранных присяжных, чтобы у моих клиентов был самый, насколько это возможно, справедливый судебный процесс.

Также полезно полазить по аккаунтам присяжных в социальных сетях, чтобы узнать, как часто они онлайн. Что им нравится. Что они комментируют. В социальных сетях много знаний, и мы их используем.

Я знакомлюсь с каждым присяжным лично, интимно. И уже в суде мы становимся любовниками.

Ну, нет, это слишком. Мы, скорее, как лучшие друзья. Я узнаю их болевые точки, их жизнь, и как это применить в суде. Если вы хотите убедить кого-то — а тем более целых двенадцать человек — в том, что убийство произошло определенным образом, вы должны расставить события в такой последовательности, чтобы им поверили. Чтобы история звучала плавно и складно.

Для этого у нас есть золотое правило — чем проще, тем лучше.

Вот так мы избавляемся от сомнений. На этом и строится их оправдательный или

обвинительный приговор.

Если вы верите версии событий, если думаете, что умнее человека, пытающегося обмануть систему — вуаля. Вы попались.

Каждый верит, что он умнее среднестатистического индивида.

Все, что нужно обвинению, — это привести присяжных к источнику знаний. Налить им по коктейльчику. Или сварганить любую другую хреновую метафору, которую вы хотите применить здесь. Бывает, мы чересчур настойчивы в достижении цели, но это делается для общего блага.

По крайней мере, такое объяснение помогает мне спать по ночам.

Не только оно. Еще аудиофайл, имитирующий шум океана.

Очень успокаивает.

После того, как судья отпускает присяжных, я делаю мысленные снимки каждого из них. Обычно шансы 50 на 50.

Когда я встаю со своего места и направляюсь к выходу, Портер поворачивается ко мне и подмигивает.

Хитрая лиса.

— Отсчет пошел, — шепчу я.

— Что пошло? — звучит голос Мии в наушнике.

— Ничего, — поправляю галстук и заодно динамик микрофона.

— Эдди хорошо справился с перекрестным допросом, — говорит Миа.

— Согласен, — говорю я, кивая седовласой женщине, которая провожает меня подозрительным взглядом, потому что ей кажется, я разговариваю сам с собой. Выхожу из зала суда. — Теперь мне нужны от тебя хорошие новости.

Ухо щекочет чарующий смех Мии.

— А что насчет плохих? Плохие не хочешь послушать сначала?

Тяжело вздыхаю.

— Кончай прикалываться. У нас же нет плохих новостей, да?

В коридоре напротив туалетов меня встречает Эдди.

— Миа?

Киваю.

— Хорошо сработано.

— Спасибо, босс.

Вообще-то это он мой босс. Но с тех самых пор, как он вошел в шестиэтажное здание моего офиса, еще пугливый новый помощник окружного прокурора, я озвучил правила, по которым мы будем играть (будет по-моему или... ну, вы поняли). Потом мы выиграли дело, и он принял эту иерархию. Закон пищевой цепочки, если хотите.

В любом случае, это просто слова.

Вжимаю наушник пальцем в ухо, чтобы лучше слышать Мию.

— Что ты сказала?

— Я сказала, что у меня есть информация на присяжную номер два. Сегодня ранили ее мужа, его доставили в отделение скорой. Её могут отозвать из состава присяжных.

— Проклятье, — вырывается у меня слишком громко, и та же женщина из зала суда, как раз проходящая мимо, приподняла бровь.

— Извините, мэм, — улыбаюсь ей как можно соблазнительнее.

Она качает головой и продолжает идти вперед, нервно стянув полы кардигана у горла.

Эх, а месье знает толк в...

— Она из наших, — в этот раз говорю чуть тише. — Я это вижу, читаю по ее глазам, каждый раз, когда она смотрит на Шейвера. Ей хочется прибить его член к полу гвоздями.

Как только мы выходим на улицу, меня догоняет Эдди. Вместе мы спускаемся вниз по ступеням здания суда.

— Пропустим по бокальчику?

— Не сегодня. У меня дела.

Он понимающе кивает.

— А, те самые дела. Значит, увидимся утром.

Эдди пересекает улицу и подходит к своему "БМВ".

Вы можете подумать, что такая тачка дороговата для помощника окружного прокурора, и будете правы. У Эдди богатая семья, ему не нужно работать на правительство. Но тот факт, что он каждый день тащится на самое дно системы правосудия и не боится вызова, говорит о его характере и о том, почему он мне нравится.

Кроме того, он единственный юрист в офисе окружного прокурора, который может себе позволить отчехлить мою ставку.

Забросив портфель на заднее сиденье, Эдди оставляет меня одного за размышлением почему же я не поехал с ним. Мне бы не помешало выпить...

— Я отключаюсь, Миа. Поговорим утром.

Прошла увесистая секунда, и:

— Передай от меня привет Мелани, доктор Уэст.

К счастью, звонок прерывается прежде, чем Миа успевает услышать первобытный рык, прорывающийся на свободу. Это как проталкивать раскалённую кочергу в плотку. Не покидающая меня жгучая боль лишь усиливается, стоит кому-то упомянуть её имя.

Глава 2

Подарок

Доктор Йен Уэст

Сейчас бы хорошую дозу обезболивающего.

Достав из внутреннего кармана пиджака флягу, откручиваю металлическую крышку. Делаю два больших глотка. Вечерний воздух пронизан запахом костра и опавших листьев; в городе осень, дымоходы выпускают в воздух серые клубы дыма, прочищаясь после месяцев простоя.

Этот запах — первый намек на зиму — обычно меня успокаивал. Заглушал никогда не покидавшую меня тревогу. Я работаю в атмосфере постоянного стресса, с каждым новым делом уровень требований возрастает. Но когда мы прогуливались по тротуару, вдыхали первые запахи осени, Мелани говорила: «Даже львам нужно время на отдых».

Теперь же, когда я чувствую в свежем воздухе запах дыма, меня наполняет ужас в память о телефонном звонке три года назад. Похоже на бомбу с часовым механизмом. Вот только взрыв все никак не наступит. Есть только трепет, только страх. Ожидание того, что случится что-то плохое.

Приговорив флягу, ругаюсь себе под нос. Слишком мало. Идти еще пять кварталов, я близко, небольшая остановка все равно меня не задержит. На мою удачу, бар находится всего в квартале от меня.

Сделав крюк, захожу в бар. Там уже людно, народ по дороге домой заглянул выпить. Молодые руководители и, конечно, юристы, ведь мы с вами находимся в районе суда. Да и зачем идти далеко, когда все рядом.

Оперевшись локтями на стойку, заказываю стопку бурбона.

— Лучше сразу две, — дополняюсь заказ бармену.

А что? Будем реалистами. Мои клиенты лгут и зарабатывают на этом деньги. Я не такой.

— Можете налить еще одну? Запишите это на его счет.

При звуке ее голоса, закрываю глаза.

— Портер Ловелл, нигде от тебя не спрячешься.

Чувствую тепло ее тела с левой стороны от себя. Появляется желание придвинуться ближе и столкнуть ее с табурета. Но это будет грубо даже для меня.

Звук ее глубокого дыхания раздражает, впрочем, как и всегда в последнее время.

— Если не хочешь встретить никого из коллег, Уэст, не ходи в бары. Особенно в этот.

— Да что ты говоришь?! Это какая-то игра на прохождение фейс-контроля в бары? Или отсылка к "Исчезнувшей"? Все вы, адвокаты защиты, любите эту книгу. Сумасшедшей Эми все равно сошло с рук убийство. Она, наверное, твой кумир.

От ухмылки, на ее щеке появляется ямочка. Я отворачиваюсь, отказываясь признавать то, какая эта ямочка на самом деле милая. Очень трудно изображать негодование, когда твой собеседник так непростительно красив. Этот мир надо мной издевается.

Портер убирает локон своих темных волос за ухо.

— А кто твой кумир, Уэст?

Бармен ставит передо мной ряд стопок. Опрокидываю в себя первую и резко выдыхаю.

Алкоголь жжет.

— Предпочитаю обходиться без кумиров, Портер. Сложно не разочаровываться в людях, когда они тебя подводят.

— А люди всегда тебя подводят, да?

— М-м, — покачиваю пальцем в отрицании, — оставь чтение людей профессионалам. Кстати, говоря о работе...

— Я не буду обсуждать с тобой дело, — она отпивает половину стопки.

Улыбаюсь, большей частью себе. Когда-то Портер была прокурором. И, между прочим, чертовски хорошим! Ох уж эта юность с ее тягой к справедливости. Как же мы верим в то, что способны изменить мир, что отличаем правильное от неправильного и во все это дерьмо.

А потом наступает реальность. Обычно это случается, когда на первый план выходит важность денег. По крайней мере, я думаю, с Портер было именно так. Она привыкла ездить на "Хонде". Теперь она приезжает в суд на "Бентли GT". За последние несколько лет она сколотила себе приличное имя.

Как бы то ни было, Мел и Портер начинали карьеру в одной и той же фирме. Вошли в систему, как два адвоката обвинения. Между прочим, я сам вляпался в юриспруденцию только из-за Мелани. Я точно не был юным идеалистом. Просто мне не хотелось профукать мою с таким трудом заработанную степень по психологии. А глядя на экономические тенденции тех времен, именно это со мной стремительно и происходило. Мое будущее выглядело мрачным, выбор работы колебался между консультированием (пристрелите меня, ненавижу, блять, семейные пары нытиков) и обслуживанием столиков в кафе.

Серьезно, я неплохо зашибал в общепите (бесплатная еда и напитки для тех, кому не приходилось в колледже работать в фастфуде).

Затем Мелани пригласила меня на интервью с одним из ее клиентов. Она хотела, чтобы я прочитал его, выяснил, не лжет ли он.

Но несмотря на то, что Мелани выступала на стороне обвинения, она бралась не за каждое дело. Ей нужно было верить в добродетель клиента, в правильность его стремления подать в суд, в истинность показаний.

Мел было важно находиться на стороне правды. Она была ангелом в море демонов. Она брала дело только, если верила в него. Это становилось не просто ее делом, это становилось ее добрым деянием. Она боролась до последнего, не жалея себя.

Я не могу оторвать взгляда от янтарной жидкости в крошечном стакане.

Когда Мелани умерла, она забрала с собой все лучшее, что было у нас. В том числе Портер.

— Она бы поняла... — продолжает Портер. — Это моя работа, Уэст. Я поклялась представлять клиента ревностно и в полной мере моих возможностей. Мне не обязательно его любить...

— Я ошибся, Портер. Ты действительно хорошо читаешь людей, — Я вытаскиваю пару купюр из бумажника и бросаю их на стойку, туда, где оставил вторую стопку своего бурбона. Смотрю ей прямо в золотистые глаза: — наслаждайся выпивкой, — говорю я, хотя на самом деле мне хотелось сказать о том, как разочарована в Портер была бы Мелани, узнай она, что та представляет Шейвера.

Мел была ангелом непредвзятости. Не я. Судить людей — это то, что у меня получается лучше всего.

— Уэст, постой...

Что-то в ее голосе заставляет меня внутренне вздрогнуть. Тоска. Вот, что это такое. Внезапно меня прошибает импульс успокоить Портер. Усмирить ее боль. Проклятье. Бурбон жжет желудок, боль в груди мешает дышать. Мне нужно убраться отсюда. Далеко. Сейчас же.

— Я опаздываю, Ловелл. Увидимся завтра.

— Ненавижу, когда ты называешь меня по фамилии.

Я почти успел дойти до двери, почти выбрался на свободу, но меня догоняет ее слишком близкий голос:

— Знаешь ли, она тоже была моей подругой. Я скучаю по Мелани... особенно сегодня...

Распахиваю дверь толчком и с благодарностью вдыхаю прилив воздуха, охлаждающего мою кожу, и шум улиц, заглушающий ее голос. Я не поддамся Портер. Ни в угоду прошлого, ни сегодня.

Я тяжело ступал по тротуару, быстро удаляясь от Портер, ее воспоминаний и сочувствующего тона. Это яд, это ничего не изменит, только еще больше меня разозлит. А я очень стараюсь контролировать гнев.

Обогнув угол, я заметил указатель кладбища. Я прихожу сюда только раз в год. Один. В первую годовщину смерти Мелани, Эдди, Миа, Портер и, казалось, все остальные жители округа Колумбия предприняли попытку оказаться здесь. Типа групповая поддержка, показуха. На мой взгляд, это было нарушением личных границ, поэтому я быстро от них избавился.

Я не показушничал.

Позже, когда они по очереди подходили ко мне с соболезнованиями, я говорил, что забыл дату. Конечно, они видели мою ложь насквозь, но так уж было заведено — я предпочитал пассивно-агрессивно отгородиться от всех, без слов признавшись в том, что хочу посветить этот день только себе.

Я работаю. У меня такой же день, как и у остальных, но в семь часов вечера первого октября, в час, когда прозвенел звонок телефона, в час, когда Мелани отняли у этого безумного мира — этот час принадлежит мне.

Я ни с кем не делю свою скорбь.

Вообще-то я коплю свою скорбь.

Каждый год я скатываю её в тугой шар и засовываю в самый темный угол. Думаю, он находится где-то под моим левым подреберьем. За последние несколько лет я собрал хорошую коллекцию разлагающихся шаров скорби. Вот откуда, наверное, взяли лишние килограммы.

Ворота кладбища открыты, и я вхожу, словно желанный гость.

Могила Мелани находится на ее семейном участке. Часть семьи ее матери жила в городе с начала века (прошлого века, не этого. Сами предположите, сколько мне лет). Мы планировали купить — за очень дорого — собственный участок, чтобы наши кости лежали бок о бок, чтобы наша любовь длилась и в загробной жизни. Но потом случилось невыносимое.

Случается всегда невыносимое. Ну, серьезно, кто в здравом уме может подумать, что его невесту собьет машина на пути домой в двухэтажный лофт? Всего в паре кварталов от дома. От встречи с ней меня отделяла одна минута... а потом, Мелани не стало. Водитель скрылся с места преступления.

Подонка, который убил любовь всей моей жизни, так и не нашли.

По словам врача скорой, это произошло мгновенно. К тому времени, когда Мелани привезли в больницу, она уже была мертва. Он сказал это так, словно это должно было меня успокоить.

Мгновенная смерть.

Я ему врезал.

После этого меня очень быстро вывели из больницы. Я никогда не видел ее в этом холодном, затхлом месте, и, может быть, в каком-то смысле, это к лучшему. В копилке моей памяти нет воспоминания о безжизненном теле Мелани.

Ее мать предпочла похороны в закрытом гробу. Она тоже не могла видеть Мел в этом состоянии — её нет. Ушла. Просто ушла. Похороны — это лишь церемония, дань этикету, потому что так принято.

Я вхожу на территорию кладбища, засунув руки в карманы. Пальцами касаюсь кулончика, подарка на годовщину, который я приношу Мел каждый год. Отмечать годовщину смерти звучит пугающе, но я психолог, поэтому сразу вам скажу — так я справляюсь с потерей. Наша свадьба должна была состояться на несколько недель позже. Мелани обожала Хэллоуин, мы хотели пожениться в канун Дня Всех Святых. Вот такая она у меня извращенка. Улыбаюсь этой мысли.

Ей бы точно понравился серебряный кулончик с ведьмой на метле.

Впереди показался белый мраморный надгробный камень, и грудь сжимает от знакомой боли. Чем ближе я, тем больше боль. Я неплохо научился дистанцироваться. Помогает сарказм. Черный юмор отпугивает почти всех.

Но видеть ее надгробный камень, знать, что она там, под землей...

Останавливаюсь перед куском белого мрамора. Вдыхаю в легкие воздух в попытке снять ноющее напряжение, что так старательно выжимает из меня жизнь.

Я знаю, некоторым нравится говорить с умершими близкими. Сидишь такой у надгробия, болтаешь так, словно вы до сих пор рядом, ждешь наступления вечности. Только идиоты могут так себя вести!

Я не могу с ней говорить.

Вытаскиваю из кармана кулон и кладу у основания мраморного надгробия. Мелани... вообще-то мне не обязательно что-то говорить. Мне не приходилось этого делать, когда она была жива. Мел читала меня взглядом. Были времена, когда я любил ее за это. А были — когда ненавидел. От Мел было невозможно спрятать эмоции.

Быть здесь — все равно, что вскрывать вену.

Вся накопленная скорбь прорывает плотину и ломает потоком мою грудную клетку.

Я навсегда останусь мужчиной, который любит Мелани Харпер.

Мне не нужно говорить, что я скучаю по ней каждый божий день. Не нужно рассказывать, в какой кусок дерьма я превратился. Или что без нее — жизнь не жизнь.

Она все это знает, потому что где бы она ни находилась, она видит меня насквозь.

Выпустив свою боль, я собираюсь уйти, но кое-что цепляет мой взгляд.

Опускаюсь коленями на сухую землю, покрытую безжизненной травой и опавшими листьями, провожу рукой по могильному холму. Здесь кое-кто еще оставил подарок. В листьях зарыта карта. Черно-белое тиснение на черном картоне... переворачиваю карту и вижу изображение человека в плаще и с кубками.

Хмурюсь и прищуриваюсь. Какого черта? Старая, потертая временем и постоянным

использованием.

Карта Таро.

Разряд электрического страха бьет меня в грудь, холодит вены. Месяцы поисков сошлись в одном мгновении, мой разум сплел ниточки зацепок воедино. Это не подарок.

Это предупреждение.

Угроза.

От Шейвера.

Глава 3

Через край

Доктор Йен Уэст

Приходит следующее утро, город всё еще спит, утопая в чреве темноты. Привычные звуки дня — пульсирующее сердце столицы — сейчас покинули мой офис через окно.

За чашкой кофе открываю ноутбук. Сегодня утром Эдди опередил всех остальных моих сотрудников, появившись на рабочем месте первым. Он выглядит заспанным, хотя надел выглаженный костюм и уложил гелем волосы.

С притворным раздражением он бросает на мой стол свой портфель.

— Ну, так что, док? Шейвер вчера повесился в камере?

Опускаю чашку.

— Но ты же совсем не против выиграть дело, пусть и таким образом?

— Еще слишком рано для сеанса психоанализа, — бурчит он.

— Ненавижу, когда люди подменяют понятия, — упираюсь ладонями в столешницу, — Психоанализом занимался Фрейд. Меня не волнуют твои эротические фантазии о матери.

— Попахивает бредом, док.

— Это просто анализ. Согласен, тебя анализировать еще рано. И нет, Шейвер не повесился. Суд состоится сегодня. Дождемся Мию и Чарли и двинем.

Он изучает меня пытливым взглядом.

— Вчера все прошло нормально?

Опускаю глаза на файлы передо мной. Быстро перебираю их, разглядывая каждый.

— Вот поэтому я и хотел собрать всех заранее.

При виде Мии и Чарли, зашедших в офис, я киваю им в знак приветствия и без вступления начинаю: — Вот что я нашел вчера вечером на кладбище.

Вытаскиваю карту Таро, которую положил в пакет, и поднимаю ее, чтобы они могли рассмотреть её с обеих сторон.

Миа, одетая во всё черное вдобавок к окрашенным в гляцевый черный волосам, приподнимает бровь.

— Пятерка Кубков?

Конечно, она знала, что это. Миа — мастер на все руки. Если она что-то исследует, то запоминает навсегда. Не эйдетическая память, но чертовски хорошая.

— Пять Кубков из Малого Аркана, — подтверждаю я. — Карту положили на могилу Мелани.

Эдди качает головой.

— Шейвер?

Вступает Чарли, мой следователь.

— У Шейвера есть привязанность к Таро. Предположительно так он выбирает своих жертв.

Миа ставит свою огромную сумку на стул.

— Это есть в одном из протоколов допросов... — Она щелкает пальцами, стараясь вспомнить, — с его дружкой, Лайлом Фишером. Мы с Чарли брали у него показания, пытались вытащить признание, но он не пошел на сделку. Видимо, программа защиты

свидетелей не показалась ему привлекательной.

Все члены команды затихают в молчаливом понимании. Эдди смотрит на меня.

— Шейвер пытается нас запугать.

Я сделал вид, что звоню в колокольчик.

— Вообще-то, меня. Думаю, карта означает, что я у него на мушке.

Эдди хмурится.

— Почему ты считаешь, что он выбрал тебя своей целью?

— Из-за скорби, — говорит Миа, глядя на карту. — Пятерка Кубков означает потерю и горе.

Нас накрывает еще одной волной неуютной тишины. Прочищаю горло.

— Это можно интерпретировать по-разному, — говорю я, показывая свои исследования на ноутбуке. — Но да, Миа права. Будь я картой Таро, то стал бы угрюмым парнем в плаще, уставившимся на перевернутые кубки.

— Спиной к миру, — добавляет Миа, — смотришь на то, что потеряно вместо того, что у тебя до сих пор есть.

— Боже, Миа, у тебя, случаем, не депрессия? — пытаюсь шутить.

Без намека на извинения она пожимает плечами.

— Я говорю то, что вижу, доктор Уэст.

Кладу карту обратно во внутренний карман пиджака.

— Мы будем сообщать об этом в полицию? — спрашивает Чарли.

Мой голос совести. Чарли вырос в семье копа, и до сих пор находился в идеалистичном возрасте. Молодой парень двадцати с небольшим лет, для которого мир делится на черное и белое. Хорошее и плохое. Правильное и неправильное. Бла-бла-бла.

— Не обращаемся в полицию и не говорим ничего Ловелл, — скрещиваю руки на груди. — Если Шейвер пытается согнать меня со следа и не дать сотрудничать со стороной обвинения, это значит мы на верном пути. Сегодня прищучим Ренделл, докажем ее ложь и отсутствие у него алиби. Эдди подбросит дров результатами ДНК из мотеля. И я хочу, чтобы вы не отклонялись от плана.

Миа, так похожая лицом на фею, поджала губы, выражая неуверенность.

— Я скептик, но мой скептицизм отступает в сторону, когда дело касается передачи контроля над судьбой.

С раздражением качаю головой.

— О чем ты?

Она упирается кулачками в бедра.

— О Таро, доктор Уэст. Люди им верят, и эта вера дает картам власть. Я думаю, вам нужно быть осторожнее.

Долго и тяжело выдыхаю.

— Приму к сведению, дорогая. А теперь, может, вернемся в поезд реальности и поедем в суд? Думаю, нам это не помешает в работе с защитой Шейвера.

Мы установили большой экран с зеркальной проекцией моего ноутбука, и я стал снова перебирать — или, вернее, попросил это делать Мию — карты и их значения. Я понятия не имею, верит ли Квентин Шейвер в это дерьмо или нет, но я хочу, чтобы он знал, что я получил его сообщение.

Я не собираюсь отступать.

Правда в том, что он отправил кого-то из своих прихлебателей положить карту на

могилу Мелани. Его грязь осквернила её священное ложе, место, где покоится любовь всей моей жизни.

И это выводит меня из себя.

А когда я выхожу из себя, страдают люди. Плохие люди. Я прилагаю все чертовы усилия, чтобы пустить их ко дну, и Шейвер только что перешел дорогу не тому судебному консультанту.

Перед началом разбирательства в зале суда Портер с успехом игнорирует меня. Я пытаюсь поймать ее взгляд, чтобы озарить ее очаровательной улыбкой, но она продолжает смотреть в телефон, пока Шейвер не оказывается рядом с ней.

Я сразу же ощущаю вину за то, какой оставил ситуацию между нами.

Кроме того, я сомневаюсь, что она знает, что задумал ее клиент. Я очень хочу верить, что, если бы она знала, что он доставил карту на могилу Мел, она была бы расстроена. Шейвер делает это дело личным. Пора зарыть дело навсегда. Ради всех нас.

Пристав выводит присяжных и, безусловно, присяжного номер два заменили. Проклятье. Одного из наших убрали.

— Миа, достань досье на первого заместителя.

— Уже занимаюсь этим, — говорит она.

Нас попросили встать, когда объявили имя судьи Мазерса.

Портер смотрит на меня. Всего лишь секунда, мгновение, но я вижу отчаяние в прищуренных глазах. В них извинение, она знает, что я могу читать ее. Может, она сожалеет о том, что взялась за это дело. Может, она знает, что сделал Шейвер, или пытается сделать, запугивая меня. И, может, она знает, что это не сработает, и у Шейвера нет ни единого шанса оказаться на свободе. Тем самым разрушится ее карьера.

Или, может быть, я хочу все это видеть — чтобы верить, что она та же, какой была до того, как наши жизни разошлись.

Что я могу сказать? В душе я романтик. Точнее, был им когда-то.

Шейвер смотрит на меня, прежде чем сесть. Я достаточно наблюдал за ним во время этого процесса. Я изучал его черты, его выражения. Язык его тела. Я был свидетелем того, как присяжные разочаровались, когда он пытался изобразить искренние, натренированные улыбки и взгляд грустного щенка. Я знаю, что скрывается внутри.

Дьявол.

Не в библейском смысле. А скорее метафорический дьявол. Отсутствие морали, совести. Большинство людей упорно трудятся, чтобы контролировать себя, и скрывать эмоции. Шейвер противоположность. Он старается изо всех сил показать свои эмоции. Чтобы убедить других, что он чувствует.

Но там пустота, отсутствие субстанции там, где должна быть его душа. Или как вам угодно это называть. То, что придает нам глубины. Осознанности.

Он понимает лишь то, что хочет и как этого достичь.

Это та, эгоистичная часть ума, которая, как предполагается, стареет с возрастом. У психопатов, эта часть психики чахлая и никогда полностью не развивается. Идентификация — та часть, которая требует немедленного удовлетворения, испытывает жажду, нужду

исправления. Больше, больше, больше.

Таков мой профессиональный анализ. По крайней мере, из того, к чему я пришел за эту неделю сидя в пяти рядах от него. Я мог бы копнуть глубже, усадить его в кабинет, где были бы только мы, но, честно говоря, я немного боюсь, на что меня может побудить эта человеческая оболочка.

Его губы трогает кривая улыбка при взгляде на меня, затем его плеча касается Портер, и молча показывает ему смотреть прямо перед собой.

Стараюсь, чтобы мое лицо ничего не выражало, черты окаменели в нейтральном "Эй, приятель, не обращай на меня внимания, я ничего не заметил". Но то прикосновение...

На тот кратчайший момент, когда Портер положила на него руку, мои легкие покинул воздух. Грудную клетку сдавило. Маска спокойствия спала. Не уверен, что Шейвер заметил проскользнувшее микровыражение на моем лице.

Отвращение. Боль. Зависть.

Мы никогда не испытываем эмоции по отдельности, это всегда перекрученный клубок. Именно поэтому на приеме у терапевта людям так сложно вербализировать, что конкретно они чувствуют. Что вы чувствуете? Я знаю, что чувствую, и все же я озадачен своей реакцией.

Чтобы изучить клубок моих эмоций к Портер, понадобится больше времени, чем у меня есть в запасе, поэтому я обращаю внимание к залу суда. Ренделл по новой зачитывают слова присяги. После того, как она заняла место за стойкой свидетеля, судья интересуется у Портер, хватило ли им времени изучить записи телефонных звонков.

Портер встает.

— Да, хватило, Ваша Честь. Спасибо.

От удивления приподнимаю брови. Хотя расследовать было особо нечего, поскольку записи просты, я все еще шокирован тем, что Портер не сопротивляется. Ей следовало, по крайней мере, попытаться удалить их из списка улики.

А когда меня удивляют...

Прикрываю рот, чтобы заглушить голос.

— Миа, есть что-нибудь о GPS, чего мы не знаем?

— Ничего. Почему ты спрашиваешь?

В подсознании просыпается назойливое ощущение, будто забыл выключить плиту, словно мы упустили какую-то часть паззла.

— Не знаю, — шепчу Мии, — Просто... проверьте с Чарли всё еще раз. Смотрите под всеми углами. Найдите то, что мы могли пропустить.

— Я не знаю где...

— Проверьте еще раз, — обрубая я.

Мужчина в первом ряду оглядывается и шикает на меня.

В течение долгой секунды Миа хранит молчание.

— Я постараюсь.

Выключаю конфорку (еще одно упоминание плиты; не есть хорошо), и настраиваюсь на перекрестный допрос Ренделл, который проводит Эдди.

Сегодня она выглядит более уравновешенной, собранной. Подготовленной. Портер неплохо поработала.

Эдди одаривает ее ослепительной улыбкой адвоката.

— С добрым утром, мисс Ренделл.

Он задает ей пару разогревающих вопросов, осведомляется, как она провела вечер, и для большинства это выглядит лишь вежливостью. Но Эдди впитывает каждую деталь. Шаг в сторону, малейшее несоответствие в показаниях, и он набросится на нее, как голодный пёс.

— Итак, на чем мы остановились, — Эдди упирается руками о стойку свидетеля, — По GPS-навигатору в вашем телефоне мы обнаружили ваше местонахождение. У вас есть телефон, мисс Ренделл?

— Да, есть.

Эдди кивает.

— И кто вам его настроил?

— Мой бывший муж.

Она отвечает коротко и просто. Не есть хорошо.

Уловив то же самое, что и я, Эдди меняет тактику, чтобы вызвать эмоциональную реакцию.

— Вы ладите с вашим бывшим мужем?

Ренделл хмурится.

— Большую часть времени.

Он снова кивает.

— Понимаю, у меня тоже есть бывшая жена. Советую воспользоваться услугами моих коллег при разделении имущества, чтобы уладить все достойно.

Она пожимает плечами.

— Мы пытаемся. Видите ли, он настраивал телефон не для меня.

— Да неужели?

— Мой бывший муж настраивал телефон для нашей дочери.

Вашу мать!

Смотрю на Портер. Сидит как ни в чем ни бывало. Холодная, как Снежная Королева. Никакой реакции на очевидную победу. Шейвер тоже не подает признаков эмоций. Двое из ларца, блять.

Доносится слабый голос Мии.

— Вот дерьмо.

Еще какое дерьмо, тонны этого дерьма прямо на папке с делом.

— Найди подтверждение, что телефон находился у дочери, — говорю Мии. — Быстро!

— Уже этим занимаюсь.

Мы хорошо покопались в деле, очень хорошо, но выиграть с аргументом "Бе-бе-бе" не представляется возможным. Нужны доказательства. В эту ложь легко поверить. Отец покупает дочке телефон и регистрирует аккаунт, чтобы поддерживать с ней связь. Смотрю на присяжных. Ага, они клюнули.

Эдди переводит на меня взгляд, и я касаюсь мочки уха, давая ему понять, что Миа уже взяла след.

Он решает сменить вектор допроса.

— Сколько вашей дочери лет?

— Семнадцать.

— Прелестный возраст, — говорит Эдди. — Она учится в школе?

— Да.

— В каком классе?

— В выпускном.

Эдди снова смотрит на меня. Качаю головой. Новостей нет.

Он прочищает горло.

— Значит, мисс Ренделл, вы думаете, что мы поверим, что... — он смотрит на присяжных, проверяя, включились ли они, — ваша дочь-выпускница, была в известном нам наркопритоне около полуночи в будний день?

Эдди хорош, он на правильном пути. Отец покупает дочери телефон — правдоподобно, даже заставляет родителей казаться приличными, словно обеспокоенные родители, следящие за своим ребенком. Информация, что локация — это ловушка, нова для присяжных и на их лицах читается потрясение.

Ренделл, несмотря на ее пристрастие, все еще человек. Таким образом, ее стыд реален. На самом деле, в наркоманах больше стыда, чем у обычного человека из-за того, кто они, и Эдди заставляет ее бороться за то, чтобы в ней видели любящую мать, а не наркоманку.

Кого же засекли в притоне-ловушке? Мать или дочь?

Когда Портер готовила ее, Ренделл, скорее всего заключила сделку с собой, чтобы выдать свою дочь за свидетеля. Только этот последний раз. Кредо наркоманов.

Ренделл шумно сглатывает, погружается во внутреннюю борьбу.

— Я не знаю...

— Так кто был в доме, мисс Ренделл? Вы или ваша дочь?

Портер встает.

— Протестую, Ваша Честь. Вопрос и ответ. Свидетель уже ответил мистеру Вагнеру на этот вопрос.

Судья Мазерс кажется неуверенным.

— Разрешаю вопрос. Мне интересно самому услышать мнение свидетеля об этой ситуации.

Очко в пользу хороших парней.

Ренделл чешет руку.

— Моя дочь. Это ее телефон.

Ох, как глубоко она вязнет.

Отвращение резонирует среди присяжных. Но этого недостаточно. Она может им не нравиться, но это не меняет сути дела Шейвера. Мы все еще должны доказать, что Ренделл не была с Шейвером для обеспечения его алиби.

Новый присяжный немного сомневается. Я сосредотачиваюсь на ней, пытаюсь прочитать ее. Ей глубоко за сорок. Короткие светлые волосы. Маникюр, не слишком разодета. Она кажется... обычной. Что я ненавижу. Обычных людей сложнее всего читать.

Просыпается Миа.

— Мне нужно больше времени, чтобы выяснить, где была дочь в ту ночь.

Я киваю Эдди и быстро провожу пальцами по горлу. *У нас ничего. Заканчивай.*

Эдди обращается к судье.

— Я откладываю право на вопрос свидетелю на более позднее время, Ваша Честь.

Судья Мазерс кивает, хотя и выглядит удивленным решением Эдди отложить допрос.

— Разрешаю, советник. У вас есть свидетель для допроса?

Эдди поправляет костюм, и становится выше.

— Нет, Ваша Честь.

Потому что мы недостаточно проработали Лайла Фишера, чтобы поставить его против Шейвера. И потому что мы не решили, вызывать Шейвера на допрос или нет. Если мы не

сможем доказать была ли Ренделл в притоне, чтобы дискредитировать его алиби... значит вызов обвиняемого может быть нашим единственным способом раскрыть его сущность.

Нельзя получить приговор, доказав, что кто-то психопат.

Но можно обернуть присяжных против названного психопата.

То, как мы планируем это сделать, если придется, это карта Таро.

Если Шейвер был так смел, чтобы отправить мне одну, тогда, это, вероятно, часть его МО^[2]. Пока мы в суде, у меня есть Чарли, который прочесывает убийства с похожим МО и методом убийства, как у Шейвера. Чарли ищет любое упоминание об аркане или Таро в связи с делами убийств.

Это может быть притянута за уши, поскольку я не идеальная жертва Шейвера. Карта может означать только угрозу. Но у людей, как Шейвер, поправка, монстров, как Шейвер, очень специфичная рутина. Они методичны. Они наслаждаются охотой так же сильно, как и убийством.

И он ограничен в том, на кого он может охотиться за решеткой.

Использовать посредника для выполнения его приказов, может заглушить удовольствие, которое он получает от охоты и убийства, но он все еще в нетерпении. Предвкушение кипит внутри него.

Так или иначе, как я всегда говорю, у серийного убийцы есть рутина, ритуал. Этот ритуал доставляет им огромное удовольствие. Если чтение Таро часть выбора жертвы Шейвера, значит, где-то есть улики, чтобы это доказать.

Мие и Чарли просто нужно время на поиски.

Судья объявляет перерыв на ланч, и я выхожу в проход к Эдди.

— Миа работает над доказательством того, где на самом деле была дочь той ночью, — шепчу я ему.

Он понимающе кивает.

— Ренделл — пустая трата времени. Присяжные это чувствуют. Нам нужен этот ДНК-ход, он поможет.

Маленькие пловцы на юбке Ренделл. Которые, технически, могли оказаться там в любой момент той ночи, или до или после убийства Тиллман. Но опять же — доказательства.

Без доказательств мы просто дети в песочнице, кидающие друг в друга какашки.

Значит, лучший план атаки — это просто выбросить этот образец. Затем, как только алиби Шейвера будет дискредитировано, обвинению будет легче поместить Шейвера в номер отеля с Тиллман.

Т.е. представить ДНК Шейвера обвинителем.

Таков идеальный план суда.

Давайте посмотрим на это не с самого удачного угла.

В делах как это, где есть противоречивая ДНК, где один образец доказывает невиновность и вину другого, выжить может только один. Бои без правил для ДНК. Выходят две ДНК, одна ДНК остается.

Я развлекаю сам себя.

Точно. Значит двое мужчин. Это и услышат присяжные, когда обвинитель заявит о ДНК из мотеля. Что жертва была в интимной связи с двумя мужчинами в ту ночь, и что один из них был Шейвер. Но поскольку лаборатория, где была проведена проверка ДНК, уничтожила единственный образец, нет ни единого шанса провести повторный тест.

А значит, у Портер хорошие шансы отбросить наш образец.

Туше.

Но если она не сможет, значит, ее план атаки, скорее всего, вынудит ее увязнуть очень глубоко, ссылаясь на то, что жертва была тем типом женщин, что спят с двумя мужчинами сразу. Обвинение и позор жертвы могут иметь неприятные последствия с присяжными в политическом аспекте, но для Портер осуждение жертвы за ее сексуальную жизнь не имеет значения. Это никак не повлияет на дело, которое она выстраивает. Все, что ей нужно, это взбаламутить воду сомнениями. Буквально, спутать улики достаточно, чтобы присяжные не смогли вынести приговор.

Для Портер представление ДНК из мотеля означало бы, что ей придется доказывать, что образец был подделан или до, или после теста. У нас есть свидетель-эксперт, который готов противостоять линии с ДНК,

Кроме того, что один образец принадлежал Тиллман, у нас есть отпечатки пальцев Шейвера на тумбе в ванной мотеля. Шейвер был там, в той комнате, но там так же оставили отпечатки и образцы ДНК еще около 600 людей.

Места преступлений в номерах отелей — это кластер улик.

В груди стало тесно.

Потираю ноющий пузырь воздуха между ребрами. Эдди смотрит на меня с подозрением.

— Всё в порядке, док?

— Будет в порядке, как только мы возьмем показания у Доминика, — уверяю его. Доминик — наш эксперт по ДНК.

Эдди вздыхает.

— Уверен, у Ловелл есть свидетель, чтобы перекрыть и его показания. Проклятье, ее становится всё тяжелее одолеть. Скучаю по дням, когда она была на нашей стороне.

Да уж. Оглядываюсь на Портер, она смотрит прямо на меня. Она кивает в жесте, означающим, что нам надо поговорить. Грудь распирает щекочущее острое любопытство. Восторг? Да успокойся же ты.

— Поговорим перед следующим заседанием, — обращаюсь к нему и разворачиваюсь в направлении Портер.

Из зала выводят закованного в наручники Шейвера, но перед тем, как офицер уводит его в камеру, он наклоняется к Портер и что-то шепчет ей на ухо. Останавливаюсь. Меня будто пнули в живот.

Он находит меня взглядом и едва заметно улыбается.

Когда его уводят, я подхожу к Портер.

— Клиент уже готов признать вину? — мое чувство юмора похоже на уродливую кузину сарказма. Звучит пессимистично. Черт, ну и попортит же мне крови это дело.

Обжигающий взгляд ее серьезных глаз заставляет меня спрятать презрительную улыбку.

— Я отдам тебе свой образец ДНК, если ты отдашь мне свой? Или подожди, — она поднимает палец, продолжая притворяться, — Твой образец полностью ушел на анализ, и ничего не осталось, так что я не смогу ничего проверить, да?

Пожимаю плечами.

— Может, и нет.

Она вздыхает.

— Вообще-то да. Я хочу поговорить с тобой о сделке.

Качаю головой.

— О чем ты, какая сделка?

Она заправляет прядь волос за ухо:

— Мой клиент хочет с тобой поговорить. С глазу на глаз.

Глава 4

Игры разума

Доктор Йен Уэст

Ослепительно белые стены зала для переговоров были абсолютно голыми. Какая ирония (это слово совершенно потеряло свой смысл), еще в колледже я узнал, что голые стены лучше всего подходят для консультирования клиентов с психологическими проблемами.

Очень хорошо, что мой первый разговор с Шейвером состоится здесь, где ничто не будет отвлекать нас друг от друга.

Слышится звон цепей, и открывается дверь. Охранник проводит Шейвера в комнату и сажает на стул напротив меня. За ними заходит Портер и садится рядом со своим клиентом. Офицер отходит в сторону и замирает в углу.

Воздух в хорошо проветриваемом помещении становится плотным от напряжения, пока мы ждем, когда кто-то из нас заговорит первым. Портер достает папку и открывает ее на столе.

Откидываюсь на скрипящую спинку стула, этот звук слишком громкий для тишины в комнате.

— Похоже на игру в гляделки только без зрительного контакта. Немного неловко.

Портер громко вздыхает.

— Доктор Уэст, если для вас это пустая трата времени моего клиента...

— Нет, — приподнимаю руки в жесте капитуляции. — Я заинтригован. Полагаю, вы хотите получить заключение о невменяемости, а не сеанс с психологом, — произнося это, я смотрю на Шейвера. Он неотрывно смотрит на меня. — Поэтому мне любопытно, чем же я могу быть вам полезен, мистер Шейвер.

Шейвер не отводит пристального взгляда от Портер, когда произносит:

— Я хочу остаться наедине с доктором.

Она качает головой.

— Я настоятельно не рекомендую это делать.

— Мы в надежных руках, — киваю на охранника, — офицер в состоянии разнять двух хулиганов.

Портер бегло смотрит на меня и возвращает внимание к Шейверу. Коротко вздыхает.

— Такого еще в моей практике не было, — с этими словами она убирает папку в кейс и встает. — Я буду снаружи. У вас есть пятнадцать минут.

Наклонив голову, я наблюдаю, как она выходит из комнаты. Ее движения непривычно резки. Конечно, многое зависит от исхода дела, но ее беспокойство связано не с карьерой. Ее тревожит что-то другое.

— Ты здорово ее взволновал, — говорю Шейверу.

Он отклоняется на металлическом стуле.

— Что ж, должен признать, это не только моя заслуга, доктор Уэст. У вас с мисс Ловелл своя история, правда?

А вот об этом мы говорить не будем.

— Чего ты хочешь?

— Диагноз.

Моя улыбка становится шире.

— За пятнадцать минут? Я польщен твоей верой в мои способности, но это невозможно.

Он усмехается. У него приятный баритон. Думаю, его голос занимает не последнее место в наборе его талантов, благодаря которым он заманивает женщин в свои сети. Британский акцент добавляет шарма.

— Я согласен изменить свое заявление. Невиновен по причине невменяемости, — поясняет он, — а ты согласишься стать моим психотерапевтом.

— Народ, все заценили его шутку?

— Я серьезно.

— О, я знаю, что ты серьезно. Поэтому меня все это настолько забавляет, — Я наклоняюсь вперед и сцепляю руки на столе. — Ты не можешь изменить свое заявление в середине процесса. Судьям такое не нравится. Очень.

Он поправляет воротник своей отглаженной белой рубашки.

— Портер может.

Мой желудок охватывает тошнота при его фамильярном обращении к Портер.

— Я соглашусь дать экспертную оценку и показания в суде, — говорю, отклоняясь назад. Ненавижу дышать с ним одним воздухом. — А ты согласишься на новое судебное разбирательство и нового правового защитника.

Одноразовая сделка. Я не хочу провести месяцы или даже годы в качестве психотерапевта для этого девианта. Но я хочу, чтобы Портер держалась от него подальше. Как можно дальше.

Шейвер внимательно изучает меня. Я показываю ему свою руку, мою слабость. Но он достаточно умен, чтобы понять, что к чему. Если сначала я думал, что могу блефовать, при упоминании нашей с Портер истории, у меня не осталось выбора. Он открыто продемонстрировал свои намерения манипулировать моими чувствами.

Пусть лучше думает, что у меня только одна Ахиллесова пята.

Он торжественно кивает.

— Думаю, это мне подходит. Учитывая, что судья откроет новое разбирательство по делу, нанять другого адвоката для меня не проблема. В любом случае, с мисс Ловелл становится работать всё сложнее и сложнее.

Мы ненадолго приходим к согласию, но есть кое-что еще: использование ключевых слов типа — наверное, вероятно, думаю — означают, что человек лжет. Понимаете, к чему я веду?

Шейвер не хочет избавляться от Портер. Она — его козырь в рукаве. Мало того, что она чертовски хороший адвокат, у нас с ней общее прошлое. И Шейвер может придумать креативную стратегию, как манипулировать мной.

Поэтому давать ему воспользоваться этим преимуществом не стоит.

Если он не сменит адвоката, я попытаюсь убедить Портер, что отказаться от дела будет наилучшим для нее выходом. Что будет довольно легко, ведь Шейвер будет косить под невменяемого и, соответственно, невиновного. Она не захочет участвовать в этом цирке.

И оставит Шейвера целиком и полностью мне.

— У этой сделки есть одно условие, — говорит Шейвер.

— Конечно. В этом мире нет места простоте.

Его хитрая улыбка меня раздражает.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне о своей жене.

У меня каменеет лицо. От усилия сохранить неподвижную мимику напрягается каждая мышца.

— У меня нет жены.

— Точно. Прости. Вы не успели пожениться. Но все равно, ты пережил потерю, похоронил свою женщину, и я хочу услышать эту историю.

Да пошел ты, Шейвер.

Именно поэтому я не могу быть его психотерапевтом. Я поклялся — как и Портер — что буду помогать пациентам на пределе моих возможностей. А этому психу помогать я совсем не хочу.

Если из-за этого моя клятва выглядит лицемерно, пусть так, я не возражаю. Ведь именно поэтому я консультирую в суде, а не держу личный кабинет психотерапии.

— Когда я буду проводить оценку твоей вменяемости, Шейвер, игры закончатся. У тебя не будет возможности покопаться в моей голове, чтобы удовлетворить свое извращенное желание. Моя жизнь — я — не имеем отношения к твоему диагнозу и подбору лечения.

— То есть, ты не собираешься рассказывать мне свою историю. Жаль. Портер тоже молчит. Но от этого мне лишь любопытнее узнать, что же вы двое такое скрываете.

— Мы договорились? — заставляю его вернуться к предмету разговора. Я устал и хочу, чтобы Портер оставила это дело сегодня. Сейчас же.

Шейвер протягивает руку, и охранник тут же подрывается в его сторону. Шейвер улыбается.

— Я просто хотел пожать ему руку, приятель.

Встаю и обхожу стол. Встречаюсь с его холодными пустыми глазами и пожимаю протянутую ладонь. Сжимаю твердо, чем вызвал у него еще одну сальную ухмылку, прежде чем отступаю.

Обращаюсь к офицеру.

— Вы не могли бы позвать мисс Ловелл?

— Подождите.

Выжидающе смотрю на Шейвера.

— Ты так и не спросил, совершил ли я преступление.

— Ты преследовал, убил и изувечил Девин Тиллман?

Видите, я тоже могу быть резким. Так кто моргнет первым?

Но он не моргает. Его улыбка меркнет, и спустя секунду я вижу правду в его намеренном молчании.

— Попросите мисс Ловелл войти, — повторяю я.

Я не отрываю взгляда от человека за противоположным концом стола, когда открывается дверь и входит Портер.

— Что я пропустила? — интересуется она.

Наконец-то я смотрю на нее. И вижу, что из-за своей закрытости вчера пропустил кое-что важное в ее облике. Темные круги под глазами, которые не перекрывает даже плотный макияж. Морщинки усталости в уголках ее глаз.

— Хочешь сам ей все рассказать или это сделать мне? — спрашивает Шейвер.

Мои губы складываются в жесткую линию. Будет неприятно.

— Мистер Шейвер только что вас уволил, — обращаюсь к Портер, — Хорошего дня, мисс Ловелл.

Глава 5

Тяжелый стук

Доктор Йен Уэст

— Боже, я тебе не верю.

Портер обгоняет меня на лестнице в суде. Она в гневе. Нет, она оскорблена. Стараюсь сохранить дистанцию между нами, на случай если она решит врезать мне по голове своим портфелем.

— Так будет лучше, Портер. Ты серьезно хочешь сказать Мазерсу, что твой клиент решил изменить заявление? Давить на неувменяемость? Да это же случай из учебника.

Громко вздохнув, она разворачивается ко мне, достигнув последней ступени. Еле успеваю остановиться, чтобы не столкнуться с ней.

— Не учи меня жизни, — говорит она. — Не думай за меня. То, что случилось в переговорной, было настолько неправильно...

— И это говорит женщина, защищавшая в суде убийцу?

Вспыхнувшее пламя в ее взгляде заставляет меня отступить. Наверное, это было слишком. Да, лучше уйти и чем быстрее, тем лучше.

— Слушай, — говорю я, делая шаг вперед, так как уже доказал, что не самый умный человек на земле и не знаю, когда нужно остановиться. — Твой клиент врет. Но хуже этого, он опасен, Портер.

Внезапно меня пронзило тревожное желание заправить за ухо прядь ее волос, чтобы увидеть ее глаза. Вместо этого я сгибаю руку в локте. Прячу это резкое желание так глубоко, что никакой Индиана Джонс не в состоянии будет его откопать.

По лестнице спускается группа людей. Я беру Портер за руку и отвожу в сторону, в более уединенное место. Осенний ветерок доносит до меня лавандовый аромат ее духов, вызывая воспоминания. Делаю глубокий вдох, глядя на нее сверху вниз, и понимаю, что мы стоим слишком близко.

Портер с любопытством смотрит на меня в ответ, на нежной коже между ее бровями появляется складочка. О чем она думает?

Это цветочный женственный аромат согревает мои чувства, обжигает ладони. Но я не двигаюсь, поджариваясь в огне.

— Меня воротит от мысли, что ты проведешь рядом с этим монстром еще хоть одну минуту, — говорю я ей. — Я должен быть уверен, что ты в безопасности.

Уголки ее рта приподнимаются в одной из ее редких улыбок.

— Мой герой.

— Да я такой. Рыцарь в сияющем костюме от Армани.

— Мне не нужен рыцарь, Уэст. Мне нужен друг. Мой друг. Парень, на которого можно положиться, и который доверяет моим решениям независимо от того, плохие они или хорошие. — Послеполуденное солнце освещает ее лицо, и когда она моргает, в ее глазах мерцает золото. — Я скучаю по этому парню.

Мда. Иногда я и сам по нему скучаю. Он был легким на подъем. Он мог рассмешить Портер, заставить ее смеяться грудным хриплым смехом. Я восторгался, был загипнотизирован ее смехом.

Открываю рот, чтобы сказать... что-то, и не могу, слова застряли в саднящем горле. Херня какая-то.

Мне проще быть ее врагом.

Ее вздох обволакивает меня, снимает напряжение.

— По правде говоря, — отзывается она, — я с трудом засыпала с тех пор, как взялась за это дело. — Портер качает головой. — У меня были разные клиенты, ублюдки, каких не сыскать, но этот... не знаю. Я дала клятву и придерживаюсь ее. — Она дополняет свои слова яростным взглядом, — Квентин Шейвер другой. Он темнее. И я знаю, что это может прозвучать глупо...

— Это не глупо, — едва касаясь глазу ее по руке. Показываю, что верю ей.

— Может, это просто стресс, — добавляет она в попытке приуменьшить свой страх.

— Я не слишком доверяю интуиции. Больше внимания уделяю логике, — мягко улыбаюсь ей, — но у разума в некотором смысле есть свои инстинкты. Думаю, будет глупо их игнорировать.

Карта Таро в моем кармане становится тяжелее.

Ее губы изгибаются в намеке на улыбку.

— Хорошо.

Выгибаю бровь.

— Хорошо? Это значит, ты позволишь Шейверу взять нового адвоката?

— Ага.

Склоняю голову, глядя на нее с подозрением.

— И чем это аукнется мне?

— Ты мне должен, — говорит она, скрестив руки на груди.

— Окей, я твой должник. Скажи, что мне сделать, и я...

— Пошли выпьем, — перебивает она меня. Обвив пальцами мой галстук, она тянет меня за собой. — Сегодня. Я, ты и пара бокалов бурбона.

Эта ноющая боль уходит корнями глубже.

— Портер...

— Таковы мои условия. Выбор за тобой.

Сдавшись, киваю.

— У тебя крепкая хватка. Думаю, тебе стоит поразмышлять о смене профессии. — Поправляю галстук, когда она его отпускает. — В офисе окружного прокурора открыта вакансия Доминатрикс.

Она усмехается.

— Смешно.

Подул ветер, и наше затянувшееся молчание возвращает обратно напряжение. Наше хрупкое перемирие, кажется, исчезло так же стремительно, как и ее улыбка.

— Думаю, мне стоит сказать начальству всё лично, — она проверяет время на телефоне. — За такое меня могут уволить.

— Сомневаюсь.

Она поднимает голову.

— Почему ты так уверен?

Пожимаю плечами.

— Я много чего знаю.

Например, то, что Портер предложили стать партнером в ее фирме. Она еще никому об

этом не говорила, что заставляет меня задуматься, а не ждет ли она завершения дела Шейвера и, как следствие, его бурного освещения в СМИ.

Одними губами она произносит "всё-то ты знаешь" и, развернувшись, направляется к лестнице. Останавливается на третьей и оборачивается ко мне.

— При встрече с Шейвером... что ты почувствовал?

Засовываю руки в карманы.

— В смысле, прочитал ли я его?

Она кивает.

— Он виновен.

Доктор Йен Уэст

Сначала я встретил Портер.

В колледже я был всезнайкой, у меня было назначено собеседование с фирмой, проводившей медицинские исследования, и я собирался поразить их остротой своего ума.

Портер сидела в комнате ожидания, а ее клиент, взволнованный молодой человек, у которого были небольшие неприятности с законом, подвергался оценке. Стандартная судебная процедура.

— Это всего лишь мое второе дело, — сказала она мне, когда я спросил, чем она занимается.

Я не смог сдержаться. Было неприлично начинать разговор с сексуальным адвокатом в комнате ожидания, но у меня просто было это ощущение... Если я не сделаю первый шаг, то никогда больше ее не увижу.

А я должен был увидеть ее снова.

Когда назвали ее имя, я спрятал поглубже свое всезнайство (или его отсутствие) и последовал за ней до стеклянной двери, требуя, чтобы она выпила со мной в тот вечер.

Я помню розовый румянец, вспыхнувший на ее щеках, эту милую ямочку, когда она переводила взгляд с секретарши на меня. Я не отстал от нее, пока она не согласилась.

— Ладно, — ответила она. — Уступаю вам, доктор Уэст. Или к вам обращаться просто Уэст?

— Вы можете просто позвонить мне, — я протянул ей листок бумаги с моим номером.

Чисто сработано.

Излишне говорить, что работу я не получил. О, у меня было предложение, но зарплата была не по моим стандартам, и я собирался начать с самого низа в области исследований. В свое время я был снобом. И до сих пор, наверное. Вот что значит быть самым умным человеком в комнате. Я определенно был умнее своего потенциального босса, с его кривым париком и вялым рукопожатием.

Но это не то, что я помню о том дне.

Я помню, как темные волосы Портер отражали свет янтарными бликами и подпрыгивали, когда она шла торопливой походкой, ее стройные бедра гипнотически покачивались. Я помню, как сморщился ее носик, а в уголках золотистый глаз собирались морщинки, когда она улыбалась.

Она была... очаровательной. Может, для нашего времени, говорить «очаровательная» старомодно, но я был очарован ей.

Позже, в баре, который стал «нашим баром», Портер действительно появилась, чтобы выпить. Она написала сообщение, что придет, но я продолжал наблюдать с барной стойки, глядя на дверь каждый раз, когда та открывалась, до того момента, как она вошла.

Мы подшучивали друг над другом, флиртовали, выпили по два бурбона... и чуть не поцеловались... прежде чем она объявила, что на самом деле она запланировала здесь встречу с коллегой, и надеялась, что я не возражаю.

Все было подстроено.

Меня обманули. Портер привела меня сюда, чтобы выдать за друга, который, скорее всего, был настоящим стервятником, и я уже собирался на выход... пока она не представила меня Мелани.

— Это моя коллега, Мелани Харпер.

Мелани усмехнулась, и звук ее мелодичного голоса окутал меня теплом, словно бурбон.

— То есть, соучастник преступления, — сказала Мел.

И это все, что потребовалось.

Я влюбился.

Я сразу же это понял.

Обычно я не из тех мужчин, которые порхают от одной женщины к другой (ну, во всяком случае, не сейчас), но Портер тоже это увидела. То, как мы с Мел смотрели друг на друга. Портер была богиней сватовства. Мы с ней стали друзьями, насколько это вообще возможно для мужчины и женщины, а с Мел... всем друг для друга.

Существует много различных степеней любви. На самом деле их так много, что никто не может испытать их все за всю жизнь.

Я любил Мелани всем своим существом. Некоторые назвали бы это родством душ. Но я также любил и Портер. Она была моим другом, моим доверенным лицом.

Именно это сделало ее предательство еще более болезненным.

После смерти Мел, я взял отпуск. Когда вернулся в зал суда, я увидел Портер, сидящую напротив меня за столом защиты, и это ощущалось, будто часть меня отмерла.

Я переключаю тумблер и поворачиваюсь к барной стойке, чтобы выпить. Атмосфера в индустриальном баре в центре города кажется сухой, что-то вроде мягкой ностальгии, которая не может вызвать правильные сентиментальные чувства. Каждый столик занят в причудливом, но модном заведении, обрывки смеха дополняют музыку в стиле рок. Открытые воздуховоды и балки создают урбанистическое настроение, но теплое освещение и незамысловатый рабочий класс придают уют, несмотря на кирпич, стекло и сталь.

Я сижу на том же самом месте, что и много лет назад, когда Портер вошла в заведение.

Какая-то часть меня всё ещё надеется, что Мел последует за ней, как и в прошлые времена. Эта горькая часть, сморщенная и тяжелая. Немного язвительный, гнойный комок, который презирает все парочки, оккупировавшие бар.

— Обязательно было выбрать это место, — говорю я, не глядя в ее сторону.

Она заказывает себе бурбон и придвигает стул поближе к моему.

— Я в этом плане сентиментальна.

Я взрываюсь смехом. Эта женщина, которая ест прокуроров на завтрак, не сентиментальна. Она прошла долгий путь от адвоката-новичка, которого я встретил в комнате ожидания.

— Как Мазерс воспринял это? — Я поддвигаю стакан к краю стойки, указывая на него. — Дружище, налей еще.

У бармена большая, густая борода и пучок на голове, что давало надежду, что он в состоянии сделать меня пьяным. Он подает Портер ее напиток и доликает в мой стакан.

— Согласился, — говорит она. — Безусловно, без изыщества. Но мне оказали услугу.

— Говоришь, как настоящий адвокат защиты. — Я делаю большой глоток.

Она невероятно подходит мне, проглатывает янтарную жидкость одним глотком. Портер никогда не была из тех, кто потягивает напиток, когда дело касалось крепкого алкоголя.

— Не понимаю, почему ты такая язва, — отвечает она. — Разве ты не должен злорадствовать? Доктор Йен Уэст снова добился своего. Ты собираешься препарировать один из самых запутанных психопатических умов. — Она ухмыляется. — Возможно, ты даже напишешь об этом научную статью. Возвращение к истокам твоего воспаленного эго.

Туше. Я ставлю стакан и смотрю на нее, впервые замечая черное платье с глубоким вырезом, и мягкие волны волос.

— Собираешься на свидание?

— На самом деле, да. — Она серьезно смотрит на меня. — Он настоящий мудака, и его эго... — присвистывает она.

Я шумно выдыхаю.

— Портер, что это за игра? Я не готов продолжать сегодня твои игры разума.

— Уэст, никаких игр. — Она разворачивается ко мне лицом, скрестив при этом ноги. Мой взгляд слишком долго задерживается на разрезе, обнажающем ее бедро, и она замечает это. — Что-то пробуждает твой интерес?

Я быстро поднимаю глаза.

— Шейвер дал тебе карту?

Ее радостное выражение сменяется на мрачное. Мне ненавистно то, что только что убил улыбку, которую так редко вижу на ее лице. Но я должен знать, и нет смысла притворяться, что это свидание, не что иное, как способ получить информацию друг от друга.

— О чем ты говоришь?

— Карту Таро, — поясняю я. — Шейвер давал тебе одну?

Она допивает остатки бурбона, и решительно ставит стакан на стол.

— Нет. Но раз ты спрашиваешь, предполагаю, моему клиенту, моему бывшему клиенту, — поправляет она, — каким-то образом удалось вручить тебе одну... по какой бы то ни было причине.

— Ты знаешь причину.

Она поднимает палец.

— Ах. Я знаю предполагаемую причину. И мы, Уэст, не пойдём туда. Мы не будем тратить время на каждый допрос и свидетеля... — Она замолкает, искра в ее голосе утихает. — Я не хочу спорить с тобой.

— Тогда не надо.

Она наклоняет голову.

— Что это была за карта? Откуда ты знаешь, что она от Шейвера?

В ее очереди накопился целый арсенал вопросов, которые только и ждут своего часа. Я делаю еще один глоток и ставлю стакан на стойку. Если я собираюсь пережить это, мне нужна чистая голова. И сексуальное платье Портер тоже не помогает в этом деле.

Простое признание ее красоты ощущается предательством Мел.

— Ты закончила с напитком?

Она делает последний глоток и ставит стакан на стойку.

— Да.

— Пойдем прогуляемся.

Я протягиваю Портер свою серебряную флягу.

— Вот это мне в тебе и нравится, — говорит она, и принимает бурбон, который я держу наготове. — Всегда готов. Никаких сюрпризов. Всегда предугадываешь их, и любое другое клише в книге.

— Я — клише. Помечу. — Я мельком смотрю на нее и замечаю, как она борется с улыбкой.

Мы сворачиваем к парку «Ярдс». Прибрежный парк — архитектурный рай, с губчатой зеленой травой и водопадами, которые впадают в бассейн, где летом плещутся дети, а взрослые нежатся на солнце.

Честно говоря, ненавижу это место.

Парк был одним из наших любимых мест, моим и Мел. Мы тут выпивали, чтобы согреться, прогуливались по выложенной кирпичом набережной вдоль перил, смотрели на огни, отражающиеся над рекой. Затем пересекали пешеходный мост, останавливаясь посередине и целуясь, как парочка похотливых подростков.

Не понимаю, зачем я привел сюда Портер.

Может, из-за годовщины смерти Мел я просто жажду наказания. Покрыть еще одним слоем вины этот шар скорби.

Или, это что-то глубже, темнее. Уродливее.

Явное напоминание о Мел, так что я получаю удар в пах каждый раз, когда мое подсознание встает на дыбы с влечением к Портер.

Если бы я был психически здоровым человеком, я бы признался, что за последние пару лет мои развивающиеся чувства к Портер были причиной, почему я держал ее на расстоянии вытянутой руки. Но я нестабильный придурок, и Портер уже перешла на другую сторону... как раз тогда, когда я нуждался в ней больше всего.

— Она любила это место.

Слова Портер словно нож, вскрывающий мою грудную клетку.

Я резко втягиваю холодный осенний воздух. Это все, что я могу сделать. Мы идем вдоль набережной, засунув руки в карманы пальто (слава Богу, что это греховное платье теперь спрятано), пока не достигаем травянистого холмика, где в землю утоплены бетонные скамейки.

Портер садится на первую скамейку и потирает руки.

— Уэст, что происходит?

Я смотрю на реку, взвешиваю решение, укрепляю решимость и т. д. и т. п., и затем смотрю на нее.

— Шейвер хочет, чтобы я поставил ему диагноз "невменяемый". То есть временно.

Она моргает и смотрит на меня.

— Это он тебе сказал?

— Да. — Я сажусь рядом с ней. — Сегодня в конференц-зале. Возможно, ему удастся обмануть другого психолога, и он сможет их всех убедить. Он считает, что достаточно умен, чтобы манипулировать кем угодно, но еще он смышлен и понимает, что кое-что превосходит азарт. И я могу рассказать тебе все это сейчас, потому что ты больше не его адвокат, но Портер...

Она кивает.

— Знаю. Пакт.

Еще в те дни, когда я только начинал свою работу в консалтинговом агентстве, Мел,

Портер и я заключили пакт — что все, что мы обсуждали, останется между нами. Безусловно, мы соблюдали этику, но невозможно было представить, что мы никогда бы не обсуждали наши дела. Это то, чем занимаются любовники и друзья — обсуждают свои будни.

— Дело не только в этом, — я рычу и достаю из кармана карту Таро. Она все еще в пакетике, так и не распечатана. Сомневаюсь, что Шейвер оставил бы отпечатки, но он сделал это однажды в номере мотеля, и там могли быть какие-то другие улики.

Я передаю ее Портеру, она изучает рисунок на обороте, затем спереди.

— Пять кубков.

— Карта означает потерю, скорбь, — я даю ей пару минут, ей не нужно заставлять меня объяснять дальше. — Я нашел ее вчера на могиле Мелани.

Портер сверлит взглядом карту.

— Ублюдок.

Я усмехаюсь, не могу сдержаться.

— Не очень-то этично с твоей стороны. — Но невероятно очаровательно.

Она протягивает мне карточку, избавляясь от нее, как будто просто держа ее в руках, она может заразиться неведомой болезнью.

— Уэст, я знаю кто мой клиент. Внутри меня всегда есть колодец, который я приберегаю для надежды... но кто-то должен делать мою работу. Кто-то должен его защищать.

— Но не ты. Больше нет.

Она торжественно кивает и смотрит на меня.

— Как ты понял, что он виновен?

— У него сросшиеся мочки ушей.

Она фыркает.

— О, да ладно.

— Seriously. Это рецессивный признак, который чаще всего встречается у преступников с антисоциальными и психопатическими патологиями. — Я пожимаю плечами. — Не надо ненавидеть парня за то, что он называет это так, как есть.

Мгновение тишины наполняет воздух, как только стихает ее смех. Затем она вздыхает. — Знаешь, перед тем как перейти на другую сторону, после смерти Мел, я спросила себя — что лучше — осудить невиновного или освободить виновного?

Я пристально смотрю на нее, наблюдая, как ночной ветерок бросает пряди волос на ее лицо, как ее густые ресницы обмахивают ее щеки каждый раз, когда она моргает. Она сосредоточенно смотрит на воду, как будто в ней содержится ответ.

— Ну, ты, очевидно, сделала свой выбор. — Никакой горечи.

Она прикусывает губу.

— Я никогда этого не делала. Я не знаю ответа на этот вопрос. Я начала работать в фирме, потому что больше не могла работать в офисе окружного прокурора. Не без Мел.

Боже, какой же я придурок.

— Портер... — Что я могу сказать? Прости, что я был так поглощен своей болью, что не заметил твою? Я парень, который должен знать, о чем все думают, и все же я не мог прочитать ее.

Отрицание.

Я не хотел.

Скорбь поглотила меня. И ее скорбь я не мог вынести.

Я открыл рот, чтобы сказать... что-нибудь, но она покачала головой.

— Послушай, я считаю, что это правильно с обеих сторон. Кто-то должен обвинять, а кто-то защищать. Я прекрасно сплю по ночам, занимаясь тем, чем занимаюсь. Так что можешь запихнуть свой плащ героя обратно в ящик.

— Еще раз, отметил. Трусы Супермена тоже снять?

Ее смех щекочет меня, словно раскаты грома. Удивительно.

Боже, мне еще больше ненавистно то, что придется остановить.

— Мне нужно знать, какие у защиты могут быть оправдывающие доказательства в новом деле. Мне нужно знать, есть ли доказательство, что Шейвер преследовал Тиллман до ее убийства.

Ее смех и улыбка исчезли.

— Ты... что? Обвиняешь меня в нарушении правила Брейди?

— Нет... я бы никогда так о тебе не подумал...

— Тогда ты слишком далеко заходишь, даже спрашивая об этом. Твоя команда все еще помогает обвинению.

— Я могу расценить эту карту как угрозу, Портер. — Я размахиваю ею между нами. — Герой или нет, никто не сможет надавить на меня, чтобы я признал Шейвера невменяемым. Он не сумасшедший.

Она хмурится.

— Ты разговаривал с ним всего один раз. Минут десять. Ты хорош, Уэст. Но даже ты можешь признать, что это раздвигает границы этики с твоей стороны. — Она многозначительно изгибает бровь.

— Хорошо. — Я выгаскиваю руки и сажусь так, чтобы быть к ней лицом. — Как долго мы здесь сидим?

— О нет... — Она начинает подниматься, но я хватаю ее запястье. Она переводит взгляд с моей руки на реку и со вздохом уступает. — Я не хочу, чтобы ты читал меня.

— Я занимался этим все время.

В ее глазах вспыхивает удивление.

— Вот этот взгляд, — пальцы нащупывают ее пульс, — слегка расширенные зрачки... ты беспокоишься о том, что я мог узнать во время нашей беседы.

Ее губы сжимаются.

— Чтобы произвести на меня впечатление, ты должен придумать что-нибудь получше.

Я улыбаюсь.

— Ранее, когда я упомянул трусы, ты слегка покраснела. Ты на мгновение представила, как бы я смотрелся в этих секси-трусах. — Я изгибаю бровь.

Она смеется.

— Это жестоко! Ты сказал это специально, чтобы доказать свою точку зрения. Люди в подавляющем большинстве визуалы. Это данность.

Ее пульс резко участился.

— Ты лжешь. А это значит... — я еще глубже заглядываю ей в глаза. Ее зрачки расширяются. — Ты уже представляла меня таким раньше. Может, даже обнаженным.

Ее улыбка меркнет, она пытается убрать руку, но я крепко держу ее.

— Прекрати, Уэст. Я не буду этого делать.

Я еще не закончил раскрывать ее секреты.

— Когда ты говорила о своем выборе, осуждать или защищать, ты прикусила губу. Красноречивый сигнал, что человек испытывает стыд. Ты призналась, что не знала ответа на вопрос, во что я верю. Но не этот вопрос заставил тебя испытать незамедлительный стыд, что-то другое. — Я наклоняю голову и заглядываю ей в глаза. — Где правда, Портер?

Она шумно вдыхает, затем, наконец, смотрит на меня.

— Когда я сказала, что ушла из-за Мел. Я солгала.

Ужас заполняет мой желудок.

— Что ты имеешь в виду?

— Я ушла из-за тебя, — говорит она.

Каждый атом в моем теле гудит. Предупреждение. Уходи. Но я не могу бросить ее снова.

— Но почему? — Я крепче сжимаю ее запястье, отчаянно ожидая ответа.

— Уэст... — Она прикусывает губу и тут же отпускает ее. — Начнем с того, что все здесь. Ты всегда в моей голове... знаешь, о чем я думаю, чувствую. Это приводит меня в бешенство.

Ее попытка разрядить напряжение не срабатывает. Я вцепился в нее, умоляя сказать правду.

— Работало ли это со мной? Неужели моя угрюмая фаза длилась слишком долго? — После смерти Мел я долгое время был вялым, злым человеком. Никто, особенно я, не знал, когда закончится период скорби.

Он никогда не заканчивался, к слову сказать. Он просто меняется. Разные стадии. Пять стадий, если быть точным. Отрицание. Злость. Торг. Депрессия. И принятие.

Я проскочил отрицание, и застрял на гневе.

Каждый раз, когда я пытаюсь представить себе, как выглядит тот ублюдок, который убил Мел... я возвращаюсь к ней.

Портер качает головой. Смотрит в сторону, на переливающуюся реку.

— У тебя перехватило дыхание... Этот маленький вдох. — Я подхожу к ней ближе. — Твое сердце бешено колотится. Это значит, что ты боишься, Портер. И дрожь твоих губ говорит мне, что ты готовишься сказать правду, что ты не хочешь лгать, несмотря на страх. — Я обхватываю ее подбородок и поворачиваю к себе, чтобы видеть ее глаза. — Ты можешь сказать мне правду.

— А могу ли? Каким человеком я стану, если скажу это вслух?

Напряжение сбивает меня с толку.

— Я боялась, — признается она.

— Чего же?

— Что там, без Мел, я не смогу скрывать свои чувства к тебе. И Боже, Уэст, я ненавидела себя за это. Поверь, я все еще ненавижу. Но я никогда, ни разу, не испытывала ревности. Вы двое были моим идеалом — я завидовала тому, что у вас было, и любила тебя и ее за это. Но без Мел, в качестве буфера, который подавлял мои чувства... — Она замолкает, оставляя остальное невысказанным. Но я знаю, что должно быть в этой пустоте.

Она смотрит на мою руку, которая все еще обхватывает ее запястье. Ее пульс учащается, ударяясь о подушечки моих пальцев, заставляя мое собственное сердце биться быстрее. Я выдавливаю слова через ком в горле.

— Когда?

Всего одно слово, и, возможно, не самое лучшее продолжение ее признания, но она

ухватились за смысл.

— Знаешь, несмотря на все твои способности, ты довольно невнимателен, когда дело касается женщин. — Она, наконец, вырывает руку, и я отпускаю ее. — В комнате ожидания, Уэст. Вот когда.

Все это время, и я идиот.

Я был убежден, что Портер пригласила Мел в тот вечер, потому что она не была заинтересована во мне, что я не пойму намека. И это сработала потрясающе.

Но для меня так удобнее, не так ли?

Затем, после смерти Мел, я ушел и не вернулся. Я не мог смотреть на Портер, не видя лица Мел, воспоминания слишком болезненны. Моя скорбь — мутила.

— Ты не должен ничего говорить, — отвечает она. — Что есть, то есть. Я не позволю своим чувствам затуманить разум. Я не могу дать тебе инсайдерскую информацию по этому делу.

Ага. Потому что это сделает меня королем мудил.

— Но я могу сказать тебе, что, если Шейвер действительно дал тебе карту Таро, ты должен отказаться от участия в качестве свидетеля-эксперта. — Она смотрит на меня, ее золотистые глаза мерцают в свете огней города. — И Эдди тоже уберу с этого дела. Пусть другой прокурор работает.

— Я не собираюсь давать Шейверу карточку на освобождение из тюрьмы. — Я поджимаю губы. — Извини за каламбур. Я не позволю другому доктору фигурировать в этом деле и объявить его сумасшедшим, Портер. Когда он признает себя невиновным, я хочу посмотреть ему в глаза и увидеть преднамеренность. Я знаю, как работает его мозг, и хочу, чтобы об этом знал весь мир.

Она хмурится.

— Твое тщеславие всегда брало верх.

— Это не тщеславие, — я наклоняю голову и пожимаю плечами. — Ладно. Не совсем. Мне нравится быть правым, но Шейвер — хищник, который преследует и калечит своих жертв, и снова и снова ускользает от наказания. — Я беру ее за руку. — Будь на моей стороне в этом деле.

— Уэст...

— Нет. Три года я наблюдал, как ты защищаешь отбросы общества, и ради чего? Потому что "кто-то должен это делать"? Чушь собачья. Ты только что призналась, что было нечто более личное. Значит... — Я переплетаю наши пальцы. — Возвращайся.

Ее рука дрожит в моей. Ее взгляд пытается зацепиться за что-то еще, кроме меня, избегая. Я продолжаю давить.

— Портер, вернись к нам. Тебе там не место. — Я обхватываю ее щеку, моя кожа вспыхивает от прикосновения, от ощущения ее. Как я мог быть таким бестолковым? — Я не справлюсь без тебя.

По ее щеке скатывается слеза, и я смахиваю ее большим пальцем.

— Я не могу... мне надо подумать. — Ее рука накрывает мою на ее щеке, и она отстраняется. — Уже поздно. Мне нужно поспать. Нужна ясная голова.

— Верно. — Я прочищаю горло. Когда она встает, я говорю, — я беру интервью у Шейвера, чтобы поставить предварительный диагноз. Но я твердо стою на своем. Когда я займу место свидетеля, Шейвера засадят.

Она сухо кивает.

— Я ни о чем не прошу, — говорит она, плотнее кутаясь в пальто от ветра, и глядя на реку. — Я отличаю добро от зла. И знаю, что есть границы, которые мы не пересекаем. Но если я не сделаю этого хотя бы раз...

Она смотрит на меня, и, прежде чем я успеваю сделать следующий вдох, она двигается. Ее мягкие губы обхватывают мои, заставляя меня врасплох, и все, что я могу сделать, это попробовать ее на вкус, вдохнуть сладость поцелуя, прежде чем она отстранится.

Почти как тот несостоявшийся поцелуй в баре...

Было бы все иначе, если бы я знал о чувствах Портер?

Я не могу думать об этом.

— Еще одна вещь, которая мне нравится в тебе, — шепчет она мне в губы, — твой дар убеждения. Увидимся завтра.

Ошеломленный, я стою и смотрю, как она уходит. В груди нестерпимо ноет, но это не больно. Она кажется слишком полной, всеобъемлющей. Потом я бросаю взгляд на мост, и меня охватывает проклятый стыд. Я чувствую себя виноватым, когда вспоминаю о Мел.

На какое-то мгновение она исчезла. Из сердца вон. Я забыл о ней.

— Проклятье.

Я застегиваю пальто и иду к своему дому, все это время ненавижу себя. Я только что попросил Портер присоединиться к нашей команде. Где я буду видеть ее каждый день.

Там, где я не могу убежать от нее.

И я даже не знаю, что чувствую.

Или что натворил.

Когда вхожу в квартиру, я включаю отопление и вливаю в себя здоровую дозу бурбона, чтобы отрубиться.

Доктор Йен Уэст

Знаете, что хуже оценки психопата-серийного убийцы? Оценка психопата-серийного убийцы, испытывая при этом похмелье.

Хотя это вопрос с подвохом. Оба варианта одинаково ужасны, и именно поэтому я не проработал и года на позиции судебного психолога на заре своей карьеры. Мелани предложила мне подойти к профессии с другой стороны.

— Это несколько выходит за рамки вашей квалификации, не так ли, доктор Уэст?

Я улыбаюсь — мило и широко — новому адвокату защиты Шейвера. В этот раз он выбрал настоящего придурка Стива Смигела. Ну, серьезно. Смигел? Не хватает пары букв, чтобы получился тот тролль из "Властелина Колец". С таким же успехом его можно называть Голлумом. Что я и делаю у себя в голове.

— Это было сделано по просьбе вашего клиента, Смигел, — Голлум, — Обсудите это с ним. — Потому что есть много других мест, где я предпочел бы быть прямо сейчас. Например, в постели, укрывшись с головой одеялом, избегая Портер.

Или в постели с Портер.

Я прогоняю эту мысль прочь. Плохой мальчик.

Алкоголь и ностальгия — плохое сочетание.

— Я просто спрашиваю, — продолжает тролль, — вас никто не осуждает. Сколько времени прошло с тех пор, как вы действительно занимались настоящей психологией, а не просто консультировали присяжных?

Просто консультация присяжных. Как будто это не считается работой. А так, хобби.

— Практиковал судебную науку, — исправляю я его, и он приподнимает свою тонюсенькую бровь. — Это правильная терминология. На будущее, чтобы не показаться необразованным, учитывая, что ты работал в области права на протяжении... сколько? — Я делаю вид, что думаю.

— Год, — отвечает он.

— Точно. Там еще раздают первокурсникам леденцы на палочке у памятника Марксу?

Его хмурый взгляд доставляет мне огромное удовольствие.

Я с треском открываю свой портфель на столе, крепко зажмурив один глаз, когда громкий щелчок рикошетом отражается от моей раскалывающейся головы. Сорок пять минут побыть профессионалом, и можно сваливать.

Смигел отступает в сторону, когда охранник входит в комнату, и я слышу звон цепей, когда появляется Шейвер в сопровождении другого охранника. Второй офицер усаживает Шейвера за стол напротив меня и пристегивает цепь наручников к особому креплению в центре стола.

В комнате для переговоров заменили стол. Этот привезли из ближайшего исправительного учреждения специально для Шейвера. Чтобы не рисковать, перевоза Шейвера туда-обратно, судья приказала держать его здесь под усиленной охраной.

Шейвер не отрывает от меня взгляда, пока офицер проверяет и перепроверяет, хорошо ли он закрепил оковы. После всех проверок охранник встает у двери нести свой

неподвижный дозор.

Я жду, когда первый офицер выпроводит Смигела из комнаты, и только потом расслабляюсь в кресле. В свете того, что Шейверу дали особые привилегии, я не упустил возможности сравнить счет и выбить кое-что для себя. Я попросил Чарли привезти мое офисное кресло, конечно, по этому поводу была бумажная волокита с разрешением, но... оно того стоило. Ауре превосходства, которая всегда витала вокруг Шейвера, пришлось потесниться.

— Нравится мое кресло? — прокручиваюсь на нем и упираюсь ногой в пол, как только снова вижу Шейвера лицом к лицу.

— Оно прекрасно, доктор Уэст, — говорит он со своим раздражающим акцентом, щедро сдобренным присущей ему надменностью.

— Уж точно круче твоего стола, — говорю я. — В следующий раз можем попросить поставить для тебя кожаную каталку с удерживающими ремнями. Тогда мы будем равны. Как думаешь, они согласятся? — самодовольно улыбаюсь.

Он наклоняется вперед и сцепляет руки, насколько позволяют наручники.

— Это интересная мысль. Мы как равные.

Я перестаю вертеться на стуле.

— Ты так не считаешь?

— Этот вопрос — часть процедуры оценивания?

Улыбаюсь.

— Шейвер, я начал оценивать тебя в первый же день суда. Сила привычки, профессия психоаналитика и все такое. Сложно выключить это по щелчку переключателя.

Он прищуривается, его губы складываются в своеобразную полуулыбку.

— По щелчку переключателя. Мне это нравится. То, что нам присуще, сложно отключить.

— Именно это я и имел в виду.

— Любопытно, насколько тебе сложно находиться рядом с мисс Ловелл и не препарировать ее милый характер.

Мне не нравится, что он использует ее имя в одном предложении со словом "препарировать". И он это знает, поэтому его улыбка становится шире.

Пора поджарить ублюдка.

Открываю папку из манильской бумаги и беру ручку. Зачитываю вслух дату, мое имя и полномочия. Затем смотрю на Шейвера.

— С этого момента начинается ваша официальная оценка, Квентин Шейвер, согласно приказу Верховного суда округа Колумбия. — Протягиваю руку и ставлю на паузу запись камеры. — Я здесь, как и договаривались, но, если ты еще раз упомянешь имя Ловелл, сделке конец. Понял меня?

— Понял, доктор Уэст. — Он бросает на меня свой самый пугающий и проникновенный взгляд. — Человек стоит столько же, сколько и его слово. А нарушать соглашения... непростительно.

Самодовольный ублюдок. Я тоже понял. Не переходить ему дорогу.

— Пока мы не начали запись, у меня есть вопрос.

— Слушаю.

— Почему ты изменил свое заявление в середине процесса? Насколько я могу судить, всё и так шло в твою пользу.

Выражение его лица — обычно такое спокойное — меняется. Сначала появляется дрожь неуверенности, потом вспышка гнева. Негромкий рык и приподнятая верхняя губа. Нужно быть осторожным и не слишком глубоко погружаться в чтение его микроэмоций. Он опытный манипулятор и хорошо управляет своими чувствами. Настолько хорошо, что, если я вижу четкую эмоцию на его лице, мне стоит лишний раз задуматься, не подстроил ли он это специально.

Ну и кто теперь сходит с ума?

Боже, ненавижу оценивать психопатов.

— Сколько дел ты проиграл на сегодняшний день? — спрашивает он.

Моя очередь быть самодовольным.

— Ни одного.

И это правда. Но если честно, в угоду скромности добавлю, что я не выбираю заведомо проигрышные дела. Мы с командой взвешиваем и оцениваем все детали, прежде чем соглашаемся взять на себя клиента. Даже у Эдди были случаи отказа, когда я знал, что есть хоть малейший шанс проигрыша.

Я не боюсь сложностей. В каждом деле свои сложности.

Это мудрая стратегия в пользу карьеры. В Вашингтоне, в сердце правительства, кто наймет команду судебных консультантов, которые проигрывают дела? Всегда быть на высоте — часть маркетинговой стратегии.

В меньшей степени, это так же помогает доверять клиентам. И таким образом я чту память о Мел в компании.

— Я хочу быть на стороне победителя, — говорит Шейвер, — и это значит быть на твоей стороне, доктор Уэст.

Погладь подольше мое эго, приятель.

— Ты не знал о телефоне Ренделл, — предполагаю я.

Он протяжно вздыхает. Я принимаю это за согласие.

— Слабых очень легко сломать. Я скорее отдам свою судьбу в твои руки, чем в ее.

Я это запомню. Нажимаю кнопку "Запись" и начинаю интервью.

Пробираюсь сквозь рутинные вопросы — дом, родители, отношения в семье, воспитание — на всё Шейвер отвечает предсказуемо. Должно быть, он вызубрил инструкцию, как стать безумным серийным убийцей.

Он отрицает любое насилие в семье. Говорит, что не наносил вреда животным в детстве. Он проявляет эмпатию и совершенно не показывает психопатических черт. Я искренне верю, что он может обмануть систему.

Последний вопрос.

— Зачем вы убили и изувечили Девин Тиллман?

Типичным ответом среднестатистического невменяемого убийцы был бы один из двух: отрицание или хвастовство.

Поскольку Шейвер по новой заявил о своей невиновности путем невменяемости, он не может с успехом отрицать убийство. Так что вполне логично, что он начинает вдаваться в детали, в подробности, чтобы вновь пережить убийство. Даже признаться в других убийствах, если так осмелеет.

Многие убийцы завышают число своих жертв. После того, как их поймали и посадили, количество убийств дает им власть в тюрьме. Также внимание прессы. Если собираетесь стать садистом-убийцей, то можете войти в историю.

Но вот тут-то и начинается самое интересное.

Шейвер отвечает:

— Не знаю.

Я заглядываю в свои записи.

— Что произошло вечером накануне убийства? — Я не буду преуменьшать, называя это инцидентом. Тем более в пользу тех, кто будет оценивать интервью позже, а не для Шейвера.

— Ты мне не поверишь, — говорит он.

— А ты попробуй.

Не моргая и не отрывая от меня глаз, он говорит:

— Я пытался ее спасти.

Ах. Вот и получил. Я ждал момента, когда Шейвер установит мяч для первого удара, раскроет, какой тип психопатии он пытается применить для своей защиты. Знаете, мне становится скучно, когда использую отсылки к гольфу.

— Пожалуйста, продолжай.

— Демоны съедали ее живьем изнутри, — говорит он. Он такой спокойный, такой рассудительный. Я убежден что, произнося эту речь, он верит собственной лжи. Он должен, чтобы передать этот уровень искренности с невозмутимым лицом. — Единственный способ спасти ее — освободить их, вырезать их.

Для широкой общественности внесем немного ясности: есть разница между психопатией и психозом. В то время как психопатия — это любое расстройство личности антисоциальной разновидности, психоз демонстрирует потерю реальности, как длительную, так и кратковременную, например, при кратковременном психотическом расстройстве. И обычно имеет главный стрессор, чтобы вызвать внезапное начало. Галлюцинации, бред, беспорядочное поведение — все симптомы. Удобно для Шейвера.

Видите ли, психопатия неизлечима. Но состояние психоза — не связанное с таким психическим заболеванием, как шизофрения (готов поставить на это деньги), можно лечить, корректировать. Есть шанс реабилитации с медикаментами и терапией и... сейчас будет самое смешное... в итоге излечиться. Вернуться в дикую природу.

Но как можно такое повернуть?

Придумать травму. Повреждение мозга.

Все что мне нужно сделать, это согласиться и не искать источник, и Шейвер получит сокращение срока и пребывание в милой психлечебнице, несколько рецептов, и досрочное освобождение, когда он будет признан вменяемым.

Но зачем мне это делать? Вот в чем вопрос, не так ли? Портер отстранили от дела, и единственной угрозой моей персоне была карта Таро на могиле моей покойной жены. Отправленная психопатом из-за решетки, который нападает на невинных женщин.

Я не вижу этого, мудака.

Я засунул руку во внутренний карман и охранник, о котором, признаться, я совсем забыл, делает шаг вперед.

— Просто карта, — говорю я ему, и держу так, чтобы он ее изучил. Затем опускаю ее на стол. — Шейвер, вы можете это объяснить?

Неуловимо. Берет карты в руки. Насколько далеко он хочет зайти?

Я наблюдаю за его лицом, ожидая увидеть, как раздуваются ноздри, расширяются глаза, узнавая, как подергиваются его губы, когда он пытается скрыть свое удовольствие от

получения ответа от меня. Хотя вторжение в могилу Мелани и разозлило меня, я разыгрываю этот гнев в интересах Шейвера. Я хочу расколоть его, узнать его мотив.

— Это карта Таро, доктор Уэст, — просто отвечает он.

— Я вижу, — стучу по карте двумя пальцами. — Что я хочу знать, это что она значит для тебя?

Он подвигается вперед и тянется к карте, цепи царапают стол. Его пальцы благоговейно скользят по пластиковому покрытию.

— Когда я был мальчиком, в конце улицы жила старая цыганка. Дети смеялись над ней. Забрасывали яйцами ее дом. Прикалывались с дверным звонком, думаю, так называется это в Америке? Родители говорили нам держаться подальше, оставить несчастную старуху в покое.

Он переворачивает карту и передо мной появляется человек в плаще.

— Даже тогда, — продолжает он, — пока я не понял мир, я чувствовал ее присутствие. Знания того старого мира. Однажды она подошла ко мне, а дети разбежались, но я остался стоять. Она достала карту из кармана и приложила ее к моему лбу и сказала — Мужчина в плаще будет твоим спасением.

Я ощущаю, как меняется мое выражение лица, пока я смотрю на него. Я уверен, что выдаю свои догадки, поскольку он изучает меня так же пристально, как и я его, но мне все равно. Я полностью сбит с толку, является ли эта часть приукрашиванием его будущего заявления о бредовых состояниях, или это правда. В любом случае, я делаю быструю пометку проверить, жива ли еще эта женщина, а если нет, то, когда и как она умерла.

— Сколько тебе было лет? — спрашиваю я.

— Тринадцать. Возраст просвещения. — Его улыбка не коснулась глаз.

— Как ты думаешь, что она имела в виду?

Он пожимает плечами.

— Тогда, я не смог бы ответить. Только то, что я был особенным, и, вероятно, эта темная фигура в плаще, хотя мой юный мозг видел в нем супергероя в плаще, — усмехается он, — пришел за мной. — Он громко фыркает и садится прямо. — Или же Мрачный жнец.

А вот и раздутое чувство собственной важности, ребята. Наконец пролилась его истинная психопатия.

— Но он не мог быть Мрачным жнецом, если должен был спасти меня, — говорит Шейвер. — Я многие годы думал об этом, решив, что это метафора. Знаете, когда вы молоды, возникает этот определяющий момент? Что-то глубоко всплывает на поверхность? — Я киваю, чтобы он двигался к чертям дальше. — Для меня это была цыганка и ее пророчество.

— Вот почему ты стал изучать Арканы, — говорю я, подразумевая вопрос.

Он показывает зубы, не совсем улыбка или ухмылка.

— Да. Этот момент значительно повлиял на мою жизнь. Я научился читать карты, доверять их проницательности.

— И использовать карты Таро как инструмент для выбора.

Я огибаю линию безопасности здесь, делая вывод о процессе выбора жертвы. Но Шейвер достаточно умен, чтобы идти по ней. Он может дать мне правдивый ответ, не обвиняя при этом самого себя.

Он прищуривается.

— Я увидел Девин в картах, — отвечает он, следуя теме. — Я увидел ее боль. Ес

страдания. Поэтому, когда она пришла ко мне, я не мог ей отказать. Я сделал для нее расклад, и тогда карты указали на демона внутри нее. Она вцепилась в свою кожу, умоляя об освобождении. А я просто...

— Сорвался? — предполагаю я.

Он медленно кивает.

— Я увидел себя... — он закрывает глаза. — Разрезающим ее плоть, вырезающим вокруг костей. Вскрывающим грудную клетку, чтобы добраться до ее сердца, потому что сердце — это то, что нужно освободить. Я чувствовал, как оно пульсирует в моих руках, но это было так, словно я смотрел со стороны, как во сне. Кровь... столько крови... на моих руках. Такая красная, как фигура на ее карте. Освобождение красного, освободило бы ее, и я не смог остановиться. Ее боль была заразной. Я должен был это остановить.

Вплетение правды в выдумку отличный способ создать правдоподобную ложь. Тиллман, вероятно, царапала свою кожу. С необходимостью ее исправить. Но Шейвер "сорвался" объяснение никогда не прокатит у присяжных. Особенно у присяжных, которых я помогал выбирать.

— Ты сказал, она выбрала карту. Где эта карта сейчас?

Если он ответит честно, это даст нам отправную точку для раскрытия нити Таро в других делах. В отличие от других серийных убийц с четким МО, Шейвера сложнее всего предугадать. Увечья — распространенное импульсивное поведение по многим причинам. Если он вырезал сердце у каждой жертвы, это было бы, по крайней мере, общим знаменателем. Но поиск, который Чарли провел с помощью ViCAP и в других базах правоохранительных органов не выявил такой МО.

Если Таро показывает Шейверу его жертвы, то логично предположить, что у него есть заранее определенный, выборочный метод убийства для каждого. Я делаю пометку, чтобы Чарли занялся поиском жертв, у которых отсутствуют органы. Возможно, случаи, которые упускают из виду, носят серийный характер из-за их привлекательности на черном рынке.

Маска Шейвера на секунду сползает, и я замечаю, как он оценивающе смотрит на меня. От этого у меня по спине пробегает неприятный холодок.

— Доктор Уэст, карты всегда возвращаются в колоду, — наконец отвечает он.

Я бросаю взгляд на лежащую на столе карту в пакете. Эта карта из личной колоды Шейвера, и он говорит мне, что после того, как он закончит со мной, карта будет возвращена.

Я прячу карту в карман и закрываю папку, прежде чем отключить камеру.

— Я закажу МРТ и КАТ. — И встаю.

— Мы закончили, доктор Уэст?

— Закончили, — говорю я. — Как только я получу результаты анализов, моя оценка будет завершена и передана твоему адвокату.

Я захлопываю портфель. Если обнаружится травма головного мозга, я съем свой галстук. Неужели Шейвер ждет, что я присягну перед судом и солгу насчет снимков? Что-то здесь не сходится.

Совет Мии по поводу осторожности не покидает мои мысли.

Разочарование Шейвера заметно по его своенравному выражению лица, в котором проглядывает намек на вызов. Он хочет контролировать процесс, хочет контролировать это интервью.

Этому не бывать.

В момент, когда я останавливаюсь перед дверью и жду, что охранник меня выпустит, Шейвер произносит последнее слово.

— Разве тебе не хочется узнать расшифровку твоей карты, доктор Уэст? Что Пятерка Кубков припасла для тебя?

Ладно, слово было не одно. Но для меня все это звучит как полная чушь.

— Нет, — и с этим выхожу из комнаты.

До того, как успела закрыться дверь, я слышу Шейвера:

— Захочется.

У кого-то разыгралась интуиция? Жуткий ублюдок.

Выйдя из здания суда, я достаю телефон, чтобы позвонить Портер, сообщить ей последние новости... но передумываю. Чем меньше она знает, тем безопаснее для нее.

По крайней мере, это благовидный предлог не разговаривать с ней. Другая половина меня просто боится после того, что она сказала накануне ночью. Похмелье обуздано, и я звоню Эдди.

— Хочешь хорошие или плохие?

— Дерьмо. Хорошего же нет?

— Нет.

Он обзывает меня, и я смеюсь.

— Шейвер выстраивает психоз-защиту. — Этот научнообразный жаргон ничего не значит для него, и я объясняю. — Он выйдет через два года.

— Проклятье. — Спустя пару напряженных секунд он говорит, — Что, если мы сделаем то, что не смогли сделать наркотики?

— Я заинтригован. Что ты предлагаешь?

— Непредумышленное убийство, возможно, не имеет такого веса, как убийство в первом случае, но это легче доказать. И с профессией Шейвера...

— Служит основанием для доверия его внезапному психозу. — Его рухнувшей защите. — Все, что тебе нужно сделать, — это убедить присяжных, что уличная наркоманка может спровоцировать психоз. — Что, учитывая печально известную репутацию Шейвера, может сработать.

Не так бы я хотел засадить Шейвера, но иногда приходится соглашаться. Ради общего блага.

— Это все, что я должен сделать? — Повторяет Эдди с издевкой в голосе. — Фигня, док.

— Да ладно тебе. Избалованные богатые детки всегда получают желаемое.

— Ага. А иногда их лишают звания адвоката.

Глава 8

Любовники

Доктор Йен Уэст

В системе правосудия нет ничего романтического. Это неповоротливый организм с наросшим от многих лет неподъемного груза панцирем.

И это очень дорого!

Процесс создания нового дела Шейверу — это медленный обход с большим количеством плетей. Эдди получает удар — но не такой сильный, как тот, который нанесла защита. После сегодняшнего дня я думаю, что Портер, возможно, обдумывает мою смерть.

И хотя формально я не являюсь консультантом по судебному разбирательству, я поймал судью Мазерса на том, что он бросил на меня косой взгляд во время сегодняшнего заседания.

Эй, что я могу сказать? Я выявляю лучшее в каждом человеке.

Улики остались те же. Но все остальное изменилось. Игроки меняются местами, как в игре в музыкальные стулья. Эдди больше не пытается доказать вину Шейвера, скорее он сейчас — с помощью моей команды — строит дело, чтобы обвинить его в состоянии сильного опьянения и опровергнуть утверждение защиты о временном помешательстве.

Портер получила удар по рукам от своей фирмы и была отстранена на две недели. Не уверен, что это значит для ее повышения, в качестве партнера, или что это значит для нас... но мне хотелось бы думать — даже если она ненавидит меня за это — что она защищена.

Убрав её с этого опасного пути, я могу достаточно ясно мыслить.

Почти.

Портер жестоко обошлась с моей головой. Но сейчас я не могу об этом думать.

Скамьи заполнены моим любимым типом людей.

Потенциальными присяжными.

Я откидываюсь назад и кладу руки на спинку скамьи. Женщина рядом со мной кашляет достаточно громко, обозначая, что я вторгаюсь в ее драгоценное личное пространство.

— Простите, — шепчу я и убираю свои конечности.

Это время для отбора присяжных, моя очередь блистать. Для меня это тот случай, когда дело либо будет выиграно, либо проиграно.

Отбор присяжных — это целая наука. Но дело не столько в отборе присяжных, сколько в их устранении. Перед первым судом мы составили композицию того, как должен выглядеть наш идеальный присяжный. Не физически, а с точки зрения личности.

У этого человека не будет никаких сомнений насчет невиновности Квентина Шейвера.

Самое важное условие — у них не должно быть предубеждений против смертной казни.

Но Шейвера не судят на смертную казнь, скажете вы. Концепция та же. Человек, который твердо убежден в теориях типа «око за око», — это люди, которые нам нужны. У них нулевая терпимость к несправедливости.

И если мы сможем найти этих двенадцать человек... (ох, в идеальном суде!) значит, мы уже на полпути к успеху. Поскольку суд над Шейвером основан на его признании вины, этим людям будет трудно поверить в его демонические галлюцинации и защиту от безумия.

Но эти же самые люди полностью бы поддержали наркоманскую паранойю, когда он преследует Тиллман до мотеля, после истязает ее, связывает, наносит удары восемь раз,

затем разделяет ее труп и вырезает сердце.

Кровавые детали. Но эти детали существенны для суда. Наши идеальные присяжные восстанут против системы, которая позволяет такому животному разгуливать на свободе.

Утром по защищенной электронной почте я отправил обновленное описание нашего идеального присяжного Мие и Чарли. Чарли ждет имя, чтобы начать расследование.

Поскольку у нас нет доступа к списку присяжных (это незаконно) для предварительного расследования потенциальных возможностей, у нас есть всего несколько минут, чтобы изучить присяжных и принять решение, оставить их или устранить.

Это возбуждает.

В то время как Миа, Эдди и я работаем над допросом, мне нужен кто-то, кто будет работать с изложением фактов. Этот человек должен подружиться с детективом по делу... и черт, это будет нелегкий союз. Для любой из сторон.

Адвокат защиты и следователь по особо важным делам? Работают вместе?

Не бывать такому. Детективы работают с обвинителями.

Но Портер должна быть на моей стороне. Неважно, на какой стороне она лично, она принадлежит команде. И она мне нужна.

Вот почему я тайком натравил Мию на Портер, чтобы убедить ее, что пришло время возвращаться домой.

Не судите меня. Я уже признался, какой я слабак, когда дело касается Портер. И этот поцелуй... с таким же успехом я могу отозвать свою членскую карту мужского клуба. Это заставило меня спрятаться за работой, где безопасно.

Судья обращает внимание суда на первого потенциального присяжного заседателя, который приступит к голосованию.

— Слава Богу, — выдыхаю я. Еще одна минута в этом потоке мыслей, и я бы разбил голову о скамью.

— Ты звонил... — говорит Миа в моем наушнике.

— Забавно. — Я улыбаюсь женщине рядом со мной, и она отодвигается еще на дюйм.

— Первой встает Кларисса, — шепчу я, и думаю о шутке Ганнибала.

— Знаю, как это убивает тебя не ходить туда, — помечает Миа. — Ладно, мы вошли.

Нога нервно постукивает в ожидании.

— Кларисса Боуер, — отвечает Миа. — Чарли не слишком глубоко накопал на нее. Тридцать три, страховой брокер. Одинока. Без детей. Хобби включают фильмы и чтение. Но ее самое большое увлечение — участие в программе переписки с заключенными из местного исправительного учреждения.

Я провожу рукой по лицу. Теперь я понимаю, почему Чарли не стал копать дальше.

— Дай угадаю. Навязчивый комплекс спасителя.

— Именно. Или она просто одержима преступниками в целом. Думаю, этот пункт более опасен. Подступаю к горяченькому.

Когда дело доходит до поведенческой стороны, я доверяю чутью Мии. Женщине, увлеченной преступниками и опасностью, не место среди присяжных. И шутка о Клариссе сейчас слишком проста. Позор.

Смигел задает потенциальной присяжной несколько ключевых вопросов, получает над ней преимущество, затем смотрит на судью.

— Защита принимает этого присяжного, Ваша Честь.

Ага, конечно, принимает. Она подаст тебе горячее блюдо с названием «оправдательный

приговор».

Эдди смотрит на меня, и я потираю нос. Наш код — убирай присяжного. Эдди встает.
— Я выступаю против этого присяжного, Ваша Честь.

А теперь, отвод без объяснения причин или ходатайство об исключении из списка присяжных — это право, как обвинения, так и защиты отклонить присяжного без причины. Каждая сторона может оспорить десять присяжных, так как это дело об убийстве первой степени, к вашему сведению.

Может показаться, что это много, но эти ходатайства иссякают быстрее, чем вы думаете.

Смигел переходит к следующему потенциальному присяжному.

— Следующий — Эдрю Смит.

На линии слишком долго мочат, и я начинаю нервничать.

— Миа?

— Прости. Я здесь. Хорошо, Эндрю Смит. Чарли говорит, что все проверяет. Учителю истории в местной средней школе. Немного онлайн активности. Вот тут-то мы и зависли. Его аккаунты в социальных сетях неактивны. Он почти не проводит время в интернете. Вероятно, чтобы избежать встречи со своими учениками.

— Десять/четыре. — Думаю я, пока изучаю мужчину, сидящего на галерее. Думай. Думай. Без следа в онлайн, не уверенный, к чему он склоняется. Каждый присяжный приходит в суд с предрасположенностью, с мнением. Наличие предыстории их политических взглядов и предубеждений помогает нам обнаружить это до суда.

Я сигнализирую Эдди задать Смицу вопрос о смертной казни.

Смит отвечает:

— Если человек признан виновным в ужасном преступлении, отняв жизнь... тогда наказание должно соответствовать преступлению. Я за это.

Черт. Как идеально. Тем не менее, я колеблюсь. Эдди смотрит на меня, бровь вопросительно изогнута. Учитель стал бы идеальным старшиной присяжных, и с таким мнением...

Киваю один раз.

— Этот присяжный принимается обвинителем, Ваша Честь.

Хорошее начало. Я устраиваюсь поудобнее. У нас все еще есть дела, и следующая потенциальная присяжная доказывает это презрением ко всему живому на этой планете.

— Скажи, что остальные не выглядят так мрачно, — шепчу я.

Во время перерыва я устраиваюсь на ступеньках здания суда. Плечи ссутулились, голова поникла в поражении. По крайней мере, это похоже на небольшое поражение на промежуточной стадии. Четверо присяжных. Вот сколько их у нас пока что есть, и я могу сказать с полной уверенностью, что они не спишут защитную стратегию Шейвера, основанную на безумии.

С пятью потенциальными под вопросом, одним оставшимся страйком и двумя вакантными местами наши шансы уменьшаются.

Я чувствую ее присутствие еще до того, как она что-то успевает сказать. Портер

занимает место рядом со мной, ее лавандовый аромат проникает в мои чувства и заставляет мое сердце биться быстрее.

— Было бы проще вынести ему обвинительный вердикт во время первого процесса, — признаю я вслух.

— Вау. Спасибо, — отвечает она. — Почему бы тебе не рассказать мне, как ты на самом деле относишься к моим навыкам?

— Это не то, что я имел в виду, — я облегченно вздыхаю. — Я боялся, что мне придется выступить против тебя. Снова. — Я украдкой смотрю на нее. — Тебя трудно победить. В наши дни это почти невозможно.

— Ты проделал чертовски хорошую работу.

Ауч. Возможно, я действительно помогал своим клиентам выигрывать у Портер в течение последних нескольких лет, и, возможно, я даже делал это немного из личных побуждений, чем профессиональных, но я всегда знал причину, почему нахожусь в центре внимания.

— Дело не в победе, Портер, — отвечаю я, невзирая на то, во что я заставляю мир верить. — Речь идет о справедливости. — Речь идет о Мел и ее убийце — подонке, сбившем и сбежавшем водителе, которого я никогда не смогу наказать. Когда я смотрю в глаза подсудимого и вижу его вину...

— Они становятся этим человеком. Они все этот человек. И я приложу все усилия, чтобы они не вышли на свободу.

Она понимающе кивает.

— Знаю, Уэст. Но нужно сохранять равновесие. Как Шейвер. Он не может быть осужден на основании одного мнения. Вот почему есть двенадцать человек, которые обсуждают свои мнения. А не просто твое.

— Люди предсказуемы. Ты можешь нарисовать картину в черно-белом цвете, и они все равно будут видеть серый цвет.

Она качает головой.

— Однажды проснувшись утром, вряд ли кто-то захочет думать о том, что он искалечил жизнь человеку. Они верят, что чтобы сделать что-то настолько отвратительное, человек должен либо временно, либо полностью лишиться рассудка.

А она сообразительная.

— Даже с учетом не столь безобидного присутствия Шейвера в СМИ, он создал себе репутацию вокруг наркотиков, а не убийства. Что, честно говоря, весьма блестяще. Присяжные с радостью признают его виновным по обвинению, связанному с наркотиками.

Вот почему у нас есть запасной вариант с наркотиками.

— Я верю в тебя. — Портер толкает меня локтем. — И кстати, я не собиралась вступать с тобой в схватку в зале суда.

Более смелый, чем я ощущаю себя в данный момент, я смотрю ей в глаза.

— Тебе и не нужно этого делать. — Серьезность моего заявления витает в прохладном осеннем воздухе между нами.

— Миа звонила. — Она выпрямляет спину, и ее колени поворачиваются ко мне. Мне приходится подавить желание протянуть руку и положить ей на бедро. Это такая естественная реакция, что она пугает меня.

— Она скучает по тебе, — говорю я.

— Если я подумаю об этом... — Она смелее меня и тянется сама. Она берет мою руку и

кладет ее себе на колени, переплетая свои пальцы с моими. — Мне нужно знать, где мы находимся, Уэст. Не сейчас. Даже не на этой неделе. Но уже скоро. Я не отдам свои заметки фирме и не буду вдаваться в виртуальную эмоциональную мину, которая взорвется у нас обоих перед носом. — Она наклоняет голову, пристально глядя на меня. — Ты можешь с этим справиться?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Черт. Один поцелуй — и я покойник.

— Три года, — слышу я свои слова. — Это долгий период, Портер.

Она пожимает плечами.

— Не распускай свое супер-эго. Не то чтобы я ждала, заглядывая в твое окно в полном отчаянии. — Я смеюсь, и она одаривает меня одной из своих редких улыбок. — Я заводила отношения. Я пошла дальше. Но так уж вышло, что мне надоело пытаться забыть того, кто сбежал.

Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но она прижимает палец к губам.

— Подожди. Позволь мне закончить. — Глубокий вдох. — Если мы не поговорим об этом, между нами всегда будет стоять этот слон. Мы оба любим Мел. И мы оба хотим чтить ее память, и это значит... — она указала на расстояние между нами, — что это должно быть сказано вслух.

Тошнотворная боль пронзает мой желудок. Но я знаю правду. Я знаю, что сказала бы Мел; я знаю, что она дала бы свое благословение двум людям, которых любила, но это не значит, что я стану чувствовать себя менее виноватым.

— Она хотела бы, чтобы ты был счастлив, Уэст. — Она украдкой бросает на меня взгляд. — Я могу чувствовать себя виноватой, ты можешь чувствовать себя виноватым... мы оба можем чувствовать себя виноватыми придурками, но это будем мы и наши проблемы. Только не она. И никогда от нее.

Я киваю, хотя и не могу смотреть на нее. Признать что-то вслух — это совсем не то же самое, что посмотреть правде в глаза.

Портер сжимает мою руку.

— Я готова, Уэст. Я готова попробовать, чем бы мы ни рисковали, если потерпим неудачу. Так будет лучше, чем быть твоим врагом.

Я мог бы доказать, что мы рискуем нашей дружбой, но печальная правда заключается в том, что мы не были друзьями с тех пор, как умерла Мел. Я позволил боли определить путь для нас, и я действительно сделал Портер врагом.

— Но мне нравится, когда тебя поджаривают в суде, — отвечаю я. — Думаю, это помогает тебе выигрывать дела.

На ее лице отражается шок.

— Невероятно. Ты приписываешь себе все заслуги.

— Только хорошие.

Ее взгляд задерживается на наших руках.

— Тогда я постараюсь не держать на тебя зла за последние три года.

Удар под дых. Она знает, куда бить. Я не только держал ее на расстоянии вытянутой руки, но и столкнул с края своей планеты. Я позволяю ее решению перейти на темную сторону (сторону защиты — Хха!), стать предлогом, чтобы продолжать злиться на нее. Намного проще злиться на нее, чем ощущать боль.

Эй, я же психолог. Я могу понимать себя, когда мне это нужно.

— Я не хочу разбивать тебе сердце. — Слова просто вылетели наружу. Ненавижу себя за то, что говорю это, но она должна знать правду. Что я все еще озлобленный, обиженный мудака, и есть шанс, что я все испорчу.

— Позволь мне самой побеспокоиться о своем сердце. А ты переживай за дело. А теперь, технически я не могу работать с тобой над тем, что было обнаружено в предыдущем деле, но я могу искать новые улики. У меня уже есть задание?

— Кнут? — Я пытаюсь отшутиться, но меня застукали. Она не даст мне увернуться. — Мне нужен кто-то, кто будет работать с серьезными преступлениями.

Она понимающе кивает.

— Детектив Реннер ведет расследование. — Она слегка присвистывает. — Не скажу, что я ему нравлюсь.

— Но ты будешь собирать факты для обвинения. Возможно, он еще больше возненавидит Шейвера, не думаешь?

— В этом есть смысл. — Она проверяет телефон и встает. — Я буду работать с Реннером во время моего испытательного срока в фирме. Две недели. У тебя будет время все обдумать.

Смотреть, как она уходит — самое яркое событие моего дня. Эта чертова юбка-карандаш прожигает дыры в моих артериях. Я прижимаю ладонь к груди, чувствуя, как ускоряется пульс. Портер внушает уважение с равной долей женской чувственности.

И она сводит меня с ума.

Боже, Мел, пожалуйста, не дай мне все испортить.

Глава 9

Сердцем и разумом

Доктор Йен Уэст

Давайте поговорим о переменах. Точнее, о способности меняться.

Вижу, как ты проверяешь время... ищешь путь к отступлению. Всякий раз, когда речь заходит об изменении (а это довольно часто происходит в терапии; следовательно, почему люди не любят терапию), наша немедленная реакция состоит в том, чтобы возвести защиту.

Я не могу измениться. Я тот, кто я есть.

Это одна из самых болезненных тем для обсуждения. Потому что она обычно вращается вокруг самой боли.

Как вид, мы определены нашей болью. Формируют нашу личность не хорошие, веселые и легкие моменты. Если бы это было так, мы все были бы кучкой ленивых слизняков, валяющихся на пляже, пьющих «Май-Тай» и поднимающих тосты за хорошую жизнь. В блаженном неведении о трагедии и лишениях.

А еще мы были бы чертовски скучны.

С каждой побежденной напастью, мы узнаем больше о нас самих. Наша сила, чувство самосохранения, наш интеллект и способность учиться и расти, чтобы мы могли противостоять следующему вызову. И так далее, и тому подобное.

Спотыкаясь на жизненном пути бритвы и огня, мы затачиваемся, мы формируемся. Нам даны глубина и сострадание. Мы узнаем внутреннюю боль других и сопереживаем им. Мы объединяемся, чтобы не проходить через это в одиночку.

Жизнь — это боль.

Наверное, одно из самых древних высказываний. Кто-нибудь вообще знает, кто первый заявил об этом? Я думаю, что эта фраза нуждается в обновлении: жизнь — это общая боль.

Никто, ни один человек не остров. Но если вы не в состоянии соединиться через боль, то вы можете стать изолированным островом горьких страданий.

Я уйду от темы. Суть в том, что независимо от того, является ли боль ментальной или физической, мы формируемся нашим опытом. Самые проникновенные моменты выпадают на время наших самых тяжелых испытаний. И боль учит нас адаптироваться.

Изменения не просто возможны, они — неизбежны.

И, конечно же! Для этого существует термин — нейропластичность. Или пластичность мозга — это способность нашего мозга меняться на протяжении всей нашей жизни.

Это своего рода зонтичный термин, поскольку есть много этапов и определений в зависимости от вашей специальности. Но чтобы облегчить этот урок, я сосредоточусь только на себе. Я немного эгоистичен в этом отношении — но это моя история.

Я сижу за столиком в ресторане. В окружении друзей и коллег.

Мы празднуем окончание ужасной войны и тот факт, что нам удалось получить шесть присяжных в нашу пользу. Немалый подвиг, учитывая длину дороги. По правде говоря, люди становятся более чувствительными, понимающими, прощающими (спасибо, миллениалы). Культурная нейропластичность в действии — если она вообще существует — была бы прекрасным примером. Не на руку в нашем деле.

Миа и Чарли пришли, чтобы принести еще двух присяжных в результате их эпической

динамики командной работы. Смесь бихевиористической науки и навыков расследования, которая заставляет лучших сотрудников правоохранительных органов зеленеть от зависти. Я горжусь тем, что нанял их обоих. Да, все лавры я присвою себе.

М и Ч уже вовсю работают над созданием мнимого жюри. Двенадцать человек, которые имеют схожие ценности и убеждения, где мы можем смоделировать процесс и выяснить, что повлияет на остальных шесть присяжных. Это не так неэтично, как кажется. Люди хотят, чтобы их убеждения подвергались сомнению. Они хотят испытать шок и страх перед судом. Реалити-шоу в самом лучшем своем проявлении. И более того, они, в конечном счете, хотят поступить правильно.

Шокирует, знаю. Но люди, по большей части, по природе своей хороши. Требуется много подлости, чтобы захотеть причинить боль и ненужное наказание другому человеку. Общая боль, помните? Сочувствовать — это в нашей природе.

Наша задача — помочь присяжным сделать то, для чего они уже созданы: проявить милосердие.

Но не по отношению к обвиняемому.

По отношению к жертве.

Милосердие и справедливость для Девин Тиллман, женщины, которую преследовали, похитили и пытали в номере мотеля в течение нескольких часов, в то время как друзья и семья полагали, что она отправилась за очередной дозой наркоты.

Эдди уже попытался атаковать Шейвера во время предварительного суда, знает, с чем он имеет дело. Шейвер — мастерский манипулятор. Все думают, что они непоколебимы. Что они умнее остальных, неподкупны. Что если они окажутся на скамье присяжных, то обязательно накажут этого ублюдка.

Это та же самая логика, которая вступает в игру, когда вы находитесь в продуктовом магазине и наблюдаете, как измученная мать пытается утешить плаксивого, вредного ребенка.

Я бы наказал своего ребенка. Я бы никогда не позволил своему ребенку так себя вести на людях, говорите вы себе.

Все всегда так легко и просто со своей колокольни. Да, мне нравится смешивать метафоры. Хватит осуждать. Я всего лишь доказываю свою точку зрения.

Вернемся к теме. Когда вы находитесь на месте присяжных, и свобода человека или даже сама его жизнь находится в ваших руках... ясность ситуации теряется. Мы от природы запрограммированы на сочувствие другим человеческим существам (опять эта общая боль), и поэтому, когда мы попадаем на скамью присяжных, мы, в свою очередь, погружаемся внутрь, ставя себя на место обвиняемого.

Потому что, эй, это так же легко может случиться с каждым из нас. А что насчет сомнений? Годы спустя ДНК и прочее и прочее доказали, что кто-то отбыл пожизненный срок, когда был действительно невиновен. Как вы можете быть на 100 % уверены в его виновности? Как вы сможете жить с самим собой, если приговорите невиновного человека к пожизненному сроку?

Если ты человек и у тебя есть хоть капля сочувствия, ты не сможешь жить с самим собой.

Поэтому наиболее простой, менее стрессовый вердикт всегда — не виновен.

Вот почему вы так шокированы тем, что присяжные выпустили на свободу человека, которого вы считаете виновным.

Такова психология системы правосудия.

Как говорит Портер, почти каждый человек, служащий в области права, сражается с этой головоломкой — пытается выяснить свое место; на какой стороне монеты они находятся.

Давным-давно (может быть, не так давно; как в 1700-х годах или что-то в этом роде; в тот день на лекции я был немного отвлечен), парень по имени Блэкстоун принес идею в массы, упростить вызов вины и невиновности. И массы с радостью ее приняли, потому что им больше не нужно было бороться с моральной дилеммой.

Соотношение Блэкстоуна гласит: лучше, если десять виновных спасутся, чем пострадает один невиновный. Другими словами, если есть хоть капля сомнения, освободите ублюдка. Блэкстоун не изобрел это соотношение, должно быть он позаимствовал его из Библии, но логика ясна, проста, и это было главным в законе на протяжении веков. Сама наша система правосудия построена вокруг этого.

Без полного голосования двенадцати присяжных, чтобы признать Шейвера виновным в убийстве, он получит свои обоснованные сомнения. Он будет признан невиновным по причине невменяемости

Если только... есть трюк.

Присяжные любят внезапные повороты в ходе суда.

— Я все еще не понимаю, почему защита вызывает тебя в качестве свидетеля-эксперта, — замечает Эдди, врываясь в мои мысли. Продолжение следует.

Вопрос в этом, не так ли? Тайна. Неужели Шейвер настолько уверен в своей способности одурачить присяжных, что готов рискнуть вызвать меня на суд, или его уверенность лежит где-то еще — как судьба, как карта Таро, которую я ношу в кармане? Ее значение и угроза до сих пор остаются загадкой.

— Шейвер вводит в заблуждение или бредит? — Спрашиваю я вслух.

Я замечаю, что сегодня у Эдди поразительно светлые, гладко зачесанные назад волосы покрыты густым гелем. Он вытирает рот салфеткой.

— Ты у меня спрашиваешь?

Обвожу взглядом свою команду.

Миа поднимает руку.

— И то и другое, — отвечает она. — Чтобы заставить других верить в его ложь, он должен поверить в нее сам, что делает его до некоторой степени безумным.

Я постукиваю себя по носу.

— Он пытался залезть в мою голову. Карта Таро, разговоры о Мелани... — Эдди сочувственно нахмурился, — так что теперь он нацелится на всех вас. Любому близкому мне человеку он намекнет на угрозу. Вот почему меня вызвали, — объясняю.

— Он думает, что мною можно будет управлять при даче показаний.

— Нам стоит беспокоиться? — спрашивает Чарли.

Как сын полицейского, он первым делом должен сообщить об угрозе. Но Шейвер уже за решеткой. Власти не могут защитить никого из нас от такого рода запугивания, которое в данный момент носит исключительно психологический характер. Нельзя сказать, что связи Шейвера не выходят за пределы камеры, я думаю, что именно это он и пытался сделать, оставив карту на могиле Мел. Просто говорю, что вы не можете работать в законе и поддаваться на угрозы каждого психопата.

Кроме того, насколько известно адвокатам Шейвера, моя команда отстранена от дела.

— С этого момента вы все уволены.

Шок для моих коллег. Кроваво-красные губы Мии искривляются в недоумении. Затем реагирует Чарли.

— Доктор Уэст, это крайне несправедливо.

Я поднимаю руку.

— Остыньте. Тебя уволили только для вида. Насколько знает адвокат Шейвера, я избавился от своей команды по совету Эдди. Вы все еще работаете, но за кулисами.

Наблюдательные глаза Мии ловят мой тяжелый вздох.

— Вы переживаете.

— Дорогая Миа, я не переживаю. Я осторожен, как ты и сказала. Поскольку Шейвер уже сфокусировался на мне, нет никаких причин для смещения фокуса. — Я делаю глоток воды. — Просто затаись, пока я не дам показания, а потом мы продолжим, как обычно.

Миа и Чарли кажутся неуверенными, но им не выпала честь давать показания или тесты. Я получил снимки Шейвера с МРТ, и, хотя в его вентромедиальной префронтальной коре происходит какая-то интересная активность (это та часть мозга, где мы видим общую психопатическую активность), в остальном его мозг свободен от травм.

Там нет никакого крючка, на который можно повесить шляпу его временного безумия.

Конечно, как только я заявлю об этом в суде, заявив, что Шейвер контролирует свои действия, его адвокат выдвинет опровергающего свидетеля, чтобы попытаться дискредитировать меня. Прекрасно. У Эдди есть стратегия с наркотиками, если понадобится, но я знаю присяжных. Эти захотят осудить Шейвера, им просто нужно правильное изложение фактов, и убедительный, образованный свидетель (это я), чтобы подтолкнуть их.

Страх утих, разговор в кабинке возобновляется. Ресторан гудит низким гомоном, своего рода неспешным гулом тока. Атмосфера кажется спокойной. Где-то в моем подсознании шепчет голос — затишье перед бурей.

А потом приходит сама буря.

При виде Портер у меня в груди загорается огонь.

Узкое черное бархатное платье облегает ее изгибы, прикрывая ноги чуть выше колена. Черные шпильки удлиняют ее сексуальные ноги. Ее распущенные волосы волнами падают на обнаженные плечи.

Она — воплощение греха.

Когда она замечает нашу кабинку, лукавая улыбка появляется на ее розовых губах. Она направляется в нашу сторону, и я внезапно покрываюсь испариной. Сердце колотится. Это похоже не проверку. Мне сделать ей комплимент перед командой или подождать, пока останемся наедине?

Даже мысль о том, чтобы остаться с Портер наедине, вызывает в паху плотскую инстинктивную реакцию. Черт, как же давно это было.

Я прогоняю все эти неприличные мысли, когда она садится рядом с Мией.

— Ладно, банда. Официально я не занимаюсь этим делом вместе с вами.

— Технически, мы тоже, — отвечает Миа.

Портер выгибает бровь, а затем направляет свои следующие слова на меня.

— С этической точки зрения я не могу дать вам ничего, что может быть использовано защитой. Но я могу дать вам новую информацию, и то, что вы решите сделать с этим... — Она толкает по столу папку.

Я хватаю ее и кладу папку рядом с собой.

— Заходила детектив Реннер? — спрашиваю я.

Портер кивает.

— Думаю, у тебя уже все есть с места преступления, но расследование Реннер пошло дальше. Она собрала телефонные записи как можно большего количества приближенных Шейвера, и сопоставила их с телефоном Тиллман. Затем она исследовала социальные сети Тиллман за последний год. Это не так-то просто сделать в условиях расследования убийства.

— К чему ты клонишь?

Портер наклоняется над столом и понижает голос.

— Ты убежден, что преследование жертв было частью МО Шейвера, но не имел возможности доказать это. Просто теория, верно?

Я бросаю взгляд на папку.

— Портер, ты богиня.

Она улыбается.

— Знаю. Как бы то ни было, Реннер готова дать показания, чтобы раскрыть то, что она обнаружила.

— У Шейвера есть и другие жертвы, — предполагаю я. Но тел нет. Его метод меняется с каждым убийством, что делает практически невозможным связать его с другими убийствами. И все же, преследование... — Мы можем искать те же самые модели выслеживания.

Портер подмигивает мне.

— Именно туда и направляется детектив Реннер. На случай, если Шейвера оправдают.

Лишь на мгновение я замечаю, как опускаются уголки ее губ. Сожаление. Стыд. Она была не на той стороне, но ей больше не о чем сожалеть. Как она и говорила, она выполняла свою работу. Я это прекрасно понимаю.

Я начинаю тянуться через стол, чтобы взять ее за руку, но вспоминаю, что мы не одни.

— Чарли, мне нужно, чтобы ты начал сопоставлять интересы Шейвера с делами пропавших без вести. — Интересы тех женщин, которых он активно преследовал. Преследование в сегодняшнем времени не означает, что вы должны физически следовать за кем-то.

Он уверенно кивает.

— Займусь этим в первую очередь, доктор Уэст.

Миа и Портер увязли в собственной беседе, а я, воспользовавшись моментом, посмотрел на нее. Внезапно, я не могу отвести глаз. Как я прожил три года без ее присутствия, ее улыбки. Ее уюта.

Убираю салфетку с колен.

— Всем приятного вечера. Я позаботился о счете, так что не увлекайтесь в баре.

После серии прощаний, я направляюсь к двери, где останавливаюсь и делаю вид, что проверяю телефон. Жду Портер, надеясь, что она последует за мной. Замечаю ее боковым зрением и выхожу на улицу.

Она находит меня за углом.

— Это было неожиданно.

— Потому что я не мог дождаться, когда сделаю это, — я притягиваю ее в свои руки, и впиваюсь в ее сладкие губы, словно жаждущий мужчина в поисках воды.

Я изнываю от жажды. Я слишком долго был сморщенной оболочкой человека. И я,

возможно, совершаю самую большую ошибку с Портер, рискуя слишком многим... но потом у меня будет много времени для сожалений. Я слишком хорошо это знаю. А сейчас я просто хочу ощущать, как она прижимается ко мне.

Она прерывает поцелуй и смотрит на меня.

— Ко мне?

Я не могу говорить, но киваю, как китайский болванчик, одновременно задвигая подальше все переживания. Всякий страх. Я цепляюсь за жгучую боль в груди, за тяжелый стук сердца, за сигналы, которые говорят идти с ней. Она берет меня за руку и ведет через улицу.

И вот мы здесь. Мы прошли полный круг.

Нейропластичность.

Способность моего собственного мозга расти и меняться.

Я меняюсь, чтобы быть с Портер. Мое желание к ней перевешивает неисправную проводку от боли. Нейроны спаяны и сформировали новые сети. Есть страх, он всегда присутствует, что моя боль заразит ее, и я хочу защитить ее от всей этой сердечной боли и горя. Но если я готов предать убийцу, сумасшедшего, чтобы защитить ее, тогда я смогу быть достаточно сильным, чтобы защитить ее и от своего дерьма.

Мне придется.

Темная тоска внутри меня не достигнет ее.

«Поверь в ложь», — шепчет мое подсознание. Ненавижу этого ублюдка.

Перемены начинаются с малого, затем вырастают. Резко. Как происходят все перемены. Три года назад я верил, что никогда больше не смогу полюбить другую женщину. Теперь мой мозг (потому что сердце на самом деле не может ощущать эмоции) меняется, позволяя надеяться на то, "а что, если".

Что, если я смогу двигаться дальше? Что, если Портер та, кто починит все сломанные и разорванные части? Что, если я смогу избавиться от боли?

Мои чувства к ней не будут такими же, как моя любовь к Мел, но для того мы и созданы, чтобы не проходить через это в одиночку. Одиночество — это выбор. Так же, как и риск. Нам дан бесконечный путь к любви. Я открыт для этого.

Способность мозга адаптироваться, чтобы исправить повреждение, замечательна.

Я готов.

Глава 10

Рыцарь Мечей

Доктор Йен Уэст

С зависимостью ум возвращается к тому, на чем остановился, как будто не прошло времени с тех пор, как алкоголик сделал последний глоток, а наркоман — последний укол. Разум продолжает двигаться по временной шкале, независимо от количества отрезков времени между ними.

Это связано с толерантностью. Наша толерантность к этому веществу продолжает расти даже тогда, когда мы больше не питаем эту тягу. Увлекательно. По крайней мере, мне кажется, что ум никогда не забывает наши привычки, наши желания, которые так глубоко запечатлены в нашей сущности.

Я думаю об этом сейчас, пока сижу на диване Портер, и смотрю на нее через всю гостиную, потому что все мое тело жаждет ее.

Я продолжаю с Портер именно так же, мое тело реагирует на ее феромоны, на ее смех, ее прикосновения, ее вид, словно это та ночь в баре, где мы почти поцеловались.

— О чем думаешь? — спрашивает она.

— О зависимости, — выплевываю.

Ее гортанный смех прокатывается по моей коже.

— Твой мозг никогда не останавливается. — Она соскальзывает с кресла и направляется к дивану, ее походка медленная, неторопливая, соблазнительная. Ее колени располагаются между моими. Ощутимое трение распалает меня.

— Позволь мне отвлечь тебя... от всего.

Она тянется рукой за спину и начинает расстегивать молнию на платье. Эротический звук расходящихся зубцов сводит меня с ума. Я видел сексуальность Портер и раньше. На каждый Хэллоуин — помните, любимый праздник Мел? — Портер выигрывала свой собственный конкурс на самый развратный костюм.

Я видел, как она флиртвала с мужчинами. Наблюдал, как она использует свое обаяние в зале суда. Я видел ее уловки, никогда сам не являясь их целью.

И я признаю, если бы она положила на меня глаз в ту первую ночь... и Мелани никогда не вошла бы в эту дверь... я был бы так же беспомощен, чтобы сопротивляться ей, как и сейчас.

Ее рука останавливается на середине молнии, отчего верх платья спадает достаточно низко, чтобы обнажить выпуклость груди. С трудом отрываю взгляд от дразнящего вида.

— Что случилось?

— Дерьмо. Я действительно нервничаю, — она через силу смеется, голос дрожит.

Пустая боль пронзает мою грудь. Я поддвигаюсь вперед и обхватываю ее бедра, прижимаясь лбом к мягкому животу. Вздох, который слетает с моих губ, чувствует себя оторванным от легких.

— Все хорошо. Мы можем не торопиться.

— Думаю, что три года — это достаточно медленно, — отвечает она. Я чувствую, как она дрожит, и поднимаю глаза. — Знаешь, она выиграла. Я сражалась за тебя той ночью, после того как мы вышли из бара.

От замешательства я хмурю брови.

— Что?

Она тяжело выдыхает.

— Уэст, я не святая. И Мел тоже, Боже упаси ее чистую душу. — Она застегивает молнию на платье и скрещивает руки на груди. — После того, как мы вышли из бара, гораздо более пьяные, чем нужно, все началось как шутка. Может, мы могли поделить тебя. Затем Мел пошутила: "Пусть победит лучшая". Ну, мы и начали. Произнося в пьяном виде такие вещи, о которых мы обе сожалели и которые едва не стоили нам нашей дружбы. Когда протрезвела, я поняла, насколько глупо себя вела. — Она качает головой. — Не было никакого соревнования. Ты не мог отрицать своих чувств к ней. Ты выбрал ее в тот момент, когда увидел, и мне пришлось сделать выбор.

Я шумно сглатываю. Она предпочла скрыть свои чувства ко мне. Ради Мел.

— Ты о ней заботилась.

— Ну, да. — Она улыбается, и это прекрасно. — Я имею в виду, не то чтобы ты не был тогда хорошей добычей, достаточно, чтобы две пьяные девушки потеряли рассудок на одну ночь. — Она подмигивает. — Но ты был не единственным мужчиной в Вашингтоне. И Мел уже становилась для меня кем-то особенным. Чертовски сложно найти хорошего друга.

Я беру ее руки и провожу ими вниз по бедрам, а затем встаю с дивана. Я стою так близко к ней, что могу вдыхать ее лавандовый запах. Ощущаю, как ее тело прижимается к моему. Я поддеваю пальцем ее подбородок и заставляю запрокинуть голову.

— Ты святая. И в твоём святом сердце хватит места для нас обоих.

Я чувствую ее учащенный пульс под своим пальцем.

— Как и у тебя.

Я целую ее, поначалу неуверенно, ожидая, когда она ответит мне. Затем я углубляю поцелуй, приоткрывая ее губы. Вдыхаю ее. Это медленный обжигающий поцелуй. Из тех, что разжигают пламя, а потом угли тлеют в аду.

Я ласкаю ее изгибы, руки исследуют ее тело поверх бархатного платья, затем они неторопливо пробираются к ее спине, где я нахожу эту приводящую в бешенство молнию. Я опускаю ее, мои пальцы скользят по ее коже, пока я стаскиваю платье вниз вдоль ее тела, и она позволяет ему соскользнуть на пол.

Поначалу это должно показаться странным или непривычным. Целоваться с Портер. Но мое тело реагирует на ее прикосновение, ее вкус, как будто она затрагивает записанные воспоминания. Может быть, из другой жизни или альтернативной вселенной. Где между мной и Портер никогда не было никаких барьеров.

Ее руки скользят по моим плечам, и она толкает меня на диван. Это самое эротичное зрелище — смотреть, как она раздвигает ноги, чтобы оседлать меня. Потом я почувствовал ее на своих коленях...

Я издаю шипение.

— Будь осторожна, — предупреждаю я. — Уже прошла минута. — Гораздо больше...

Ее волосы создают завесу вокруг нас, тусклый свет свечей делает ее янтарные блики сияющими, неземными. Грешный ангел, посланный погубить меня.

— Уэст, это как раз та самая причина, чтобы не быть осторожной. — Она хватается за пояс моих брюк и расстегивает пуговицу с невыносимой легкостью.

Не хочу показаться грубым, но я был тверд как скала с тех пор, как она пригласила меня к себе домой. Я одна пульсирующая вена, и каждый раз, когда ее пальцы прикасаются к

моим боксерам, мой член дергается, жажда внимания.

Затем она полностью обводит меня, ощущение ее мягкой руки, поглаживающей меня, доводит до грани. Контроль потерян.

Я зарываюсь рукой в ее волосы и притягиваю ее губы к своим. Взрыв чувств ошеломляющий. Мой клапан сорвало. Я ловко снимаю ее лифчик, и я впечатлен, что все еще могу это. Оставляю горячую дорожку вниз по ее шее, посасывая шелковистую кожу, пока мой рот не касается ее соска. Я обвожу языком сначала один, потом другой, отчаянно стараясь уделить каждому равное внимание.

Она тяжело дышит под моими прикосновениями, воспламеняя мою плоть. Ее пальцы играют у меня на затылке. Господи, я весь горю. Я обхватываю ладонями ее задницу и прижимаю Портер к груди, прежде чем уложить на диван. Я срываю с себя пиджак и бросаю его.

Бесшумный смех Портер веселит меня, пока она развязывает мой галстук.

— Иди ко мне, — приказывает она, и я, да, подчиняюсь.

Я накрываю ее тело своим, падая на нее. Поглощаю. Она расстегивает пуговицы на моей рубашке, снимает ее с плеч, мы оба в горячем неистовстве убираем все барьеры. Когда ее шелковистая кожа ласкает мою, наши тела сливаются в единое целое, меня охватывает ощущение полной завершенности.

Ее ногти скользят по моей спине, зубы покусывают мочку моего уха, вызывая отчаянное желание овладеть каждым дюймом ее тела. Мои пальцы ищут точку между ее бедер, и я глажу ее мягкие трусики, сводя себя с ума от влажного, гладкого ощущения ее тела.

— Иисусе, — выдыхаю я, приходя в себя. Я так сильно хочу ее... просто избавь меня от страданий.

Она прижимается к моей руке, покачивая бедрами, чтобы я оказался там, где она хочет, и это сводит меня с ума.

— Я хочу тебя внутри. Сейчас, Уэст.

На этот раз я не думаю. Я человек действия. Весь страх и тревога исчезают, когда я стягиваю с нее трусики и, просунув руку под ее бедра, поднимаю ее навстречу себе. Сильная дрожь сотрясает мои мышцы, когда я напрягаюсь от ощущения ее тела.

Она делает эту штуку своими бедрами, отчего я проникаю еще глубже.

— Блять. Ты пытаешься убить меня?

Ее руки поднимаются к моим волосам, пальцы цепляются и сжимаются, когда она вращает бедрами.

— У меня накопилось много фантазий... это может занять всю ночь.

Иисусе. Я зарываюсь лицом в ее шею и толкаюсь в нее все глубже. Сильнее. Мой член уже пульсирует от давления, желая освободиться.

— В тебе слишком хорошо... — Черт. У меня нет контроля. Я обхватываю ее плечи, когда она выгибается ко мне, ее чертовски идеальные сиськи чувственно трутся о мою грудь с каждым голодным толчком.

Мы похожи на завернутый крендель на диване, ее ноги переплетены с моими, и я не могу насытиться. Вколачиваясь в нее, словно гребанная машина, мне приходится поцеловать ее, чтобы снизить нарастающее желание втрахнуть ее в этот диван.

Она отвечает на поцелуй, наши языки переплетаются также отчаянно, как и наши тела. Тяжело дыша, она поворачивает голову и шепчет мне на ухо:

— Не сдерживайся.

Ее слова дразнят мою кожу, бросая мне вызов.

Безумие — вот на что это похоже. Когда грубое, неподдельное желание овладевает вашими чувствами, и вы становитесь его рабом. У меня нет собственной воли. Я беру ее тело, отчаянно желая каждый хриплый стон, каждый крик удовольствия, пока не почувствую, как она сжимается — так чертовски сильно, что я разрушаюсь — и она разрушается подо мной.

Я опускаюсь на нее, наслаждаясь ощущением ее тяжелого дыхания, которое обдувает мое лицо. Ее грудь вздымается синхронно с моей, гул моего сердца затихает вместе со мной, насытившись.

Она проводит пальцами по моим волосам, и я целую ее в шею.

— Мы можем сделать это еще сотню раз... тогда ты, возможно, будешь близок к тому, чтобы загладить свою вину передо мной.

Смех вырвался на свободу.

— Значит твоя месть — смерть от секса. — Но я целую ее, медленно и нежно. И я буду тратить каждую минуту своего бодрствования, чтобы наверстать с ней последние три года.

Доктор Йен Уэст

Я чувствую себя возрожденным. Я тот же самый человек, но меня подняли и отряхнули. Взбили и наполировали. Покрестили в церкви Портер.

Мелодраматично? Может быть, немного. Но это не просто секс (который был умопомрачительным, кстати); это то, что за ним последовал пугающий шаг, а я не свалился на задницу с эпичным провалом.

Я психолог, если помните, и прекрасно понимаю, что три года — нездоровый отрезок времени для целибата после потери партнера. И еще, если вы также помните, я не люблю общую психологию. Поэтому вы не видите меня в большом удобном кресле, спрашивающим невротиков, как они себя чувствуют.

Учитывая, что процесс скорби для каждого разный, я решил принять долгое путешествие для себя. К черту пять стадий Кюблера-Росса. Я сделал это по-своему! Поется в версии Сида Вишеса (не Синатры). Сарказм и Нетфликс были моими компаньонами, когда я не был поглощен работой.

Работа — отличный способ избежать этого.

Я стою у раковины в мужском туалете здания суда, восхищаясь здоровым цветом своей кожи, тем, как мой серый костюм хорошо сидит сегодня. Я мою руки и поправляю волосы, прежде чем уйти.

Я похож на ребенка в его первый день в школе, только это намного лучше. Сегодня первый день суда. Совершенно новое дело. С чистого листа.

Вроде как.

— Захожу внутрь, — говорю Мие. — Ты проверила биографию присяжного номер семь?

— Чарли проверяет. Наш учитель истории не голосует. За ним никаких следов.

— Ладно. — Тогда оценю его лично. Посмотрим, смогу ли я уловить его настрой. Присяжный номер семь, Эндрю Смит, наша темная лошадка. Его ответы были такими, какие мы хотели услышать во время допроса, но не уверен в какую сторону его качнет.

Один присяжный может изменить приговор. Я не могу допустить, чтобы это произошло во время самого процесса.

Прохожу через двери суда, чувствуя трепет в животе, когда смотрю туда, где обычно сидит Портер. Она отстранена на еще одну неделю в фирме, но это дело громкое. Ее фирма все еще хочет, чтобы она пристально следила за ним.

Только она пока не пришла.

Я занимаю свое обычное место в середине пятого ряда и достаю телефон. Печатаю ей короткое сообщение, затем останавливаюсь, нависая большими пальцами над экраном. Этот запах нового зала суда не единственное, что мне действует на нервы.

Я заканчиваю сообщение простым: «Занял тебе место».

Никакого сентиментального сюси-пуса. Портер знает меня как никто другой. Я не должен форсировать события с ней, так же как мы и не форсировали нашу дружбу. Я все еще могу быть тем же человеком, и это облегчение.

К тому же, Портер ненавидит это дерьмо. И спасибо ей за это.

Мы не обсуждали, что будет дальше. У нас не было разговоров об отношениях после секса. Нам и не нужно этого делать. Мы сделали первый шаг. Мы здесь. Вот и все. И это кажется правильным.

Судебный пристав проходит мимо моего ряда и кашляет. Громко. Я оглядываюсь и замечаю его прищуренный взгляд на моем телефоне. Я безмолвно извинился и выключил телефон.

— Кто-то сегодня очень бодрый и забывчивый, — зудит Миа в ухо. — Так не похоже на вас, доктор Уэст. К чему бы это?

То, как она это произносит, словно уже подозревает ответ, заставляет меня оттянуть воротник у шеи. Кто-то только что включил отопление.

— Не твое дело, Миа. — Это надо сказать, потому что бесполезно лгать аналитику, которая достаточно долго проработала на тебя, чтобы разложить все по науке. По поведенческой науке, если точнее.

— Портер прекрасно выглядела вчера вечером, — говорит она, рыбачит, закидывает наживку. — А ты как думаешь?

Видите? В моей компании нет секретов.

— Да, это так. Это платье очень ей шло. А теперь возвращайся к работе.

В динамике звучит ее смех.

— Да, сэр.

Я улыбаюсь. Ничего не могу с собой поделать. Я уже и забыл, каково это быть беззаботным. Насколько легкой становится голова, словно накачан наркотиками. Я собираюсь проверить, пришел ли ответ от Портер, и вспоминаю, что телефон выключен.

Смотрю сначала на часы, потом — на двери.

Судебный пристав объявляет о начале заседания и приглашает судью. О'Хара председательствующий судья, и я благодарю свою счастливую звезду.

— Судья О'Хара любит меня, — шепчу я Мие.

Ее фырк делает мое заявление немного менее правдоподобным.

— Помнишь, когда он выставит тебя из зала суда?

Верно.

— Ему почти... тысяча лет. Он не может этого помнить.

Судья О'Хара щурится в мою сторону, его губы вытягиваются в тонкую линию. Ну и черт.

— Давай сосредоточимся на присяжных, — говорю Мие. — Вот что важно.

— Я обновила их профайлы. Готова, — подтверждает она.

Я хрустнул костяшками пальцев.

Ощущение, что за мной наблюдают, покалывает кожу, и я смотрю в сторону стола защиты. Шейвер пристально смотрит на меня, в его глазах хитрый блеск. Сегодня никакой улыбки. Он сосредоточен, полон решимости. Человек дела. Его губы шевелятся, но я не понимаю, что он говорит. В ответ на его легкий кивок я отвожу взгляд.

После того, как Шейвер произнес свое слово, суд начинается, и Смигел не ходит вокруг да около. В его вступительном слове он сразу начал с триады о безумстве. Повреждение мозга, психотическое состояние и "восстановленная память".

Присяжные реагируют. Это нормально. Сейчас они как губка, свежая и готовая впитывать информацию. Как только процесс затянется, и они устанут от показаний и научного жаргона, тогда мы и ударим шоком и страхом. Оживим их. Вернем к жизни.

И заденем Шейвера за больное.

Правдой.

Я дважды прочитал вступительное слово Эдди, и меня до сих пор бросает в дрожь. Он вколачивает факты, которые обвинитель собирается доказать. Что Шейвер не страдает от травмы мозга. Что скандальный наркобарон, который все эти годы избегал ареста, умен и манипулирует людьми, что он попытается обмануть присяжных своими привычными манерами. И то, что Квентин Шейвер — психопат и хищник, который сознательно и методично преследовал Девин Тиллман, похитил ее, затем калечил ее и в конце концов убил.

Эдди вызывает первого свидетеля, доктора Максин Прентис. Судмедэксперт, которая осматривала Девин Тиллман.

Ага. Она тоже не ходит вокруг да около.

Если Смигел хочет доказать, что у Шейвера было временное помешательство, когда тот убивал Тиллман, тогда он должен доказать его опрометчивость. Само слово «временный» обозначает опрометчивый акт. Это правда, что помешательство может длиться дни, даже месяцы или годы, но здесь и речи быть не может о состоянии фуги. Тут взрывная защита, которая утверждает, что Шейвер был вне себя во время этого опрометчивого эпизода, когда он убил жертву.

Доктор Прентис зачитывает свои верительные грамоты, затем Эдди просит судмедэксперта обнародовать ее результаты во время обследования.

— Я обнаружила ушибы, расположенные вокруг запястий и лодыжек жертвы, которые уже находились на стадии заживления. Царапины на коже навели меня на мысль, что она была связана за несколько часов до своей смерти.

Эдди смотрит на присяжных и спрашивает:

— Например, веревкой?

Медэксперт кивает.

— Да. Веревка — наиболее вероятная причина такого рода царапин и синяков. Плетеные следы на запястьях жертвы сопоставимы с наиболее часто используемыми хлопковыми веревками. Жертва также страдала от обезвоживания, которое определялось по ее кожным тканям и органам.

Главной задачей обвинения было доказать теорию, что жертву преследовали и пытали. Если получится, департамент полиции сможет расширить зону поиска и количество пропавших без вести, что, в свою очередь, поможет найти еще больше потенциальных жертв Шейвера.

— Что касается пыток и убийства, можете ли вы сказать нам, по вашему профессиональному мнению, как долго преступник пытал Девин Тиллман, прежде чем она была жестоко зарезана?

— Протестую, Ваша Честь, — Смигел встает. — Предположение. Несмотря на полномочия эксперта, она не может точно знать сроки.

Судья О`Хара пожимает плечами.

— И, тем не менее, я бы хотел услышать ее ответ, а потом решить, можно ли ему верить. Протест отклонен. Пожалуйста, ответьте на вопрос, доктор Прентис.

Судья О`Хара делает мой день.

— Он мне нравится. Еще раз, почему он меня вышвырнул? — спрашиваю я Мию.

— Вы спорили с ним об одном из его решений.

О. Что ж, этого достаточно.

Судмедэксперт углубляется в научные дебри, среди которых, боюсь, теряются присяжные. Мы преуспели в отборе практичных, умных присяжных, но даже мои веки начинают тяжелеть.

Эдди давит на доктора, чтобы она объяснила все на доступном языке. Молодец.

— Если посмотрим на время смерти, мы можем отматывать назад, используя засохшие слои крови для отсчета времени, как кольца на дереве. Жертва была связана и не могла защитить себя. Согласно моему отчету об анализе крови, я сделала вывод, что жертву пытали в течение девяти часов, прежде чем она в конечном итоге умерла из-за гипоксии в результате обескровливания. Бедренная артерия была перерезана. — Она смотрит на присяжных и поправляется. — Жертва истекла кровью.

— Таким образом, несмотря на увечья на туловище, смертельная рана была нанесена не в сердце жертвы, доктор? — Эдди щелкает пультом, и на плоском экране появляется изображение трупа Тиллман, обнаруженного на месте преступления.

Присяжные реагируют. Пятеро прикрывают рты, двое отводят взгляд, а мой присяжный — темная лошадка наклоняет голову. Потрясение проходит через них с разной степенью. Вот почему Эдди выбрал этот вопрос, чтобы показать изображение. Это жестоко, но и преступление тоже. Присяжные должны испытать на себе то, что Шейвер сделал с этой женщиной.

Я смотрю на экран, хотя столько раз рассматривал фото с места преступления. Прежде чем я возвращаюсь к присяжным, что-то не дает мне покоя. Чувство знакомства с местом преступления и не потому, что я его изучал. Туловище Тиллман обвязано веревкой. Черная повязка закрывает ее глаза.

Дерьмо.

Жестокие увечья на теле не позволяли мне видеть дальше запекшейся крови. Признаюсь, я не просто так отказался от практики в медицине. Я не занимаюсь кровью и смертью.

Но теперь я вижу.

— Миа, вытащи карту Таро "Восьмерка мечей", — бормочу в наушник.

— Окей...

— Как она выглядит?

— Восемь мечей окружают женщину, связанную веревкой и с завязанными глазами... — Я слышу, как она замолкает. Миа выстроила связь.

— Восемь ножевых ранений, — говорю я, подводя итог. — Картой Тиллман была «Восьмерка мечей». Узнайте все, что сможете об этой карте. Значение, историю. Все. Пусть Чарли займется расследованием всего, что может быть связано между Тиллман и Шейвером.

— Хорошо, доктор Уэст.

Попался, ублюдок. МО Шейвера. Он не просто использует Таро для выбора жертвы; он воспроизводит сцену. Это часть его ритуала. Ему не нужно оставлять карту, потому что вся сцена — это чертова карта Таро. Если нам придется исследовать каждую карту в аркане, чтобы сравнить ее с каждым кровавым местом преступления в каждом штате... мы найдем его жертвы.

Я отключаюсь, и судмедэксперт завершает свои показания.

— Жертва была уже мертва, когда преступник вырезал сердце. В моем отчете по анализу крови также говорится об этом, — говорит доктор Прентис.

Адвокат Шейвера попытается использовать это, чтобы продвинуть требование своего клиента о бредовом состоянии. Я припоминаю упоминание Шейвера о том, что он держал в руке все еще бьющееся сердце Тиллман. Он все это спланировал. Вплоть до отчета медэксперта.

— Спасибо, доктор Прентис, — говорит Эдди. — У меня больше нет вопросов к этому свидетелю, Ваша Честь.

Смигел начинает вставать, чтобы начать перекрестный допрос, но судья объявляет перерыв.

— Мы продолжим после ланча.

Я одобрительно киваю Эдди на его экспертный допрос, а затем присоединяюсь к очереди. Мой телефон оказывается в руке прежде, чем я покидаю зал суда. Как только он включен, я жду сигнала, предупреждающий меня об ответном сообщении Портер.

Мне нужно, чтобы она знала. У нее может быть больше информации, что-то, что мы могли бы использовать, чтобы помочь Эдди засадить Шейвера.

И долбаный телефон молчит.

Я все равно открываю мессенджер. Когда я не вижу сообщения от нее, я иду дальше по коридору для уединения и набираю ее номер. Меня отправляет на голосовую почту.

Бывают ли у вас такие моменты, когда ваше существование как бы приостанавливается?

Когда сердце замедляется, но палит, как пушка. Звуки и движения размыты и кажутся затуманенными, гул океана в голове. Время просто остановилось.

Этот момент захватывает меня сейчас.

Это момент подтверждения того, что что-то не так, что случилось что-то плохое. Но ты еще не можешь принять это.

С телефоном в руке я смотрю на экран, мое дыхание слишком громко отдается в ушах. Голос Мии на линии, и я вытаскиваю наушник.

Потом я слышу, как Эдди пытается привлечь мое внимание.

Поднимаю взгляд.

— Мне нужно идти.

Он пораженно моргает.

— Сейчас? Скоро возобновится слушание.

— У тебя все схвачено. Ты знаешь, что делать. — Я хлопаю его по плечу и обхожу.

— Доктор Уэст? ...Йен, подожди, — он идет за мной.

Он никогда не называет меня так, и по этой причине я отвечаю.

— Я не могу, мне нужно идти. Просто сосредоточься на деле.

Нотка отчаяния в моем голосе заставляет его остановиться в конце коридора.

— Конечно. Удачи.

Удачи. Эта чертова карта Таро в моем кармане внезапно приходит на ум, потому что, я понимаю, именно это и шептал Шейвер в суде сегодня. Вот чего я не смог понять.

Удачи.

Я торопливо прохожу через металлодетектор и выхожу на крыльцо здания суда.

Я продолжаю набирать номер Портер, пока мчусь к ее квартире.

Глава 12

Первый кубок

Доктор Йен Уэст

Хозяин дома, в котором находится квартира Портер, не откроет ее дверь. Я в нескольких секундах от того, чтобы оттолкнуть его в сторону и выбить плечом эту чертову штуку, когда он говорит:

— Сэр, если вы сообщите в полицию...

— Нет. Они мне не помогут. — Я в бешенстве провожу рукой по волосам. — Послушайте. Я близкий друг мисс Ловелл, я был здесь с ней вчера вечером. Проверьте записи с камер наблюдения. Она может быть там, раненая. Возможно, ей понадобится медицинская помощь.

Его глаза сужаются в подозрительные щелочки.

— Вы что-то сделали с ней?

В мгновение ока гнев воспаляет мою кровь. Мышцы двигаются в собственном ритме. Я хватаю его за воротки и прижимаю к стене.

— То же, что я собираюсь сделать с тобой?

Я выхватываю у него из-за пояса связку ключей и размахиваю ею перед его лицом.

— Даже не говорите об этом. Никогда. Я собираюсь войти туда прямо сейчас. Можете вызвать копов, если хотите. Но гарантирую, что это здание нарушает как минимум три кодекса, которые я укажу по пути в наручниках. Я и все в офисе окружного прокурора именно так и поступаем. — Я скрещиваю пальцы.

— Отпустите меня. — Он вырывается из хватки, и я отпускаю его. Он запыхался, глубоко дышит, хотя даже и не начинал бежать.

— Здесь нет никаких записей. Камеры для показухи, так что мне плевать. Валяйте.

Приятно знать, что арендодатель Портер эгоистичная свинья. Пока он удаляется по коридору, я медленно вставляю ключ и поворачиваю замок, прислушиваясь к любым странным звукам, когда открываю дверь.

Сердце подскакивает к горлу. Я пытаюсь не думать о напуганной Портер. Раненой. Или еще хуже, но эти мысли безжалостно вторгаются в мой разум. Беспокойство и страх — этот гребаный страх — подхлестывают адреналин, пока я не смогу контролировать дрожь, захватившую меня.

В квартире тихо. Она кажется такой же, какой я покинул ее утром, со спящей Портер под одеялами. Я поцеловал ее в лоб, не будя ее, затем ушел, заперев за собой дверь.

Записка, которую я оставил на стойке, все еще там. Нетронута.

Направлюсь в спальню. Кровать застелена. Когда я поворачиваю за угол, чтобы проверить ванную, что-то странное привлекает мое внимание.

На каминной полке стоят пять чашек.

Бокалы, если быть точнее. Чистое серебро, и на вид они винтажные. Дорогие. Мое сердце грохочет, пульс бешено стучит по венам. Я делаю шаг к чашкам, затем останавливаюсь.

Шейвер воспроизводит сцену.

Черт. Тяну себя за волосы. Черт. Черт. Черт.

Закрываю глаза, заставляя мозг думать, рационализировать. Бокалы здесь стоят в качестве сообщения от Шейвера. Совсем как карта Таро. И точно так же, как на могиле Мел, кто-то побывал в квартире Портер.

Мысли на пределе, я рыщу по ее комнате, отбрасывая покрывала и поднимая кровать. Я заглядываю под кровать, потом в ванную. Я обыскиваю каждую комнату в поисках подсказки, улики. Что угодно, что укажет мне, где она может быть.

Затем открываю шкаф.

Платья и костюмы были отодвинуты в сторону, а на покрытом ковром полу виднелись глубокие борозды. Как будто кто-то стоял здесь несколько часов...

Наблюдал за нами.

Я разворачиваюсь и смотрю на кровать.

Иисусе. Один из его дружков был с нами в гребанной квартире, пока мы занимались любовью. А потом я ушел сегодня утром... оставив ее наедине с каким-то извращенцем.

А теперь она исчезла.

Достаю телефон и листаю контакты. Мне нужен кто-то, кому я могу доверять — кто-то, у кого есть связи, кто может обойти процедуры. Начинаю набирать Чарли. Его отец в прошлом году ушел на пенсию из полиции; у него есть опыт, и он все еще имеет влияние. Но, черт возьми, мне нужен кто-то, кто поверит, что за этим стоит Шейвер, и кто не будет дважды думать о том, чтобы действовать вне закона.

Кто-то, кто знает, как действовать при похищении.

Это слово ударило меня, как удар под дых. Я сгибаюсь, руки уперты в колени, втягиваю воздух в сжатые легкие.

Холодный пот покрывает лоб. Вытираю лицо, все еще пытаюсь понять, что все это значит. Смотрю на серебряные кубки, выстроившиеся в ряд на каминной полке. Это сообщение, но ответа на него нет. Он у Шейвера.

Вставляю наушник.

— Миа, ты меня слышишь?

— Где вы были? Эдди очень обеспокоен, доктор Уэст.

— Слушай. Мне нужно, чтобы ты кое-что сделала. И сделала это прямой сейчас.

Ее подтверждение на секунду задержалось.

— Хорошо.

Я оглядываю комнату, затем решаю, что это не место для обсуждения стратегии. Я выхожу из квартиры, запираю дверь, затем кладу ключ в карман и бегу к лифту. Оказавшись внутри, я нажимаю красную кнопку, и лифт резко останавливается.

— Мне нужно, чтобы ты включила пожарную сигнализацию в здании суда, — говорю я ей.

Ее смех кажется безумным.

— Вы пьяны?

— Нет. — Я быстро обыскиваю лифт, решив, что он безопасен. — Портер пропала. Это Шейвер.

— О, Боже... — слышу на линии щелчок. — Откуда вы знаете...?

— Миа, у нас нет времени. Просто доверься мне. Это Шейвер, Портер исчезла. Нам нужно вытащить Шейвера из суда, где я смогу получить к нему доступ. Мне нужно с ним поговорить.

— Хорошо. Я в деле. Я всегда знала, что настанет день, когда вы предоставите мне

возможность использовать мои хакерские навыки. Просто не могу поверить...

— Знаю. Мы найдем ее. Этот кусок дерьма не причинит ей вреда. Он просто... — Мысль пронзает меня.

Я достаю карту Таро из кармана. Пятерка кубков. Я неправильно прочитал чертову карту. Дело было не во мне... не в моей потере, не в моем горе. Миа была права. Карта о том, что я все еще могу потерять.

Портер.

— Она жива, — говорю я, и меня внезапно охватывает облегчение.

Молчание Мии сдавливает мне горло.

— Откуда вы знаете? — Ее голос дрожит.

Я смотрю на карту.

— Потому что для того, чтобы Шейвер получил то, что хочет, она должна быть живой.

— Сигнализация активирована, — объявляет Миа. Она работала над этим с тех пор, как я покинул здание, где находилась квартира Портер. — Кажется, я немного заржавела. Но я это сделала. Могу я еще чем-нибудь помочь?

Я стою на ступеньках здания суда, когда раздается сигнал пожарной тревоги. Через несколько секунд люди начинают выходить через двери.

— Пока держи это в секрете. Чарли не должен знать.

— Верно. Его отец. Мы не собираемся привлекать полицию?

— Пока нет. Я вхожу. Будь на линии, пока я тебя не вызову. И... спасибо тебе, Миа.

Я отключаюсь и вынимаю наушник. Затем проверяю, что передатчик в кармане, который всегда ношу на галстуке. Просто на случай, если Мие станет любопытно и попытается подслушать.

Я прокладываю путь к дверям сквозь толпу встревоженных людей, слоняющихся по ступенькам. Судебные приставы установили посты у дверей, не давая никому войти. Дерьмо. Об этом я не подумал.

Направляясь в обход, я замечаю несколько отставших людей, выходящих через аварийную дверь. Бегу.

— Придержите дверь. — Хватаю дверь, прежде чем та закроется.

— Там пожар...

— Знаю. Спасибо. — Я игнорирую озадаченный взгляд леди, когда захожу и закрываю за собой дверь.

Охранники не собираются эвакуировать Шейвера, пока не подтвердят опасность. Даже в этом случае есть протоколы, которые занимают много времени, чтобы вывезти его из здания.

Лифты выключили, поэтому я бросаюсь вверх по первому лестничному пролету, ярость подпитывает каждый отчаянный шаг.

Слава Богу, что камеры предварительного заключения в здании суда находятся на втором этаже. Я слышу, как охранники рассаживают заключенных по камерам, и ныряю за угол, где набираю Эдди.

— Встретимся в камере предварительного заключения. Мне нужно, чтобы ты добыл

допуск к Шейверу.

— Какого черта, Йен?

Раздраженно выдыхаю.

— Вопросы потом. Ты мне доверяешь?

— Ты ведь знаешь, что да.

— Тогда тащи свою богатую задницу помощника окружного прокурора сюда и проводи меня в камеру к Шейверу. — Заканчиваю звонок и набираю Мию. — Теперь можешь отключить сигнализацию. Думаю, суд достаточно задержали.

— Будет сделано, доктор Уэст. Пожалуйста, держите меня в курсе.

В нетерпении прохожу по коридору. Снимаю пиджак. Я как раз собираюсь пробиться к Шейверу, когда из-за угла появляется Эдди.

Я чуть не врезаюсь в него.

— Шейвер что-то сделал с Портер. Она пропала. В ее квартире улики, которые могут доказать, что он причастен к ее похищению. Мне нужно остаться с ним наедине. Сейчас. И мне нужно уединение.

Волна шока прокатывается по лицу Эдди, выражение его лица меняется с раздраженного на пораженное.

— Ты уверен?

Неверие — это всегда наша реакция, когда мы сталкиваемся с трагедией. У меня был неудачный опыт, поэтому мои усилия по преодолению собственного отрицания ради Портер не отнимают много времени. Но я все еще чувствую, что мы тратим кучу времени прямо сейчас.

— Да. Эдди, мне это нужно. Сделай это.

Он кивает, реальность и срочность ситуации накрывает его словно ледяной поток.

— Черт возьми. Большой ублюдок.

Когда я подхожу к камерам, он звонит Смигелу. Троллю-адвокату Шейвера.

— Хочешь поболтать о сделке?

Я приподнимаю бровь. Это единственной способ заполучить внимание Смигела.

— Ваш эксперт-свидетель, доктор Уэст, просит о конфиденциальной встрече с Шейвером, — продолжает Эдди.

Дав им несколько минут на то, чтобы разобраться с логистикой, я закатываю рукава. Каждый нерв в моем теле дрожит от предвкушения. Пот стекает по спине. От затхлого запаха здания суда у меня скручивает живот.

— Хорошо, — говорит Эдди и подходит ко мне. — Двадцать минут. Смигел думает, у меня есть предложение, так что он готов выслушать меня и позволить поговорить с Шейвером на время отсрочки заседания.

К нам приближаются охранники и я спрашиваю:

— Ты сможешь его так долго отвлекать?

— Я тебя умоляю. Я работаю в офисе окружного прокурора. — Он наклоняет голову и шепчет: — Повесь этого ублюдка, если нужно. Я тебя прикрою.

Затем он говорит охранникам, что им придется подождать за дверью из-за приватной встречи.

Меня сопровождают два охранника, и когда я мельком вижу Шейвера, сидящего в совещательной комнате, мне требуется вся моя сила воли, чтобы не перепрыгнуть через стол.

Дверь за мной закрывается. Охранники занимают пост с другой стороны. Только я и Шейвер.

— Доктор Уэст. Наконец-то. Вы пришли за толкованием.

Глава 13

Висельник

Доктор Йен Уэст

— Где она?

— Она в безопасности, доктор Уэст.

Хватаюсь за край стола, чтобы удержаться в вертикальном положении. Это не облегчение; я хорошо знаю, что Шейвер может лгать, что он эксперт в манипуляциях, особенно искусен в выражении эмоций.

Нет, это не отчаяние. Я очень хочу верить ему, несмотря ни на что.

— А теперь, ваше толкование...

— К черту твое толкование. Я хочу знать, где Портер. — Силы вернулись, я смотрю в его глаза, непреклонно.

Безразличный, Шейвер наклоняет голову, больше интересуясь моим реактивным состоянием.

— А вы не хотите узнать почему, доктор Уэст? Этот вопрос был бы более логичным, чтобы быстрее получить объект вашего желания.

Костяшки моих пальцев белеют на фоне темной отделки.

— Мне не нужно спрашивать.

— Ах. Верно. Вы читаете людей. У вас уже есть ответ. Жаль, что вы не догадались об этом раньше.

Я обхожу стол и направляюсь к Шейверу, подбираясь достаточно близко, чтобы разбить ему лицо. Кулаки зудят, крепко прижаты к бокам, и я сдерживаюсь, чтобы не сделать этого.

Губы Шейвера растягиваются в дьявольской улыбке.

— Завидую вашим эмоциям, — говорит он. — И что вы чувствуете от этого гнева?

Стиснув зубы, с бешено колотящимся сердцем, я заставляю себя отойти от него. Сводящая с ума правда заключается в том, что Шейвер хочет контроля, и, потеряв свой, я отдаю ему всю власть.

— Очень впечатляет, — говорит он, его акцент раздражает мои и без того измотанные нервы. — Итак, давайте продолжим. Есть кое-что важное, что мне нужно знать, прежде чем мы сможем... помочь друг другу.

Закрываю крепко глаза. Считаю до трех, затем открываю их и фокусирую.

— Что?

— Как вы считаете, доктор Уэст, ваш кубок наполовину полон или наполовину пуст? Ее жизнь зависит от вашего ответа.

Мне нужно последнее усилие воли, чтобы не прикончить его прямо здесь.

— Она здесь ни при чем.

Он даже не моргает. Никакого страха, что я покажу свою физическую силу.

— Конечно, она причастна. Она была в центре всего этого с самого начала. А теперь присаживайтесь, доктор Уэст. — Он поворачивается лицом к столу. — У нас мало времени, и есть правила, которые вам нужно понять.

Дело в том, что психопаты должны чувствовать себя под контролем.

Каждая клеточка моего существа восстает против того, чтобы дать Шейверу то, что он хочет, но ради Портер, зная, что она в безопасности... я делаю шаг назад. Затем еще один. Я разжимаю кулаки, позволяя потоку крови умерить мой гнев и убийственные мысли.

Я хочу перетащить его через стол и выбить ответ; ничто не доставит мне большего удовольствия, чем причинение ему боли. Но я сажусь напротив и медленно и ровно дышу.

— Ты забрал Портер, чтобы обеспечить мои показания.

— В этом случае страховка крайне важна, — говорит он. — А зачем еще вам давать показания и доказывать, что я сошел с ума?

Конечно, я задавал себе именно этот вопрос. Я взвесил эгоистическую натуру Шейвера с тем фактом, что он действительно страдает антисоциальными патологиями. У меня нет практики общения с пациентами один на один. Я распознал угрозу, но по-своему напрасно предположил, что она направлена исключительно на меня, а не на кого-то другого.

Портер — это продолжение меня. Шейвер это увидел. Она была его обменной фишкой.

— Вы дадите показания через три дня, — продолжает Шейвер. — Как только выполните свою задачу, я докажу, что Портер в порядке и она будет доставлена вам живой.

— Нет. Я хочу сейчас, и как только дам показания, хочу, чтобы ее отпустили.

Он цыкает.

— Я не могу этого сделать, доктор Уэст. Видите ли, вы можете так же легко отказаться от своих показаний. Дело должно быть завершено решением присяжных в мою пользу. Тогда ваш мир снова станет правильным.

Торг с сумасшедшим — это идиотизм. И это опасно. Это плохо кончится. Он достаточно умен, чтобы понимать, что я могу в любой момент отказаться от своих показаний. Либо до, либо после суда. Подстрекательство к (крайне) неэтичным действиям с его стороны и его адвоката. С доказательствами похищения Портер последует большой ущерб.

Он не собирается отпускать Портер.

Это не в его МО. До Тиллман не было никаких тел.

Мои мысли сопротивляются идти туда, но я чувствую это нутром. Портер больше никогда не появится. Ее тело не найдут.

Я погружаюсь в темноту. Стараюсь не показывать, насколько напуган. Возможно, это мой единственный шанс получить от него информацию, которая может спасти Портер.

— Три дня, — отвечаю хриплым голосом. — Тогда почему пять кубков, Шейвер? Ты методичный человек. Не сходится.

Его пристальный взгляд бежит по моему лицу в поисках зацепки.

— Пятерка Кубков всегда преследовала меня, — отвечает он. — Но никогда не появлялась в моих раскладах до первого дня суда. Цыганка сказала, что человек в плаще будет моим спасением, и вот вы здесь. Скрытый в своей пелене скорби. И была Портер, ваша полная, переполненная чаша. — Он качает головой. — Столько истории, столько потерь.

— Ты был бы дураком, если бы не воспользовался этим, — поддакиваю я.

Он пожимает плечами, не извиняясь.

— Я не хочу садиться в тюрьму. — Он неторопливо поправляет костюм, будто не его судят за убийство.

— Ты мог бы не убивать и не калечить женщин, — с издевкой говорю я. — Это всегда хорошая страховка.

— Вы прячетесь под сарказмом. Должно быть это утомительно. Вот правда, доктор

Уэст — для меня несущественно, хорошо я себя веду или плохо, потому что сама добродетель не безопасна. — Удар. — Знаете ли вы, что это значит?

Раздраженно смеюсь.

— Я знаю, что эта цитата не имеет к тебе никакого отношения.

— Нет, она применима к народу, и это свидетельствует о дикости нашей плохо организованной системы правосудия. То, что сказал Джон Адамс, является истиной, настолько глубоко укоренившейся в нашей культуре, что каждый гражданин боится полиции и суда. Мы не будем невиновны, пока не докажем свою вину. Вы прежде всего должны это знать. Вы судебный консультант. Вы являетесь частью коррупционной практики этого института. Вы выбираете присяжных, чтобы обеспечить победы своим клиентам. Ваши коллеги нарушают конфиденциальность и раскрывают секреты. — Он подвигается вперед. — И вы смеее судить меня. Кто на самом деле не прав?

Мы покинули реальность.

— Мне плевать на твое мнение. Мне плевать на твои абсурдные оправдания, или вырванные цитаты. Отвечай на гребаный вопрос. — Ты больной, умалишенный ублюдок.

— Вы ведь не заглянули внутрь кубков, не так ли? Потому что, если бы заглянули, у нас сейчас был бы совсем другой разговор.

Моя кровь леденеет. Глаза закрываются, когда я выдавливаю слова.

— Что в кубках?

Я вне себя. Я должен найти способ похоронить свои эмоции. Эмоциональная реакция не приведет к возвращению Портер. Мой страх — его жизненный нектар.

— Вы знали, что кровь не испаряется? — спрашивает он. Его пристальный взгляд задерживается на моем лице, изучая меня.

— Нужно добавить антикоагулянт, и очень точное количество, чтобы использовать испарение в качестве таймера. Очень старая школа, но мне нравится винтажный подход.

Меня охватывает тошнотворный ужас. Кровь Портер...

Мой голос низкий, гортанный.

— Ее кровь? Ее чертова кровь в тех кубках? Что ты с ней сделал?

Все попытки контролировать эмоции официально провалены.

— Ничто не сравнится с тем, что я собираюсь сделать... Ох, так... с удовольствием сделать с ней, если вы попытаетесь мне перечить, доктор Уэст.

К черту. Я толкаю стол. Грубо. Устраняю препятствие между мной и психом. Я стою перед Шейвером и смотрю на него сверху вниз, потеряв рассудок. Мой кулак соприкасается с его лицом. Боль пронзает костяшки пальцев. Но я хватаю его за ворот и снова бью. Я продолжаю колотить, запах свежей крови разжигает огонь, боль не затихает.

На мне руки. Меня оттащили. Спиной врезаюсь в стену. Один из охранников прижимает руки к моей груди, в то время как я отчаянно пытаюсь добраться до Шейвера.

В хаосе появляется Эдди и убеждает охранника отпустить меня, но появляются наручники.

— Это необходимо? — спрашивает Эдди.

Офицер смотрит на мои окровавленные руки и говорит.

— Доктор Уэст, не то чтобы я не хотел сделать то же самое. Но мне очень жаль. Я должен поместить вас в камеру.

— Черт. — Эдди проводит ладонью по лицу. — Ладно. Держись там. Позволь мне разобраться с этим.

Здесь не в чем разбираться. Смотрю на Шейвера, весь в синяках, из носа и рта у него течет кровь, и понимаю, что официально приговорил Портер к смерти. Я буду сидеть взаперти. Меня снимут с процесса в качестве свидетеля-эксперта.

Грудь тяжело вздымается, и я едва не падаю на пол.

— Я пытался, — слышу свой голос. И я действительно пытался сдержать ярость — но это был активный, кипящий вулкан в течение трех лет. На грани и готов к взрыву.

В течение нескольких месяцев после смерти Мел я представлял себе, как выслеживаю этого водителя, избиваю его до полусмерти, а потом сбиваю машиной. Я заиклился на идее возмездия. И теперь все, что я могу сказать, это то, что, столкнувшись с настоящим злодеем, которого я сам могу покарать, вулкан начал извергать лаву.

Годы подавленного насилия с ревом вырвались на поверхность.

Шейвер стал центром зла этого мира, который продолжает забирать и забирать.

Офицер выводит меня из комнаты, я пристально смотрю в глаза Шейвера.

— Месть приятна, не правда ли? — Шейвер пытается заманить меня в ловушку. — Ваш карман полон праведности, доктор Уэст.

— Не отвечай на это, — советует Эдди. Он уже ведет себя как мой адвокат.

Ага. Мне понадобится хороший адвокат.

В камере у меня есть время подумать.

Слишком много времени.

Что, по общему признанию, нам не хватает этого чистого одиночества в жизни. Где все электронные устройства удалены, вне досягаемости. Когда все, что у нас есть, это тишина и время. И мысли.

Я вновь переживаю последние несколько часов как в тумане. Квартира Портер. Шейвер. Вижу себя над ним. Кровь. Я зарываю голову в ушибленные руки, снова переваривая это. Кубки — пять кубков. Шейвер нацелен на меня и это больше, чем оправдать его по обвинению в невменяемости.

Я уверен в этом потому, что он рассказал мне историю о цыганке и карте Таро. И я понятия не имею, правда это или нет, но он заиклился на этой карте и ее значении. Это жизненно важно для него; значит должно быть что-то, чего я не вижу.

Я смеюсь издевательским, самоуничижительным смехом, который скрывает мою беспомощность. С первого дня я был у Шейвера на мушке. Мое высокомерие лишь подтвердило это.

Я снова прокручиваю события, вцепившись пальцами в волосы, ожидая ответа от своего гребанного черепа. Карман, полный праведности.

Что, черт возьми, это значит...?

Я встаю и похлопываю по карманам брюк, затем проверяю пиджак. Лента надежды оплетает мои опасения, когда я достаю листок бумаги из внутреннего кармана. Когда разворачиваю его, я понимаю, что избивание для Шейвера было чем-то большим, чем просто получить реакцию. Он нуждался во мне, чтобы подобраться достаточно близко.

К мужчине в плаще из Пятерки Кубков.

Он должен с опаской доверять дуракам. Система, которая исследует его, уже

однажды предала и подвела его. Он видит только утраченное. И поэтому, его траур никогда не закончится, даже когда ему поднесут новый сияющий кубок. Чтобы принять этот новый сосуд, он должен следовать по пути, который освобождает его противника, отказавшись от своих принципов. Кровь была пролита за его всепоглощающее горе. Жертва, принесенная ради его будущего. Любовь исцелит. Он либо отправится в новое путешествие, примет ее и выпьет ради процветания, либо прольется вся ее кровь.

П.С. — Три дня. Три кубка осушатся. Доктор Уэст вы уже многое потеряли. Не тратьте понапрасну оставшиеся два.

Сукин сын. Комкаю записку и швыряю ее в бетонную стену. Мое тело оседает на скамейку. Костяшки пульсируют от каждого удара, нанесенного этому ублюдку, и это приятно.

Шейвер все-таки доставил мне толкование карты Таро. Он побеждает в каждом раунде. Я мог бы часами анализировать его слова, копаться в его голове... но Портер — единственное, на чем я могу сосредоточиться. Если я не выступлю с трибуны и не объявлю его сумасшедшим — Боже — он пустит ей кровь.

Так, хорошо. Я произнесу клятву на Библии, и, выступая перед судьей и присяжными, объявлю его невиновным в убийстве Девин Тиллман.

И что дальше? В конце процесса Портер внезапно окажется на свободе? Все доказательства ее похищения будут подчищены? Едва ли. Шейвер упомянул о том, как приятна месть... прекрасно зная, что я в мгновение ока отомщу ему.

Рядом с клеткой слышится лязг и приближающиеся шаги. Офицер, который запер меня, открывает дверь.

— Вы можете идти.

Эдди стоит по другую сторону, руки в карманах. Он выглядит усталым. К тому времени, как я забираю свои вещи из ящика, чувствую то же самое.

Оказавшись снаружи, свежий осенний воздух бьет мне в лицо. Я глубоко вдыхаю, очищая свои легкие от затхлой тюрьмы в здании суда.

— Как ты освободил меня?

Эдди ведет меня к своему BMW.

— Заключил сделку с дьяволом.

— Ох. И ты тоже?

Он резко оборачивается, лицо его искажено гневом.

— Йен, это не шутка. Ты заставил Мию взломать систему безопасности здания суда и включить пожарную сигнализацию, чтобы вывести Шейвера из суда. Портер похитили... и мы даже не знаем, что с ней происходит. Ты избил человека во время процесса над ним в чертовом здании суда. — Он отворачивается, проходит несколько шагов, потом снова возвращается ко мне. Пальцем тычет мне в лицо. — Я отвезу тебя в твой офис, а потом вернусь в суд. Могу ли я быть уверен, что сегодня ты больше не нарушишь никаких законов?

Черт. И когда это у Эдди Винса Вагнера выросли яйца?

— Думаешь, меня сейчас волнуют законы? Что я должен был сделать? Вызвать копов? Как ты думаешь, что бы предприняла полиция? — Я встаю перед дверью его машины, чтобы преградить ему путь. — Что, Эдди? Они даже не объявят ее пропавшей до тех пор, пока не пройдет двадцать четыре часа, а к тому времени...

Я не могу закончить свою мысль. Я не знаю, что ждет Портер завтра, и от этого чувствую себя таким беспомощным, что у меня сжимает грудь.

Он раздраженно выдыхает и проводит рукой по волосам, которые уже растрепались, как будто он повторял это действие в течение последнего часа.

— После того, как суд сегодня отложат, я помогу тебе. Я сделаю все, что смогу. Но я не могу быть частью чего-то незаконного.

Моя голова дергается назад. Как адвокат в офисе окружного прокурора, я понимаю, кто он. Но вот чего я не понимаю, откуда такое высокомерие по отношению к Портер — не делать все от нас зависящее, чтобы найти ее.

— Как ты меня вытащил? — На этот раз требую.

Он опускает глаза.

— Это был Шейвер.

— Что ты имеешь в виду?

— Он сказал Смигелу, что упал с лестницы во время эвакуации. Я подкупил двух охранников, чтобы они подтвердили его историю. Шейвер выглядел не так уж плохо, когда его отмыли. — Он пожимает плечами. — Случается чаще, чем ты думаешь.

— Падения с лестницы или выбивание дерьма из подсудимых?

Он свирепо смотрит на меня.

— Подкупы.

Да. Такое случается. Но не с Эдди. Он законопослушный обвинитель. Ему никогда не приходилось манипулировать системой... до сегодняшнего дня. Ради меня.

— Я твой должник.

Он насмешливо фыркает.

— Чертовски верно говоришь. Но только... — Он отводит взгляд, затем смотрит на меня. — Портер мне тоже небезразлична. Я не хочу видеть ее страдания. Знаю, ты не доверяешь властям. — Он хмурится. — Но лучше их привлечь, если кто-то похитил ее, Йен. Это мое мнение.

Я киваю, чтобы успокоить его, но Эдди еще не знает подробностей. Здесь нечто большее, чем просто черное и белое. Когда копы не смогут ее найти, точно так же, как не смогли найти водителя Мел, Шейвер заставит меня заплатить.

И Портер пострадает за мою неудачу.

— Все это так неправильно, — говорит он, качая головой. — Тебе нужно быть осторожным. Шейвер не играет с полной колодой карт.

Я моргаю. И тут меня осенило.

— Что ты только что сказал?

— Я говорю, что это выстрелит нам в лицо...

— Нет, ты сказал, что Шейвер не играет с полной колодой. — Я обхожу машину и открываю пассажирскую дверь. — Поехали.

Шейвер не сумасшедший. Он умен и педантичен, и он определенно играет с полной колодой — колодой карт Таро.

Глава 14

Затерянный мир

Доктор Йен Уэст

Мой офис на шестом этаже превратился в штаб-квартиру.

К счастью, открытая планировка сделала этот переход легким. Я поручил Чарли расследовать прошлое Шейвера. Любая ниточка, любая зацепка, любая связь, которая может привести нас к следу Портер, появляется на доске.

Гигантская доска убийств, которую создали Миа и Чарли, была задвинута, чтобы продолжить разрабатывать ее позже. Потом. Как только Портер будет в безопасности.

Я заставил Мию сосредоточить внимание на присяжных. Она мой единственный аналитик, и мне нужно, чтобы ее умные мозги читали присяжных во время суда. Если мы потерпим неудачу — а мы не потерпим, не можем — то наша единственная надежда на то, что Шейвера оправдают.

Эдди никогда официально не был частью команды, но у него есть место среди нас. Поскольку я не могу быть в суде, он согласился носить передатчик, чтобы Миа могла быть на связи и наставлять его.

Сцена готова.

То есть моя сцена. Чтобы сбить Шейвера с ног.

Как мы знаем, Шейверу нравятся постановки, и это поразило меня сильнее всего. Мы еще не доказали этого, но если моя теория верна относительно сцен преступления, то у каждой жертвы Шейвера была карта.

У меня есть карта. Что делает меня его жертвой. Так где же будет происходить моя постановочная сцена?

Моя основная теория — Шейвер использует весь округ Колумбия в качестве плацдарма.

Я раскатываю карту на стеклянном столе для переговоров.

— Где ты вообще ее нашел? — спрашивает Миа. — Не думаю, что когда-либо видела такую гигантскую карту.

Миллениалы. Технически, я могу быть одним из них, но я верю, что это можно перерастить. Слово есть право на переход в поколение X, и это самостоятельность.

— В магазине подарков. — Я обвожу центр города. — Мы сосредоточимся здесь.

Чарли подходит ближе.

— Почему ты думаешь, что он держит Портер так близко? Для меня это не кажется разумным.

— Потому что Шейверу нужно держать меня в узде. А это значит держать ее достаточно близко, чтобы его некто снаружи мог предоставить мне доказательство, что она жива. Он не может полагаться на технологии, поскольку его связь контролируется, и он не может полагаться на своего адвоката. — Смигел не доказал, что он настоящий тролль. Пока нет.

— Значит, он полагается на физические, осязаемые послания. Это требует, чтобы тот, кто похитил Портер, находился в непосредственной близости.

Такая логика кажется обоснованной. Честно говоря, и я не скажу им об этом, я понятия не имею, как это проверить. Это предположение. Двух с половиной дней просто недостаточно, чтобы расширить радиус поиска, и мне нужно где-то сосредоточить свои

усилия.

— Чарли, выведи карту Таро на экран.

Я попросил Мию максимально увеличить ее, чтобы мы могли видеть каждую деталь. Пока это наша единственная зацепка. Более того, это наша карта.

Я подхожу ближе к экрану.

Колода Таро Шейвера должно быть старая. Я не историк, но думаю, что этой карте, по меньшей мере, полвека. Детали на изображении замысловаты. Расписаны вручную. И вот тут-то я и теряюсь в деталях.

— Это что, замок на заднем плане? — спрашиваю Мию.

— Судя по тому, что я нашла, да. На всех Пятерках Кубков во всех колодах присутствует замок. Очевидно, это и есть цель мужчины в плаще, его благополучное будущее. Если он сможет отпустить свое прошлое.

Я провожу рукой по лицу.

— Ага. Знаю. Но где это здесь? — Указываю на карту. — Шейвер патологичен. С Тиллман его сцена копировала ее карту — вплоть до восьми колотых ран, отображающих восемь мечей. Если замок — это место назначения, значит, именно там и держат Портер. Но в Вашингтоне нет гребаных замков. — Уныло смеюсь, я сейчас сломаюсь.

Миа выглядит неуверенной.

— Откуда вам знать? Может, вы слишком буквальны. Она может быть где угодно. Все, что нужно Шейверу — это назвать это замком.

Она права. Черт.

— Мы ходим по кругу. — Портер сказала правду, когда говорила, что я недостаточно долго оценивал Шейвера, чтобы проникнуть в его голову.

Но он был чертовски уверен, что пролез в мою голову.

Он упомянул о несчастном случае с Мелани. Он спросил о моей истории с Портер. Он либо собирал информацию, либо злорадствовал по поводу того, что уже знал. Сколько информации он почерпнул у Портер? Они потратили месяцы на подготовку к его делу. Тошнотворная пустота скручивает мой живот.

— Нам нужен кто-то, кто знает его. Знает, как он думает. — Я киваю Чарли, сидящему за компьютером. — Где этот мудака, приятель Лайл Фишер?

— Мы не смогли разговаривать с ним, — отвечает Миа, беспokoйно шуря свои подведенные карандашом веки. — Он мог бы рассказать Шейверу обо всем, что мы делаем.

— И? — Я поворачиваюсь к ней. — Думаешь, Шейвер не знает, чем я сейчас занимаюсь? — Я проверяю время на телефоне. Мы уже потратили впустую день. — У меня осталось два дня до того, как мне придется давать показания. Фишер — единственный человек, который знает этого ублюдка, который может знать, где... черт возьми.

— Что? — Миа следует за мной к месту Чарли.

— Должно быть, это он, — говорю я. — Шейвер мог подкинуть нам Фишера, чтобы тот добыл информацию. Должно быть, он был в квартире Портер. — Он забрал ее.

Чарли поворачивается в кресле.

— Доктор Уэст, вы сами можете его спросить. Лайл Фишер здесь. Он в лобби. У него сегодня еще один допрос.

Моя голова начинает раздражающе пульсировать. Я прижимаю пальцы к вискам.

— Тащи его сюда. — Затем я хватаюсь за спинку кресла Чарли, чтобы убедиться, что он видит серьезность в моих глазах. — Насколько незаконно допрашивать кого-то?

Его темные брови сходятся вместе.

— Типа пытаться?

— Если мне придется зайти так далеко...

Чарли выглядит неуверенным, словно впервые видит своего босса.

— Если он что-то знает, мы заставим его говорить.

— Хорошо, — отвечаю я, едва скрывая недоверие в голосе. Чарли — моя добродетель.

Мой черно-белый мыслитель. Я никогда раньше не видел, чтобы он переступал черту, и должен признаться, я немного потрясен.

Пока мы ждем Фишера, я шагами меряю бетонный пол.

Абсолютная беспомощность ситуации ощущается так, будто земля уходит из-под ног.

— Его замок, — размышляю вслух. Смотрю на экран. Мне нужна точка фокуса. Если этот чертов замок мой образный пункт назначения, мне нужно сделать его буквальным.

— Ладно. Давайте поднимем финансы Шейвера. Я хочу знать о каждой собственности, которой он владеет.

И я обыщу каждый угол в Вашингтоне, если придется.

Когда Фишер входит в офис, что-то щелкает в моем мозгу. Знаю, с медицинской точки зрения, это невозможно, но после хлопка происходит то же самое. В глазах темнеет, звуковая волна детонирует в ушах. Рев усиливается до тех пор, пока все остальные звуки не становятся слишком далекими, чтобы их можно было услышать.

Пересекаю офис и хватаю его за горло.

— Где она? Где ты прячешь ее?

В его темных глазах нет страха. Он тянется к карману, но я перехватываю его руку.

— Я должен передать тебе сообщение, — ровным голосом произносит Фишер.

Чарли становится рядом и приказывает Фишеру медленно убрать руку. Он достает телефон и протягивает мне трубку. С бешено бьющимся сердцем я отпускаю Фишера и забираю телефон.

— Нажми кнопку воспроизведения, — говорит он.

Я долго смотрю на устройство, прежде чем перевести взгляд с Чарли на Мию. Они оба — неподвижные скульптуры, ждущие, когда я нажму на кнопку.

— Не упустите его. Свяжите, если понадобится.

Затем я делаю глубокий вдох и запускаю видео.

На дрожащем экране появляется лицо Портер. Желудок подскакивает к горлу. Ее волосы растрепаны, тушь размазана под глазами. Кадр скачет, будто кто-то поправляет угол съемки, и я мельком вижу окровавленные бинты, обматывающие ее руки.

Там, где пускали кровь.

— Уэст, прости, — говорит она, ее голос дрожит. — Я жива, но не знаю, где нахожусь. Но я в порядке. Просто сделай все правильно.

Камера падает. Конец видео.

Я сжимаю телефон так сильно, что кожа на костяшках пальцев горит.

— Где она, черт возьми? — Рычу я на Фишера.

Он отрицательно качает головой.

— Ты думаешь, он мне скажет? Он дал мне четкие инструкции, где взять трубку и куда ее отнести. Это все. Я закончил. — Он поднимает руки. — Это все, что мне нужно было сделать, а теперь я ухожу. Я не дам показания. Не стану.

Я направляюсь к нему, но Чарли перегораживает мне путь.

— Доктор Уэст, подумайте. Шейвер не стал бы посылать вам кого-то полезного.

Мне не нужна логика. Я хочу причинить боль. Хочу, чтобы это ничтожество истекало кровью. Хочу, чтобы он сказал, где Портер.

— Он никуда не уйдет, — говорю я, обходя вокруг стола и снова сосредотачиваясь на карте. — Где ты забрал телефон? Мне нужна каждая крупинка информации, которую может дать твой гнилой мозг, и я хочу получить ее сейчас.

К часу ночи мы прочесали все владения Шейвера в центре города. Я совершил три поездки: жилой комплекс, бар, и спортзал. Все законные заведения, с жильцами и бухгалтерией... но никаких признаков Портер. Фишер подтвердил, что, по крайней мере, два предприятия используются для отмывания денег за торговлю наркотиками у Шейвера.

Что может помочь делу Эдди, но не приблизит нас к поиску Портер.

К утру этот вопрос должен быть задан. Готов ли Эдди проиграть дело, если это наш единственный шанс спасти жизнь Портер?

Мне противно, что именно я ставлю этот выбор на Эдди, но у Портер нет времени. Если Фишер что-то и знает, то молчит. Он не сдаст Шейвера; он утверждает, что это самоубийство, и он, вероятно, прав. Но я официально состою из дерьма, чтобы придавать значение головорезам. Возможно, он и не имел никакого отношения к похищению Портер, но он работает на Шейвера. Он заплатит за свое участие, так или иначе.

Я встаю и потягиваюсь, затем надеваю пиджак.

— Вы куда? — спрашивает Миа. Она просматривала записи с сегодняшнего процесса.

На одном экране небольшие панорамные снимки присяжных, которые сделал Эдди с помощью камеры на его галстук, на другом отображается статистика присяжных. У Мии собственная система оценок относительно вероятности того, что присяжный оправдает или вынесет приговор.

— Мне нужно прогуляться, — отвечаю. — Проветрить голову.

— Доктор Уэст, уже поздно. Вам нужно домой, поспать.

— Чья бы корова мычала.

— Никогда этого не понимала.

— Потому что ты никогда не видела корову.

— Ладно, поскольку вы не спите, взгляните на это. — Она перематывает запись судебного процесса и воспроизводит перекрестный допрос Рендалл Эдди. Она больше не главный свидетель защиты по алиби, она стала главным свидетелем по делу Шейвера.

Знаю. Ирония.

— Это только первый день, но большинство присяжных выражают симпатию Эдди во время его допроса.

Что стало бы триумфом для первого дня в любом другом деле.

— Кто эти несогласные?

— Ну. Женщина с сыном... — Она поворачивается к экрану с профилями присяжных, — Сара Дженкинс. Ее сын отбывает срок в колонии для несовершеннолетних за хранение наркотиков. Роль Эдди в убийстве Тиллман, похоже, не впечатлила ее. Выражение ее лица во время перекрестного допроса выявило ее сочувствие к Тиллман.

Медленно киваю.

— А может, она наш старшина присяжных?

Миа хмурит брови. Это сбивает с толку, и трудно понять наверняка, в какую сторону тянуть. Мы не можем допустить, чтобы Шейвер свободно разгуливал, но его свобода напрямую связана с жизнью Портер.

Миа качает головой.

— Сомневаюсь. Она работает на двух работах неполный рабочий день. Ни одна из них не требует особых навыков принятия решений. Я думаю, что она и так переживает из-за семейных проблем. — Она хмурится. — Но, есть двое, к которым я склоняюсь.

Опираюсь руками на стол и наклоняюсь ближе к экрану. Она достает два досье, оба я смутно припоминаю по предварительному опросу свидетелей.

— Джексон и Смит.

Обычно ночь перед судом я изучаю анкеты присяжных. Но я был с Портер. Лезвим по сердцу.

— Камилла Джексон — генеральный директор технологической фирмы и вероятный кандидат. А Эндрю Смит, школьный учитель истории, имеет опыт управления большими недисциплинированными группами.

Я тру глаза.

— Например, подростки. На это нужно терпение. Идеальный старшина. — Остальные будут чувствовать себя комфортно, глядя на него. Его доход не является пугающим оскорблением, и учителя заслуживают уважения.

— Загвоздка в Смите в том, — говорит Миа, и пододвигается ко второму монитору, — что он может метнуться на другую сторону. Казалось, он купился на вступительное заявление Смигела, но слегка кивнул во время перекрестного Эдди. — Она качает головой. — Либо я плохо читаю его, либо еще слишком рано.

Я похлопываю ее по плечу.

— Еще слишком рано, — уверенно говорю я.

Слишком рано, но не для меня. У меня мало времени. Время Портер истекает... слишком быстро.

— Я на улицу. Поспи немного. Мне нужно, чтобы твой мозг сосредоточился на завтрашних занятиях. — Смотрю на Фишера, неудобно оставлять Мию и Чарли с ним наедине. — Я заберу его с собой.

— Берегите себя, — говорит Миа, затем возвращается к своим мониторам.

Как только мы оказываемся на тротуаре, я поворачиваюсь к Фишеру.

— Скажи своему боссу, что если Портер каким-либо образом пострадала... — я закрываю глаза, представляя себе пропитанные кровью бинты, покрывающие ее руки, — я прикончу его. Может быть, не сейчас и не завтра. Но я прикончу его.

Фишер внимательно смотрит на меня и наклоняет голову.

— Думаешь, он боится смерти?

Его вопрос выводит меня из себя. Все, что я могу сделать, это смотреть на этого мужчину.

Засунув руки в карманы, Фишер разворачивается.

— Смерть — его любимая карта, доктор Уэст. Удачи.

Возможно, глупее всего позволить ему уйти, но он — моя единственная реальная связь с Шейвером и, следовательно, с Портер. Он принес телефон, он принес доказательство того,

что она жива, пока. Мои инстинкты искажены. Мои чувства к Портер искажают мое восприятие. Поэтому я должен доверять какой-то другой чужой вещи, над которой я издевался.

Вера.

Возможно, не врожденная вера, а вера в то, что Шейвер снова использует Фишера для отправки сообщения.

Я ускоряю шаг, срезая путь к квартире Портер. Я вставляю ключ с замирающим чувством, вытягивающим мое нутро. Кажется, прошли годы с тех пор, как я был здесь в последний раз, а не этим утром. Все по-прежнему так, как я оставил. Я не уверен, надеялся ли я на перемены, на новый знак.

Я включаю свет и фонарик на телефоне. Во время моих панических поисков этим утром, я мог упустить что-то маленькое, что-то важное. Только одна улика, которая могла бы подсказать мне, кто ее похитил и куда.

Черт. Надо было взять с собой Чарли. Мне нужен взгляд следователя. Набираю его номер, затем отключаю его, придумывая нечто лучшее, чем разбудить его. Нам нужно больше, чем глаз; нам нужно дерьмо типа CSI. Наборы для отпечатков пальцев. Эти специальные синие фонари. Да, я не очень хорош в технической составляющей криминалистики. Это не по моей части.

Завтра.

К тому времени, как солнце взойдет, пройдет двадцать четыре часа, как пропала Портер. Это официальное время, когда я могу сообщить об этом. Меня осеняет одна мысль.

Фирма Портер должна волноваться, где она. Так ведь? Кто-то там может заявить о ее исчезновении, и это не является нарушением с моей стороны в отношении Шейвера. Но кто? Я настолько не в курсе ее жизни, что даже не знаю, кто ее друзья. С какими коллегами она близка.

Портер отстранили. Как минимум еще на неделю. Кто-нибудь заметит ее исчезновение? Кто-то должен волноваться.

Я. Я тот, кто скучает по ней. Я тот, кем Шейвер знал, что может манипулировать. Если только по какой-то другой причине, кроме его кропотливо дотошного характера, я знаю, что Шейвер позаботился о том, чтобы никто не беспокоился о Портер. По крайней мере, на ближайшие пару дней.

Меня разрывает слишком много направлений, и ни у одного из них нет однозначного ответа.

Я вхожу в спальню и включаю свет. Кубки на каминной полке отражают свет. Они все так же стоят. Страх проникает в душу.

Не смотри.

Но меня вынуждает, как магнит, притягивающий меня против моей воли. Вот почему я пришел сюда, верно? Не для того, чтобы найти какую-то неуловимую улику. Я пришел сюда, чтобы посмотреть в эти кубки и понять, что, когда я дам показания, у меня не будет другого выбора.

Шаг за шагом я подхожу к камину. Использую салфетку, чтобы взять первый кубок и заглянуть внутрь. Пусто, кроме остатков. Пятно на серебре напоминает красное вино.

Первый день истек.

Когда я поднимаю второй кубок, меня охватывает дрожь, задние зубы сжаты. Я испытываю гнев вместо боли. Медный привкус крови ударяет меня прежде, чем я вижу

доказательство.

Едва не роняю кубок. Прислонившись головой к каминной полке, я делаю глубокие, ровные вдохи. Мои мысли не мои. Я стал чем-то... другим. Отчаянно желая причинить боль.

Я убью его.

Рядом кровать, и там же падает мое тело, проиграв бой.

Глава 15

Второй кубок

Доктор Йен Уэст

Солнце согревает мое лицо, и я шурюсь от невероятно яркого света. Второй день подряд я просыпаюсь в кровати Портер.

Зарывшись в пуховое одеяло, я вдыхаю ее лавандовый аромат. Мимолетное чувство правильности. Полноты. Завершенности. Когда я протягиваю руку, чтобы притянуть ее тело к себе, я теряюсь в этом мечтательном удовлетворении, прежде чем реальность прорывается сквозь туман.

Это срабатывает внутренняя тревога, и паника заставляет мои измученные мышцы двигаться. Я выбираюсь из-под одеяла, мои кости сделаны словно из цемента. Каждое больное и ноющее место оживает, когда я обыскиваю себя, чтобы найти телефон.

Прижимаю голову к руке и жду ответа от Мии.

— Ты нашла что-нибудь на телефоне, что может нам помочь?

— Доброе утро, доктор Уэст. Вы уже выпили кофе?

Я застонал.

— Нет. Миа, телефон?

— Он чист. Одноразовый. Мне жаль.

С губ слетает выдох поражения. Я не ожидал, что Шейвер оставит след, но всегда есть шанс. Он управляет делами из-за решетки. Может совершить ошибку.

Эта мысль полностью выдергивает меня из постели, и когда я заканчиваю разговор с Мией, я смотрю на кубки. Даже в моем разбитом состоянии, я использовал салфетку, чтобы коснуться их. Из-за возможности получить улику.

Я звоню Чарли и говорю ему, чтобы он принес все свои инструменты для сбора улик в квартиру Портер, затем проверяю время. Слушание начнется менее чем через час.

Брожу по коридору. Эдди берет трубку после второго гудка.

— Что происходит? — спрашивает он. — Погоди. Не уверен, можно ли мне знать. Черт. Просто скажи мне что-то хорошее.

— Заключи сделку. — Прислоняюсь к стене.

— Что?

— Заключи сделку с Шейвером. Как угодно. После того, как я дам показания завтра, я хочу, чтобы Портер была немедленно освобождена.

Шейвер ясно дал понять, что Портер будут держать до окончания суда. Если его оправдают. Мне просто нужно больше времени... мне нужно время, чтобы Шейвер поверил, что я сдался. Но даже если я облажаюсь, Эдди мне нужен на борту.

Молчание между нами затягивается, помечая реальное расстояние. Если дойдет до того, что Эдди придется сдать дело, я потеряю его преданность. Он сделает это. Потому что он хороший парень, потому что он сделает все необходимое для спасения Портер. Но как только дело будет сделано... мы не станем прежними.

— Хорошо, босс, — наконец отвечает он. — Я сделаю все, что в моих силах. И еще, Йен. Ты не должен винить себя. После вчерашних заседаний этот процесс выглядит довольно мрачно с моей стороны.

Заканчиваю звонок, и все равно ощущаю себя виноватым.

Шейвер манипулировал системой, и это может стоить мне хорошего друга. Эдди и я, наше партнерство, наша дружба, никогда не будут прежними.

В нетерпении я обыскиваю шкафы Портер в поисках кофе и жду Чарли. К тому времени, как он приехал, я уже выпил слишком много кофеина. Но я не сплю. Наготове.

Переспи с мыслями.

Так говорят психотерапевты, и действительно, совет хорош не просто так. Наше подсознание раскрывает решения проблем, в то время как мы даем нашему сознанию отдохнуть. Возможно, я не знаю ответа, но у меня есть цель.

Приняв решение, я надеваю пиджак.

Надев латексные перчатки, Чарли делает паузу.

— Куда это ты собрался?

— Подготовить мое экспертное заявление.

Вот уже три года я прихожу сюда только по случаю годовщины свадьбы. Но это не то место, где я разговариваю с Мел. Я как-то сказал, что не обязан... что она просто знает... но это не совсем так.

Правда в том, что мне не нужно говорить с куском мрамора, потому что я никогда не переставал говорить с ней.

Она всегда в моих мыслях. Я шепчу ей нецензурные слова, как будто она все еще в комнате. Я мысленно рассказываю ей о своем дне, когда думаю о деле. Я говорю ей, что скучаю по ней все время — потому что, Боже, я скучаю. Эта постоянная боль, которая никогда полностью не исчезнет, — это ее постоянное присутствие в моей жизни.

Но сейчас я здесь, потому что она нужна мне так, что только открытый диалог, вслух и на ее месте, может мне помочь.

Опускаюсь на колени перед ее надгробием и касаюсь холодного мрамора. Кулончик с ведьмой, которое я принес ей, все еще здесь, и из кармана пиджака достаю флягу. Ставлю ее рядом с амулетом. Боль — огонь в моей груди.

— Ты бы так разочаровалась во мне. — Я быстро втягиваю воздух, чтобы остановить жжение в глазах. — Портер впуталась во что-то плохое. Меня не было рядом с ней. Теперь она пропала. Я не знаю, как помочь и где ее найти. И что еще хуже... — Я замолкаю, ненавидя себя.

Дерьмо.

— Я люблю ее, Мел. Ты, наверное, уже знала это. Но я люблю ее. Всегда любил; она моя подруга, она наша... она семья. В последнее время она стала настоящей занозой в заднице в команде защиты, но это не меняет моих чувств. Прости. Уверен, я нарушил какое-то правило. Некоторое произвольное правило о том, в кого тебе позволено влюбляться, и мне жаль, если я ошибаюсь, но это не так. — Мой большой палец скользит по ее имени. — Если бы это было действительно неправильно, я бы не смог быть с ней. Эта болезнь поглотила бы меня. Чувство вины разорвало бы меня на части. Но с Портер я ничего подобного не чувствовал. Потому что ты тоже любишь ее и хочешь, чтобы мы оба двигались дальше. Ты была бескорыстной, и я уверен, что ты пыталась заставить меня понять, как я

отношусь к Портер, несмотря на все мое раздражение к ней...

Я смеюсь.

— Теперь я это понимаю. И я здесь, разговариваю с тобой словно какой-то безумец, потому что мне нужна твоя помощь. — Я достаю из кармана карту Таро и кладу ее у основания ее надгробия. — Это было здесь не просто так. Этот садистский ублюдок думает, что, использовав твое место, он добрался до меня, но на самом деле, это ты пыталась мне что-то сказать. И как всегда, я был слишком упрям, чтобы выслушать, но теперь я открыт. Мел, скажи мне, где она. Что я упускаю?

Ответа нет. Я не сумасшедший, и у меня нет бреда. Я не жду, что Мелани опустится на грядку облаков и укажет дорогу. Я не совсем уверен, чего я ожидаю...

Знака.

Больше времени.

Может быть, прощения.

Чтобы боль, наконец, прекратилась.

Но и это не ответ. Мы чувствуем боль по чертовски веской причине. Боль дает нам понять, что что-то не так. Мы должны научиться слушать боль, а не блокировать ее.

Я провожу рукой по надгробью, и зазубренный край рассекает ладонь.

— Черт. — Я сжимаю кулак, кровь сочится из моей ладони. Я начинаю расстегивать рубашку, чтобы оторвать полоску, чтобы перевязать рану, когда смотрю на Пятерку кубков.

Капля крови растекается по карте, прямо поверх изображения моста на заднем плане. Поднимаю ее, чтобы рассмотреть поближе. Вытираю кровь.

Когда этот момент озарения захватывает вас, у вас перехватывает дыхание.

Я просто шут. Шут в Таро должен был стать моей картой, а не проклятые кубки. Я думал о жертвах Шейвера, о сценах, которые он устраивает. Его сцене.

Но это не его, это моя. Сцена связана со мной.

И Портер.

— Мел, спасибо. Ты все еще самая умная.

Я прячу карту в карман и встаю, почти дрожа от своей уверенности. Достаю телефон из кармана и набираю Чарли.

— А твой отец может организовать поисковую группу?

— Конечно. Где и когда?

Я смотрю вдаль, направляясь к своей цели, к своему будущему. Бла-гребаное-бла. Выкуси, Шейвер. Я всегда получаю девушку.

— В Ярдс парке.

Доктор Йен Уэст

Мне плевать, как Шейвер узнал об этом. Или я рассказал что-то во время нашей встречи, или он выведал у Портер информацию. Может быть, он следил за нами в ту ночь, когда мы пришли сюда вместе.

Разберу это позже. Сейчас, меня заботит только то, чтобы найти ее вовремя.

Словно в плохом боевике, я бегу к пешеходному мосту. На моем костюме грязь и пятна крови. Люди отступают в сторону, боясь человека с дикими глазами, стараясь не мешать мне. Я не останавливаюсь, чтобы извиниться. Чем ближе я подбираюсь к месту, тем тяжелее становятся мои ноги.

Огненные змеи сковывают икры, и я спотыкаюсь, и прямо перед носом хватаюсь за ограду из цепи. Тиски сжимаются вокруг моих легких. Мое дыхание сдавлено.

Я останавливаюсь ровно настолько, чтобы оглядеться. Знаю, я именно там, где и должен быть, но с какой стороны моста мне перейти? Где находится пункт назначения? Поднимаясь по мосту, волоча свои бесполезные ноги, я продолжаю поиски, пока не достигаю центра. По обе стороны моста стоят здания. Какое именно?

— Где ты, Портер?

Слева от меня находится винодельня. А справа лодочная пристань. Люди слоняются вокруг винокурни, слишком занятые, чтобы прятать заложника. Я перехожу через мост.

Это я, садистский ублюдок, пересекаю мост! Я мог бы даже выкрикнуть это вслух.

Мой телефон вибрирует от звонка Чарли.

— Мы подъезжаем, — говорит он.

— Черт. Быстро, — запинаясь я, едва дыша после марш-броска сюда.

— У моего отца есть поисковая группа в какой-то местной социальной сети, которую он постоянно обновляет. Ушел в отставку, но не умер. Вот что он говорит. У нас есть собака-ищейка, и я взял вещь Портер из шкафа. Мы разделимся на две небольшие группы и начнем искать по обеим сторонам речной тропы.

Я киваю, как будто он меня видит. Я приближаюсь к пристани и смотрю на здания вдоль реки.

— Я направляюсь на участок погрузки, — и с трудом сглатываю. — Мы найдем ее. Она здесь. Спасибо, Чарли. — Я заканчиваю разговор до того, как тяжесть моего страха просочится через линию.

Я найду ее.

Достаю карту и в сотый раз изучаю ее, выискивая какие-нибудь совпадения на зданиях передо мной с замком. Чертов замок. Сейчас не время для саркастического скептицизма. Мои сомнения не смогут сдержать меня.

Громкий хлопок рикошетом разносится по парку. Гидравлический кран поднимает и укладывает транспортные контейнеры на площадку. Еще один удар, и он поражает меня тошнотворным узлом внутри живота — абсолютное понимание плана Шейвера.

Я срываюсь на бег.

Здесь много, слишком много, транспортных контейнеров. Я напрягаюсь, чтобы увидеть

их все. Они тянутся через площадку, вплоть до огромного склада. Паника пронзает грудь. Я пишу Чарли, потому что моему голосу нельзя доверять. Я говорю ему, чтобы привести собаку... привести всех до единого.

Она здесь.

Начинаю с первого контейнера. Заварен. Стучу, затем жду, чтобы услышать движение внутри. Нет. Он не позволит ей выйти на открытое место. Думай.

Где-то в укромном месте.

Проталкиваюсь мимо работников дока к складу. Он огромен, ржавое хранилище с высокими отсеками и открытыми рамками для хранения груза. Много грузов. Пот стекает на глаза. Я вытираю лоб и стягиваю пиджак.

Это все равно, что пытаться разгадать сказочную загадку. Где находится принцесса? В самой высокой башне? Я сканирую склад и бормочу проклятие. Затем начинаю подъем, ступенька за ступенькой.

Стучу в каждый контейнер на моем пути, боясь, что это бессмысленно. Что Портер накачали наркотиками, усыпили. Или еще хуже. Боясь, что я слишком поздно. Прошло больше двадцати четырех часов. Как долго человек может выжить, находясь внутри контейнера?

Шейвер и не собирался отпускать ее. После суда, победит он или проиграет, ее тело бы переместили и выкинули. Как товар.

Небольшая поисковая группа входит в секцию, я машу Чарли. Он указывает на другую сторону склада.

— Мы напали на след.

Каждая косточка в моем теле размягчается под напором этой грохочущей волны.

В считанные секунды я спускаюсь и присоединяюсь к поисковой группе. Собака ведет нас к центру склада, затем останавливается, и нюхает по кругу.

— Он потерял след, — объясняет Чарли. Он выглядит разбитым. Такой взгляд бывает у детективов, когда они так близко...

Я смотрю вверх.

— Дайте пса.

Подниматься по лестнице с немецкой овчаркой (а не с ручной собачкой) под мышкой рискованно, но я справляюсь с этим в медленном, ползущем темпе. Я шиплю страстное проклятие каждый раз, когда пропускаю ступеньку. На каждой платформе собака ищет след. Собака скулит, когда я снова пытаюсь ее поднять. Она не доверяет мне.

— Я тоже не доверяю себе, приятель.

— Эй ты! Что ты там делаешь?

Вытираю лоб.

— Кардио, — кричу вниз. — А на что это похоже?

Даже отсюда я могу сказать, что бригадир не впечатлен.

— Спускайтесь вниз. Живо.

— Сэр, этого не произойдет. У меня еще четыре уровня впереди, я должен обыскать их, и в одном из ваших контейнеров держат в заложниках женщину.

Чарли появляется рядом со мной, остальные члены поисковой группы из пяти человек рассредоточились по обе стороны платформы. Я благодарен им за поддержку, так как крепкий бригадир выглядит достаточно мясистым, чтобы оторвать мне конечности.

Он снимает шлем и чешет макушку.

— Что вы только что сказали? — Он свистит своей бригаде. — Прикатите лифт.

Ну, прекрасно.

— Это была бы более умная и умелая тактика, — шепчу я Чарли.

— Вы судебный консультант. Не корите себя.

— Приму к сведению.

Через несколько минут титан погрузчиков поднял бригадира до нашего уровня. Чарли вкратце объясняет, что мы можем сделать так, чтобы это место кишело копами, или мы можем провести обыск сами. Мужчина, кажется, хмурится при мысли о копах. Никто не любит копов, даже если им нечего скрывать. Это психологический инструмент, заложенный еще в раннем подростковом возрасте.

Здоровяк кивает.

— Мы поможем.

Мы возобновляем поиски, время потрачено впустую, но мы восполняем его с помощью бригады и их гораздо более умного, подходящего доступа к контейнерам.

К тому времени, когда мы оказываемся в пятом ряду и приближаемся к верхнему уровню, я тону в поту и отчаянии. Я понимаю, что пропустил звонок от Эдди. Только я не могу с ним поговорить. Пока нет. Шейвер лучше читает людей, чем Эдди умеет скрывать свои эмоции.

Мне нужно, чтобы Эдди управлял судом до тех пор...

Положив руки на контейнер, я крепко зажмуриваюсь. Бью головой о гофрированную сталь. Пытаюсь выбить мысли о поражении из моего мозга.

— Проклятье. Портер, где ты?

Звук такой слабый, что если бы я не застыл в состоянии полного поражения, я бы его не услышал. Я открываю глаза и напрягаю слух. Еще один легкий стук. Потом еще один.

Дрожа я отхожу от контейнера.

— Сюда!

Когда группа приближается, лай усиливается. Бригадир неуверенно стоит перед контейнером с парой болторезов.

— Если здесь действительно женщина... может, нам стоит вызвать полицию?

Я и близко не такой огромный, как этот мужчина, и он, вероятно, отправит меня в нокаут одним мощным правым хуком, но будь я проклят, если не пробьюсь сквозь него, чтобы добраться до Портер.

Вырываю болторез из его рук и пробиваю локтями дорогу к замку.

Чистый адреналин и желание спасти Портер дают мне геркулесову силу, которой я никогда раньше не обладал. Я давлю на инструмент, стиснув зубы, пока не чувствую сильный щелчок поддавшегося замка.

Отбросив инструмент в сторону, я выдергиваю замок. Чарли и здоровяк помогают поднять дверь.

Мое сердце замирает.

Внутри контейнера кромешная тьма. Включается фонарик. Луч блуждает внутри и падает на съезжившуюся женщину в дальнем углу.

Возникает хаотичное движение, когда люди стремятся добраться до нее.

— Стоп. — Приказываю я низким, убийственным тоном. Всякое движение прекращается.

Я проталкиваюсь сквозь толпу, мое сердце колотится где-то в горле. Я отчаянно хочу

схватить ее в объятия и прижать к себе, вытащить из этого места, но сначала я должен осмотреть ее. Убедиться, что она не ранена и не испытывает боли.

Что она жива.

— Все назад, — говорит Чарли. — Он врач.

Ну, почти. Я опускаюсь на колени рядом с Портер и, наконец, делаю глубокий вдох, когда вижу, как поднимается ее грудь. Спасибо тебе, Господи. Отодвигаю в сторону ее спутанные волосы и изучаю ее лицо. Под глазами синяки, обезвоживание. Она моргает несколько раз, пытаясь открыть глаза, но ее сознание не ясно. Я вижу это по тому, как она опускает голову.

— Я здесь, — шепчу ей. Проверяю бинты на ее руках. Кровь уже высохла. У нее есть и другие царапины, и ушибы на руках и лице... и я запикиваю свою ярость в яму с кипящей лавой, чтобы осмотреть ее полностью.

— Чарли, звони 911, — говорю я. — Нужна неотложка.

Он подходит ближе.

— Она в порядке?

Я проглатываю еще один обжигающий шар горя.

— Она накачана наркотиками и обезвожена, но я думаю, что с ней все в порядке. — Обнимаю ее и прижимаю к своей груди. — Портер?

Она моргает, глядя на меня, пытаюсь разглядеть мои черты сквозь туман, отделяющий ее от меня. Но она видит меня. Она знает, что я здесь. Она самое прекрасное видение. Вдыхаю ее, прижимаюсь губами к ее лбу. Когда ее руки тянутся к моим, и она сжимает мои пальцы, изнуренный выдох облегчает давление, разрывающее мою грудь.

— Все хорошо, — говорю я снова и снова, просто обнимая ее.

Пока мы ждем приезда скорой, я набираю сообщение Эдди: *«Она у меня. Уничтожь ублюдка.»*

Доктор Йен Уэст

Нет покоя грешникам.

Так говорят, верно? Что все грешники и злодеи слишком заняты заговорами и разрушением красоты, чтобы хорошо спать ночью. Что имеет смысл, учитывая, что для того, чтобы справиться с изощренной коррупцией судебной системы, Шейверу пришлось контролировать множество движущихся частей.

Он был грешником, тружеником.

Госпиталь кишит медсестрами и пациентами. В коридоре суется синих униформ и белых халатов. Я сижу в коридоре, возле палаты Портер. Формально в приемном покое это не палата, она за шторкой, куда меня не пускают.

Серьезная на вид медсестра с усталыми глазами попыталась меня расшевелить. И хотя обычно у меня хватает сострадания, чтобы посочувствовать трудолюбивым, усталым медсестрам, сегодня этого не происходит. Эта женщина должна была либо ударить меня электрошокером, либо получить мне пропуск.

Она достала для меня пропуск. Хотя я думаю, что она думала об электрошокере.

Я тереблю бейдж с именем на своей помятой рубашке, думая обо всех этих движущихся частях, пока жду новостей о Портер.

Двое полицейских и детектив уже опросили меня, пообещав вернуться, как только они проведут более тщательное расследование. А это значит, что Шейвера скоро предупредят, что его план провалился.

Во время перерыва в суде, я поговорил с Эдди, заполняя бланки.

— Кому принадлежит контейнер? Кто его туда поместил? — спросил он. Очень хорошие вопросы. Надеюсь, отдел особо тяжких преступлений сможет проследить его связь с Шейвером.

Не то чтобы у нас не было на него достаточно улик, чтобы упрятать его за решетку на всю оставшуюся жизнь, но опять же, это все те чертовы кусочки головоломки. Я ни в коем случае не страдаю ОКР, но мне нравится, когда мои дела раскрыты. Полностью. Мне нравится, когда все детали выстраиваются в четкую, лаконичную картину.

Все что мы знаем на этот момент: контейнер должны были загрузить в грузовик и отправить сегодня вечером. Проверяю телефон. 6:26 вечера. К этому времени, прямо сейчас — если бы мы добрались до Портер чуть позже — она исчезла бы навсегда.

Шок от осознания этого еще не прошел.

Закрываю глаза. Медленно и глубоко дышу.

Согласно лабораторным исследованиям, которые только что пришли, Портер вводили пропофол (или то, что взволнованная медсестра называла болюсом), и еще большую дозу лоразепама, который является общим седативным средством. Смертельный коктейль, который при неправильном применении может вызвать кому или смерть. Но преступник оставил ее в живых, и под наркозом на несколько часов. Он держал ее податливой и неспособной бороться.

Высокий уровень специальных знаний для дружка наркобарона.

Еще один кусочек, который не вписывается. Кто мог оказаться у Шейвера под каблуком? Медсестра? Фармацевт? Доктор? Как мог человек, который явно изучал медицину, первым уроком которого был не навредить, продать свою душу, чтобы мучить другого человека?

Потому что, хотя Портер восстанавливается физически, не ошибитесь, восстановление с психологической точки зрения займет гораздо больше времени. Портер подвергли пыткам.

На нее напали в ее доме. Она подверглась жестокому избиению. Её накачали наркотиками.

И она находилась одна многие часы в крошечной тьме, парализованная, со страхом наедине.

Я закрываю лицо руками. Пальцы впиваются в череп.

— Все кончено.

Я повторяю это про себя. Снова и снова. Меня трясет, остатки адреналина все еще выходят из организма.

— Все кончено. — Голос Эдди следует за моим.

Поднимаю голову. Он стоит передо мной, засунув руки в карманы пиджака. Воплощение удовлетворенного прокурора. Он занимает место рядом со мной.

— Как ты получил пропуск?

Он пожимает плечами.

— Работая в офисе окружного прокурора, проводишь много времени в больницах. Медсестры здесь меня любят.

Я понимающе киваю, безуспешно пытаюсь улыбнуться. Это больше похоже на неловкую гримасу. Я пытаюсь.

— Тебе не обязательно завтра давать показания, — успокаивающим тоном говорит Эдди. — Оставайся с Портер. Я поговорил с отделом особо тяжких преступлений. Транспортировочный контейнер был связан с одним из предприятий Шейвера. У нас достаточно доказательств, чтобы повесить его.

Я испускаю протяжный выдох. До суда, кажется, миллион световых лет.

— Что думает Миа?

Его рот сжимается в тонкую линию. Не очень убедительное выражение.

— Миа думает, что есть еще пара присяжных, которые колеблются. Я не понимаю, но она мозг операции с присяжными.

— Мать наркомана и учитель истории.

Эдди вздыхает.

— Эти двое. Может из-за подростков. Оба имеют дело с детьми, поэтому появляется некое остаточное, защитное.

Пораженно изгибаю бровь.

— Миа влияет на тебя. Может, вам двоим стоит почаще работать вместе?

Легкий намек на румянец появляется на его лице.

— Она великолепна. — Он прищуривается. — Но не заводи эту тему.

Я смеюсь, удивляя себя. Моя нейропластичность снова проявляется. Способность ума адаптироваться перед лицом бедствий поражает. Либо это, либо проводку в моем мозгу закоротило.

Такое может быть от стресса.

Лицо Эдди становится серьезным.

— Как она?

Я наблюдаю, как медсестра едва не тащит мужчину, пытающегося покинуть отделение скорой помощи. И позволяю себе раствориться в сцене.

— Она поправится, — говорю рассеянно. Я протираю глаза. — Тридцать один час. — Именно столько времени Портер просидела в контейнере... в ожидании. Умирая. Медленно, шаг за шагом.

Эдди похлопывает меня по плечу.

— Она сильная. И скоро в суде снова будет надирать мне зад.

Работа. Вот на чем мне нужно сосредоточиться, по крайней мере, до тех пор, пока надзирательница-медсестра не разрешит мне увидеть Портер.

— Что еще я могу сделать по этому делу?

Это не вопрос, это утверждение. Скорее мольба. Я умоляю Эдди впустить меня, дать работу. Перемена ролей для нас, которая на мгновение лишает его дара речи.

— Йен. Ты все сделал. Ты что, не понимаешь? Из-за тебя Шейвер навсегда останется за решеткой.

— Это все еще зависит от присяжных.

Он рычит.

— На этот раз позволь мне позаботиться об этом. Миа прикрывает тебя.

— Как защита относится к появлению всех этих новых улик?

— Смигел требует отдельного судебного разбирательства. — Он поднял руку, чтобы остановить меня. — Но даже если судья О'Хара встанет на сторону защиты, мы победили. Будь то этот суд или следующий. Он идет на дно.

Следующего суда быть не может. Потому что на следующем процессе Портер выступит в качестве свидетеля. В качестве жертвы.

— Тогда я нужен тебе, — говорю я. — Я заслуживающий доверия эксперт. Более того, я непосредственно связан с Шейвером. И поскольку я не работаю в юридической команде, мои встречи с Шейвером не связаны конфиденциальностью.

Но более того, мне нужно посмотреть этому ублюдку-садисту в глаза и сказать ему, что он проиграл.

— Посмотрим. Проведи весь завтрашний день с Портер. Ей нужен хороший доктор рядом. — Он тепло улыбается. — У нас достаточно времени, чтобы понять, что нам нужно двигаться в этом направлении.

Я киваю, не в силах или не желая обсуждать это дело. Эдди чертовски хороший помощник окружного прокурора. Я хочу получить свой момент, я хочу полностью опустить Шейвера... но я также хочу защитить Портер. На этот раз с самого начала.

Сестра Уорден выглядывает из-за шторки.

— Доктор Уэст, она очнулась и просит вас.

Восторг поднимает меня с кресла. Каждая усталая косточка забыта.

Медсестра отодвигает тонкую перегородку, и сигнал кардиомонитора приветствует меня внутри занавешенного кокона. Мое сердце болезненно скачет в груди, ускоряя свой бег, желая, чтобы ее сердце билось сильнее. Ее стройное тело обвито гнездом из трубок и проводов. Она выглядит хрупкой.

Но ее глаза... когда ее золотистые радужки находят меня, всякое напряжение, связывающее мои мышцы, исчезает. Шейвер не имеет значения. Дело, моя компания, все это... исчезло.

Эта женщина — моя жизнь. Она — все, что мне нужно.

Я хватаю ее за руку, останавливая себя, чтобы не сжать слишком сильно. Медсестра говорит где-то из вне.

— Десять минут, доктор Уэст. Затем моему пациенту нужен отдых.

Я киваю, мое горло слишком сдавлено.

Портер большим пальцем потирает мою ладонь, это легкое движение — каждый лучик надежды. Я убрал ее волосы со лба. Потемневшая кожа под глазами снова начинает окрашиваться.

— Прости, — слышу я собственный голос.

Она пытается покачать головой, но все еще слаба. Ее голос еще слабее, хриплый и дрожит.

— Ты спас меня.

На мгновение закрываю глаза.

— Ты что-нибудь помнишь?

Ее горло пульсирует, когда глотает. Тянусь к стакану на подносе, и она сжимает мою руку.

— Я в порядке, — говорит она. — Нет. Не совсем. Просто вспышки как я приходила в себя и снова засыпала. Когда очнулась здесь, не была уверена, сколько меня не было, день или год.

Ее слова пронзают меня насквозь. В жизни нет репетиций для таких моментов, как этот. Безусловно, фильмы снабжают нас старыми, избитыми фразами. И они работают, когда мы в растерянности, если мы слишком устали, чтобы попробовать; если ты тот парень. Но я не могу им быть, потому что Портер заслуживает лучшего — она заслуживает честности.

— Я был самонадеян, — признаюсь. Прижимаю свою ладонь поверх ее, обхватив ее тонкие пальцы. Они такие холодные. — Во время той первой встречи я набросился на Шейвера, как самодовольный выскочка. Я практически бросил ему вызов, подзадорил его...

Она моргает и смотрит на меня.

— Ты действительно в это веришь? Потому что если это так, то ты еще более высокомерен, чем думаешь. Квентин Шейвер был моим клиентом. Он организовал все это, и ему не нужна была твоя помощь или твой вызов... — Она прерывается, запыхавшись.

Поправляю подушку под ее головой, пытаюсь хоть как-то быть полезным.

— Ты совершенно права. И все же я должен был догадаться. С его патологией я знал, что он опасен. Я должен был...

— Что? Настоять, чтобы я ушла с дела? — Она понимающе хмурится.

Я отвечаю ей насмешливым взглядом. Туше.

Она кашляет и пытается сесть, но я кладу руку ей на плечо. Вздохнув, она говорит:

— Дело не в тебе. Я была его адвокатом, и дело было даже не во мне. Дело было в нем самом. Он сделал все это для себя. И мы можем сыпать обвинениями и чувством вины до посинения, или мы можем просто двигаться вперед. — Она переплетает свои пальцы с моими. — Ты спас меня, Уэст.

Я целую ее в лоб.

— Внутри этого ада все, что я могла сделать, это попытаться пошевелиться и, — говорит она, подбирая слова, — и говорить с Мел. Когда я была в относительном сознании. Может, это из-за наркотиков, но клянусь, она меня слышала. И я клянусь... она сказала мне,

что ты спасешь меня.

Из уголка ее глаза скатывается слеза. Я вытираю ей щеку.

— Я верю тебе. — Я действительно верю ей, потому что без Мел, я бы нашел Портер слишком поздно или не нашел вовсе.

Есть наука, и есть вера.

Эти двое не существуют в одной плоскости. Всего неделю назад, если бы вы попытались скормить мне какую-то неубедительную фразу о доверии к высшим силам, я бы не взялся за ваше дело. Я за науку, за доказательства.

Ощущаю, как Мел закатывает глаза за моей спиной, даже от одной мысли.

Я не знаю, что случилось сегодня, но мне это и не нужно. И не должен доказывать. Портер и я верим, что мы здесь из-за любви к Мел. Этого достаточно. Это связь, которая никогда не разорвется, что бы ни случилось между нами.

Она утыкается лицом в мою руку, ища утешения. Но затем, так же внезапно, ее лицо бледнеет.

— У меня есть карта, — шепчет она.

Сердце беспорядочно колотится, и я наклоняюсь ближе.

— Что ты имеешь в виду?

— О Боже. Я не знала, сплю я, мертва или что... но когда могла открыть глаза, я теперь вспоминаю. Он был в маске, и у него была карта. — Она зажмуривается. Ее слова поспешны. — Какая-то дьявольская маска. А карта была... Любовники.

Она вся дрожит. Из-под век выступили слезы. Меня разрывает на части видеть, как она страдает, пытаясь вспомнить эти ужасные моменты.

— Эй. Все хорошо. Со временем все вернется. — Надеюсь, нет.

Ее голова раскачивается по подушке.

— Я не змея, — говорит она. — Я не змея...

Я сжимаю ее лицо, заставляя остановиться, и смотрю ей в глаза.

— Что бы он ни говорил, это неправда.

Ее губы дрожат.

— Я не все помню. Но я любила Мел, и я не змея.

Мое дыхание становится горячим из-за огненной боли. У Шейвера не будет последнего раунда — он больше не будет мучить ее.

— Ты заботливая, щедрая и самоотверженная. И ты женщина, которую я люблю.

Ее глаза закрыты, и она кивает. Хватается за мои руки.

— Уэст, я так сильно люблю тебя. Скажи мне, что все кончено.

— Все кончено, Портер. — Я глажу ее по щеке. — Тебе не нужно думать об этом, и тебе не нужно бороться, чтобы вспомнить. Он лжец, и он змея. Дай мозгу отдохнуть. Разум блокирует болезненные воспоминания, когда мы очень слабы, чтобы сосредоточиться на исцелении. Ты не должна ничего вспоминать. Просто выздоравливай.

Дрожащая улыбка появляется на ее губах.

— Ты анализируешь меня.

— Да. Но это правда. Никогда больше не думай об этом. — Я нежно целую ее в губы.

Она облегченно вздыхает и расслабляется.

— Никогда не видела тебя таким серьезным. Прекрати.

Я смеюсь.

— Ты хочешь вернуть этого высокомерного придурка? Это поможет тебе почувствовать

себя лучше?

— Да. По крайней мере, я знаю, что делать с этим парнем. — Она пытается подмигнуть. Если бы не боль, которую она испытывает, это было бы восхитительно неловко.

— У меня есть много дел, которые ты сделаешь со мной позже. — Снова целую ее.

Я наблюдаю, как она засыпает. Портер сильная. Выносливая. Она будет балансировать между хорошими и плохими днями во время исцеления, физически и ментально, но ее способность общаться и шутить отмечает положительную отправную точку.

И все же что-то меня беспокоит. Подхожу к контейнерам с ее одеждой. Быстро осматриваю в поисках карты Таро. Это могло быть наводящее на размышления воспоминание, когда ее разум смешивал факты дела и ее похищение. Или это могло быть даже галлюцинация, вызванная наркотиками. Или психосоматический результат тревоги.

Ее карманы пусты. В мусорной корзине ничего.

Адреналин официально отпустил, я чуть не рухнул в обморок. Я хватаюсь за стену и осторожно опускаюсь на пол. Медсестра приходит проверить, и, должно быть, она думает, что я самая несчастная душа, которая когда-либо удостаивала ее скорой помощи, потому что она просто хмурится и оставляет меня в беспорядке на полу.

Шейвер дал мне карту, потому что, как он выразился, у меня была цель. Я был игроком в его запутанной схеме. Возможно, он заблуждается настолько, что верит, будто карты дают ему более глубокую цель, чем его стремление убивать, но факт остается фактом: Портер была для него всего лишь шахматной фигурой, пешкой, передвигающей меня по доске.

Она не вписывается в профиль жертвы. Если бы Шейвер дал ей карту Таро, она была бы при ней. Шейвер нуждается в таком психологическом контроле над своими жертвами.

На нем была маска дьявола.

Смерть — его любимая карта.

Все сводится к безрассудной страсти Шейвера к аркану. Вот и все.

Я прислоняюсь затылком к стене, прислушиваясь к ровному дыханию Портер. Когда мой выбор ясен, я укрепляю свою решимость и нахожу Эдди.

Глава 18

Полный круг

Доктор Йен Уэст

Я поднимаю правую руку, положив левую на Библию, и секретарь суда читает клятву.

Мой взгляд прикован к Шейверу, сидящему за столом обвиняемого, и слова обращены лично к нему. Его темные глаза светятся улыбкой, которая не соответствует его суровому выражению, но я ощущаю его веселье. Потому что для него это все игра. Еще один ход на доске.

Только это не ход с моей стороны. Это шах и мат.

Я стою за свидетельской трибуной и зачитываю свои полномочия. Затем подходит Эдди. Мы репетировали это вкратце всего пару часов назад. Но, простите за каламбур, в моем рукаве действительно припрятан козырь, о котором он не знает.

— Доброе утро, доктор Уэст. Во время вашей оценки обвиняемого, смогли ли вы определить, является ли Квентин Шейвер рациональным и здравомыслящим человеком?

Я смотрю на присяжных и отвечаю.

— Да. И он вменяем.

Эдди кивает.

— Вы смогли это определить во время часовой беседы?

— Да. Наряду с оценкой состояния я заказал МРТ и томографию, чтобы определить, не было ли какой-либо серьезной травмы головного мозга, которая потребовала бы дальнейшего изучения поведения мистера Шейвера. — Я встречаюсь взглядом с присяжным номер семь. Наш учитель истории и предполагаемый председатель присяжных. — Результаты мистера Шейвера блестящие. Таким образом, я прихожу к выводу, что мистер Шейвер полностью осознавал и контролировал свои действия, когда убивал Девин Тиллман. Что он спланировал и выполнил, по моему профессиональному мнению, скрупулезно.

— Благодарю вас, доктор Уэст. Каков ваш официальный диагноз обвиняемому?

— У Квентина Шейвера явные признаки психопатических склонностей и антисоциального расстройства личности. Вкратце, он не испытывает ни угрызений совести, ни сочувствия к своим жертвам. Шейвер преследовал мисс Тиллман, а затем манипулировал ею. Когда его желание сделать ее частью своей фантазии о Таро больше не могло сдерживаться, он связал ее, пытал и убил. Затем он инсценировал сцену убийства так, чтобы та напоминала карту Таро "Восьмерка мечей".

Эдди щелкает пультом в руке, и на большом экране появляется изображение, которое Миа соединила вместе. На одной стороне оборот карты Таро «Восьмерка Мечей», на другой — фотография с места убийства Тиллман.

Взрыв потрясенного недоверия прокатывается по залу суда. Я отфильтровываю шепот и вздохи. Я здесь не для того, чтобы произвести впечатление на суд; я намерен наблюдать за присяжными, регистрируя каждое реактивное выражение, когда они смотрят на экран.

Они это видят. Они не могут отрицать очевидное, это прямо у них перед носом. Ему просто нужно дать имя.

— Это модус операнди Шейвера, — говорю я, стараясь перекрыть едва уловимый шум. — Комбинация мотива и метода Шейвера.

Вот оно, ребята. Мотив.

Пресловутый гвоздь в крышке гроба.

Смигел как по команде вскакивает со своего места.

— Ваша честь, протестую. Крайняя предвзятость спекуляции. Доктор Уэст не является сотрудником правоохранительных органов и, следовательно, не имеет полномочий или навыков для проведения такой оценки.

Вмешивается Эдди.

— Доктор Уэст работал в области судебной психологии, Ваша честь.

— Отклонено, — говорит судья О'Хара. — Поскольку доктор Уэст действительно тесно сотрудничает с представителями властей и имеет предыдущий опыт, я хотел бы услышать больше об этой теории. — Густые седые брови подняты, судья О'Хара жестом просит меня продолжать.

— Это чистое предположение, — признаюсь я, затем смотрю прямо в глаза присяжному номер три. Мать наркомана. — Однако, как мы можем игнорировать что-то слишком очевидное? — Она хмурится, но понимает. Чувство вины — это мощный инструмент.

Смигел едва успевает высказать свое возражение, как судья уже бьет молотком.

— Присяжным предписано не обращать внимания на показания доктора Уэста. — Его взгляд устремлен на меня. — Я снисходителен к вам, доктор Уэст, но, если вы испытаете мое терпение, я снова удалю вас из зала суда. Понятно?

Ах. Значит у него действительно отличная память.

— Да, сэр, судья О'Хара.

— Хорошо. Мистер Вагнер, пожалуйста, продолжайте. — Он демонстративно указывает на него пальцем. — И я предупреждаю, внимательно.

— Да, Ваша Честь. Спасибо. — Эдди потирает подбородок. Его сигнал, что он собирается перейти к самому уязвимому месту. Я справлюсь. — Доктор Уэст, у вас действительно есть какие-нибудь полномочия правоохранительных органов или образование?

— Нет. Ничего.

Он кивает.

— Значит, ваша оценка мистера Шейвера основана исключительно на том часе, который вы провели с ним, верно?

Я пододвигаюсь вперед, чтобы каждый член присяжных мог видеть меня отчетливо.

— Нет. Официально у меня было три встречи с мистером Шейвером. Мои наблюдения пошли еще дальше, когда он похитил мою девушку, бывшего адвоката мистера Шейвера, Портер Ловелл, и пытал ее в течение тридцати одного часа в грузовом контейнере, чтобы заставить меня дать ложные показания.

— Протестую, Ваша Честь! — Смигел вскакивает на ноги. Он размахивает руками подбирая правильные слова. — Возражаю против... всего этого. Это просто смешно. Слух. Факты, а не доказательства. Спекуляции...

Судья О'Хара жестом указывает адвокату защиты остановиться.

— Я понял, мистер Смигел. Я хочу, чтобы все адвокаты сейчас же подошли ко мне.

Я поворачиваюсь лицом к судье, когда Эдди и Смигел подходят к нему.

Смигел начинает.

— Это преднамеренная попытка окружного прокурора извратить присяжных, Ваша

честь. Теории доктора Уэста являются частью текущего, продолжающегося расследования, и есть ходатайство, которое запрещает упоминать о какой-либо части расследования или ситуации мисс Ловелл во время этого судебного разбирательства.

Судья О'Хара хмурится и переводит взгляд на Эдди.

— Это правда, мистер Вагнер?

— Да, Ваша честь, и прокуратура удовлетворяет это ходатайство. Однако доктор Уэст не ссылается на слухи о расследовании. Это его прямой, непосредственный опыт общения с обвиняемым, и его следует признать допустимым.

Судья пытается скрыть свое отвращение, когда поворачивается ко мне.

— С мисс Ловелл все в порядке?

Это сдавливает мое сердце. Независимо от правил, она одна из них — одна из нас. Она напоминает судье, что иногда система подводит нас.

— Она поправляется, Ваша честь. И, если позволите, я даю показания из первых рук, чтобы мисс Ловелл была избавлена от дачи показаний в ее состоянии.

Смигел фыркает.

— Видите, Ваша честь? Это недопустимо. Это свидетельство явно относится к отдельному делу...

— Довольно, адвокат. — Судья некоторое время обдумывает свое решение. — Хорошо. Я позволю доктору Уэсту рассказать о своем опыте только в отношении обвиняемого. — Он наклоняет голову в мою сторону. — Не переступайте эту черту, доктор Уэст, иначе я обвиню вас в неуважении к суду.

— Принято к сведению, Ваша честь.

Недовольный Смигел возвращается на свое место за столом защиты. Я поправляю галстук, прикидывая, во сколько это обойдется мне в виде штрафа. Возможно, придется организовать фонд "Освободите Йена из тюрьмы".

Эдди подходит к свидетельской трибуне и опирается на нее руками.

— Доктор Уэст, во время ваших встреч с мистером Шейвером, он угрожал вам или мисс Ловелл?

— Да, — отвечаю я. — В частности, после того, как я обнаружил, что мисс Ловелл исчезла из своей квартиры, во время моей второй встречи с мистером Шейвером, — и я перефразирую, — он спросил меня, как я вижу свой кубок, — я смотрю на Шейвера, затем на присяжных, — вижу его наполовину полным или пустым, поскольку мой ответ определит, будет ли жить мисс Ловелл или нет.

Ужаса на лицах присяжных достаточно. Это выражение, которое я хочу; эта эмоция гарантирует, что Шейвер не уйдет свободным человеком.

Эдди кивает мне.

— Благодарю вас, доктор Уэст. Вопросов больше нет.

Судья О'Хара не может удержаться и качает головой, давая Смигелу указания относительно перекрестного допроса.

Я расправляю плечи, набираюсь смелости, когда адвокат наводит на меня прицел и подходит. О, тролль хочет опустить меня. Это будет весело.

— Доктор Уэст, разве не правда, что психологи обязаны держать свои сеансы с пациентами в секрете? — спрашивает Смигел.

Итак, он собирается использовать этическую карту, чтобы попытаться дискредитировать меня.

— Правда, — отвечаю я, — за исключением случаев, когда суд санкционировал оценку и угрозы причинения вреда психологу.

Смигел хмурит брови в тяжелом раздумье.

— Во время вашей недавней встречи с мистером Шейвером вы напали на него?

Наступает ожидаемая пауза, когда судья и весь зал суда готовятся к возражению со стороны прокурора. Но возражений нет. Это хорошая реалити-шоу драма прямо здесь. Кто хочет прервать ее?

Отвечаю в микрофон.

— Да. Совершенно верно. — Я поднимаю руку и сжимаю ее в кулак. — Я впечатал этот кулак прямо ему в лицо, когда он отказался сообщить мне, где находится Портер Ловелл, которую удерживают против ее воли.

Этично? Нет. Но присяжным плевать на этику. Они люди. Они живые. Они сочувствуют и отождествляют себя со мной. Что, если это был их любимый человек? Что бы они сделали? Одиннадцать из двенадцати захотят сделать то же самое, что и я, или даже хуже.

И дело не во мне, Эдди, Смигеле или судьбе. Все дело в присяжных.

Смигел знает это и, взглянув на присяжных, решает сменить тактику.

— Доктор Уэст, вы утверждали, что обвиняемый действовал по какому-то принуждению, связанному с его патологией.

Поднимаю бровь.

— Да, верно.

Он медленно кивает и продолжает.

— Теоретически, если это предположение верно, разве мисс Ловелл не была бы частью этой предполагаемой фантазии Таро?

Вижу, куда он клонит, и хочет, чтобы я остуился.

— В теории, но она не была частью. Позвольте объяснить...

— Понимаю. Итак, теоретически, по вашим словам, у нас есть патологический и дотошный убийца, который придерживается определенного метода, и вы говорите, что он сломал свой собственный МО? — Он смотрит на присяжных, вызывая сомнение. — По вашему опыту, как часто ритуальные преступники отклоняются от своего МО?

Сукин сын.

— Редко, но в данном случае...

— Спасибо. Так вот, мисс Ловелл — прекрасный адвокат. Однако, насколько вам известно, она выигрывала каждое дело, которое представляла?

— Я так не думаю.

— Значит, вполне возможно, что у мисс Ловелл есть недовольные клиенты. Кто-то, кто, возможно, был осужден за преступления с большими штрафами или отбыл тюремный срок из-за ее неудач?

— Вполне возможно.

Он идет за призрачным подозреваемым. Как правило, адвокат защиты пытается указать пальцем на другого возможного подозреваемого, чтобы вызвать обоснованные сомнения в обвиняемом. Если возможно, что кто-то другой организовал преступление, то возможно, что подсудимый невиновен. Поэтому сомневайтесь.

— И, насколько вам известно, где находился мистер Шейвер во время похищения мисс Ловелл?

— В камере суда.

Он кивает, довольный собой. Я бросаю взгляд на присяжных, чтобы получить быструю оценку. Им не нравится его самодовольство. Тем не менее, они открыты для рассмотрения фактов. Умные присяжные.

Смигел не сдается.

— Ранее вы утверждали, что у вас романтические отношения с мисс Ловелл. Это правда?

— Да.

Смигел начинает расхаживать перед свидетельской трибуной, продолжая свой адвокатский отрыв.

— По вашему опыту, романтические чувства вызывают конфликт интересов на рабочем месте? Скажите, ваши чувства к мисс Ловелл могут исказить вашу оценку обвиняемого или подстрекать вас указывать пальцем на обвиняемого без каких-либо веских доказательств?

Эдди вытягивается по стойке смирно.

— Протестую. Домысел и наводящий вопрос, Ваша честь.

— Поддерживаю. Позвольте свидетелю ответить на один вопрос, мистер Смигел.

— Прошу прощения, Ваша честь. — Он взмахивает рукой в воздухе, призывая меня ответить. — Могут ли романтические чувства затмить здравый смысл, доктор Уэст?

— Безусловно, — отвечаю я. — Позвольте мне ответить и на остальные вопросы. Когда речь заходит о Портер Ловелл, я становлюсь настоящим мужчиной. Признаю это. Я, очевидно, был влюблен в нее последние три года и слишком упрям, чтобы это заметить.

Женщина из присяжных глубоко вздыхает. Все могут посочувствовать тому, что я влюбленный болван.

— Но это не изменяет факта того, что я видел и знаю, — добавляю я. — Квентин Шейвер попросил о встрече со мной во время предыдущего судебного разбирательства, где он утверждал, что меня ждут неопределенные угрозы, если я, как экспертный свидетель, не объявлю его временно безумным. Затем он осуществил эти угрозы, когда Портер была похищена. Он подтвердил, что это он сделал с помощью доверенного лица, когда я столкнулся с ним.

Смигел внимательно наблюдает за мной.

— По вашим словам, все так. Психолог, который ради женщины, которую он любит, занимает позицию и нарушает этическую клятву, чтобы раскрыть сеанс пациента.

О, Смигел. Мы уже закрыли этот вопрос. Он думает, что, повторяя свою точку зрения, повторяя ложь, присяжные, которым становится очень скучно, будут колебаться.

Время для волшебного фокуса, чтобы разбудить их.

— На самом деле, по словам самого Шейвера. — Я лезу в карман пиджака и достаю оттуда упакованную в пакет карту Таро. Та-дам. Я поднимаю ее и переворачиваю, показывая записку, которую Шейвер засунул мне в карман во время нашей с ним драки. Я вкратце все объясняю.

Смигел практически переваливается через трибуну, чтобы попытаться вырвать пакет с уликой. Но я быстрее, и передаю его судьбе.

— Ваша Честь, я уверен, что помощник окружного прокурора хотел бы, чтобы это было признано доказательством. Я получил это послание от обвиняемого после моей третьей встречи с ним.

Смигел возражает, но судья О'Хара, после осмотра карты и записки, признает их уликами с оговоркой, что они должны быть оценены обеими противоборствующими

сторонами.

Затем судья вмешивается в допрос.

— Что это за карта, доктор Уэст?

— Карта Таро «Пять Кубков», Ваша честь. — Я рассказываю судье О'Харе и присяжным о том, где она была обнаружена, и о признании Шейвера в том, что он передал мне карту через доверенное лицо. — До того, как мистер Смигел повел допрос в слишком быстром темпе, я собирался заявить, что нет, жертвой Шейвера была не мисс Ловелл. На самом деле, я был его предполагаемой жертвой.

Я встречаюсь взглядом с Шейвером. Его губы растягиваются в кривой улыбке. Его высокомерие не пошатнулось.

— Это мое, — произносит он одними губами. Я могу только предположить, что он говорит о карте. Он утверждает, что всегда возвращает карту в колоду.

— Не в этот раз, — отвечаю я.

Независимо от того, где я сижу, победив его по его собственным правилам, Шейвер все еще пытается запугать меня. Как будто фортуна, которой наделена эта карта, имеет какую-то власть надо мной. Но я с этим справился, не так ли? Я пошел по тропинке, пересек чертов мост, взобрался на гребаную башню. Я выиграл, придурок.

Судья помещает карту и послание к уликам, а затем приказывает Смигелу завершить допрос.

— У меня больше нет вопросов, Ваша честь.

С этими словами судья О'Хара объявляет перерыв, и я покидаю свидетельскую трибуну.

Проходя мимо присяжных, я делаю краткое заключение. Несмотря на мои проклятые показания, наш старшина Смит все еще не сдастся. Но я знаю, это потому, что он ждет науки. Он же учитель. Факты важны.

Как раз перед тем, как присяжные расходятся, учитель истории ловит мой взгляд и слегка кивает. Подтверждение моего выступления.

Неужели это изменит его мнение? Уже не в первый раз за сегодняшний день я жалею, что не слышу Мию. Мне нужна ее пронизательность. Сжав губы в жесткую линию, я пытаюсь найти нить, которая так быстро изменила его мнение. Даже сейчас, его трудно читать.

В любом случае, как только наука восторжествует, мы получим поддержку всех двенадцати присяжных.

Все началось здесь. Здесь все и закончится.

Игра окончена.

Доктор Йен Уэст

Резюме.

Давайте кратко подведем итоги, потому что у меня планы.

Ладно, давайте посмотрим. Суд завершился на этой неделе. Вердикт присяжных был вынесен в среду, ссылаясь на единогласное обвинительное заключение в убийстве первой степени тяжести Девин Тиллман.

После экспертного анализа почерка и нескольких дней встречных показаний эксперта, пытающихся опровергнуть анализ, в конце концов, Шейвер преподнес, буквально, собственными руками, изобличающие доказательства, которые приговорили его.

Это ее кровь сплотила линию.

Как только метод Шейвера был установлен, связь между картой Таро и местом преступления проложила путь Эдди к ДНК из мотеля в качестве доказательства. После этого Смигел уже никак не смог заставить сомневаться присяжных. Шейвер был в том номере. Его ДНК нашли на теле Девин Тиллман.

Гвоздь. В. Крышку.

После его осуждения СМИ окрестили Шейвера Аркана Киллером. Броско, не правда ли? Как правило, убийца должен быть признан виновным, по крайней мере, в трех убийствах, прежде чем он получит прозвище, но как только подробности судебного процесса дошли до прессы, связь между Шейвером и его сценами преступления по картам Таро стала вирусной.

Появились другие сцены, другие жертвы. Отдел по особо тяжким преступлениям связал как минимум две другие жертвы убийства с МО Шейвера, и они усиленно собирают улики, чтобы это доказать.

Лайл Фишер дал показания. Он признался, что принес карту на могилу Мел, но ничего не знал о похищении Портер. Он был пешкой. Таким образом, ему был предоставлен иммунитет за свои показания.

Но это не значит, что мы прекратили расследование.

Судья О'Хара приговорил Шейвера к пожизненному заключению без права досрочного освобождения. Он произнес прекрасную заключительную речь, от которой у меня по спине побежали мурашки, назвав Шейвера самым ужасным чудовищем, когда-либо осквернявшим зал суда.

Это было вполне уместно, учитывая, что Хэллоуин уже не за горами.

На самом деле, сегодня канун праздника.

После того, как криминалисты проверили доказательства, я должен был решить, что делать с моей собственностью. Карта и кубки в квартире Портер оказались бесполезными после того, как они были обработаны. Ни отпечатков пальцев, ни ДНК. Поэтому я взял карту и сказал, чтобы они растопили эти чертовы чашки.

Не знаю, почему я сохранил ее. Кроме какого-то болезненного доказательства; напоминания о том, что нельзя снова идти по ложному пути. Или еще какое-нибудь дерьмо. Я не знаю. Шейверу нужна была карта, поэтому я ее утаил. Все очень просто.

Во время перевода в тюрьму строгого режима на Шейвера напал другой заключенный и

нанес ему три удара самодельным ножом. Две поверхностные раны на теле и одна смертельная колотая рана в печени.

Шейвера доставили в больницу, где он скончался во время операции.

Он не отбыл ни одного дня своего срока.

Справедливость или несправедливость?

Только его жертвы могут ответить на этот вопрос наверняка.

Знаю, это своего рода разочаровывающий финал. Но единственная гарантия, которую это дает, заключается в том, что Шейвер больше не представляет угрозы для Портер или кого-либо еще. Он не может манипулировать людьми из-за решетки, как психопат-кукловод. Этот страх утих. Ушел.

Портер отпустили в тот день, когда я давал показания против Шейвера. Когда ее физическое состояние улучшилось, а анализы подтвердили, что она вне опасности, она потребовала выписки, приводя доводы против того, чтобы ее удерживали против ее воли.

Персонал больницы был более чем рад предоставить ей справку о состоянии здоровья и отправить ее в добрый путь.

Портер уведомила фирму, что отказывается от партнерства и уходит работать с хорошими парнями. Она официально приступила к работе сегодня, взяв с собой дело, которое подобрала, находясь в отделении скорой помощи. Я же говорил вам, эта женщина негибаема.

Несмотря на то, что суд завершился, и Шейвер мёртв, команда всё ещё работает над «Аркановым углом», чтобы помочь восстановить остальных жертв. Это жертвы имеют значение, это нужно для успокоения семей.

О, вы надеялись на что-то более захватывающее, например, сюжетный поворот? Да, честно говоря, я тоже. Я все еще перемещаюсь по частям в своей голове, пока команда и отдел по особо тяжким пытаются сузить круг подозреваемых, которые похитили Портер. Фишер — наиболее вероятный подозреваемый, но у него действительно есть алиби, которое проверяется. У Шейвера много подельников, которых нужно изучить, поэтому я верю, что мы найдем этого человека. Мы приближаемся.

Я знаю, что, даже если она не признается в этом вслух, Портер будет чувствовать себя в большей безопасности, когда она полностью исцелится. Бывают моменты, когда я ловлю ее апатичный взгляд, прежде чем она вздрагивает. Как будто она только что вспомнила что-то, или снова оказалась в том контейнере, ее разум был пленен.

Я прилагаю все усилия, как психолог, как человек, который любит ее — чтобы вывести ее из этих трансов безопасно и помочь ей продолжать двигаться вперед.

Вот о чем мои планы. Теперь, когда мы свободны от суда и Шейвер похоронен под шестью футами земли, я забираю Портер из Вашингтона. Короткая поездка в гостиницу, где в течение двух дней мы оставляем позади адвокатуру, и судебную науку, и преступников. Два дня, которые принадлежат только нам.

Я беру со стола портфель и телефон, затем оглядываю офис. Это странное чувство — оставлять его пустым даже на выходные. Я отправил Мию и Чарли домой раньше, требуя, чтобы они взяли отгул, восстановились, прежде чем мы начнем новое дело в понедельник.

— У тебя такой потерянный вид.

Портер прислоняется к своему столу, который мы поставили рядом со столом Мии. Как будто он всегда был там.

— Я не потерял. Я просто... думаю.

Она идет ко мне, ее сексуальные бедра покачиваются в этой чертовой узкой юбке-карандаш. Ее руки обвивают мою шею.

— Что ты собираешься делать с двумя выходными?

Обнимаю ее за талию и протяжно, театрально вдыхаю.

— Ох, я буду работать. — Целую ее запястье. — Буду работать тут. — Целую ее шею. —

И тут...

Она смеется и отстраняется.

— Я не собираюсь начинать это здесь, со всеми этими микрофонами и камерами вокруг. Техника Мии пугает меня. Я домой. Спать. — Она быстро целует меня, прежде чем уйти.

Хватаю ее за руку.

— Подожди. Я провожу тебя домой.

Она скрещивает руки на груди, защита на пределе.

— Я в порядке, Уэст. Ты не должен продолжать быть героем. Я сама могу дойти домой. — И она опять закрылась.

Я хватаю ее за руку и притягиваю к себе, затем обхватываю бедра, которые обожаю, и сажаю ее прямо на свой стол.

— Послушай, — говорю я, беря ее лицо в свои ладони. Я наклоняю ее голову назад, смотрю в ее золотистые глаза. — Я знаю, что ты можешь постоять за себя и не нуждаешься во мне, чтобы спасти или защитить тебя.

Она облизывает губы.

— Хорошо, тогда. Договорились. Отпусти меня.

Она пытается освободиться, но я подхожу вплотную. Держу ее крепче.

— Но я хочу, — говорю я, нежно поглаживая ее скулу. — Сначала ты спасла меня, Портер, и я буду хотеть спасать тебя каждый день, начиная с этого момента. Мне нужно это, так что дай это мне. Я хочу быть твоим героем, каким ты являешься для меня. Пожалуйста, скажи мне, что ты будешь со мной.

Ее глаза мерцают, и когда она изо всех сил пытается сморгнуть влагу, ее дыхание становится неровным.

— Прекрати заставляя меня так сильно тебя любить. Я не знаю, выдержит ли это мое сердце.

Я улыбаюсь.

— Мне знакомо это чувство. — Я целую ее глубоко, боль в сердце ошеломляет, сокрушает. Я никогда не приму это как должное. Я никогда не пропущу тот день, когда скажу ей, как много она для меня значит.

Потеря и горе ломают вас, но они также прокладывают новый путь через боль, если вы позволите ему, тот, где вы цените каждый новый шанс любить снова.

Да, знаю. Я превратился в слюнтяя. Я могу даже быть немного подкаблучником. Но, черт возьми, это кажется правильным. Так же, как моя рука на бедре Портер, когда я поднимаюсь вверх.

— Я ощущаю сексуальное кружево на бедрах?

Ее улыбка, эта хитрая улыбка, которую я люблю, играет на ее губах.

Я застонал.

— Это оно. Давай отвезем тебя домой. Сейчас. — Может, я и бесхребетный мужчина, но я все еще мужчина. Я провожаю Портер до ее квартиры, злорадствуя, что на самом деле

выиграл спор с ней, пока она не затыкает мне рот.

Глава 20

Судьба

Доктор Йен Уэст

Я включаю свет и бросаю ключи на стол, направляясь на кухню. Прежде чем я начну собираться, наливаю две порции бурбона в стакан. Мне это понадобится.

Стакан только достигает моих губ, когда жуткое чувство скользит по шее, заставляя волоски приподниматься. Это не то чувство, которое можно игнорировать. Тысячи лет инстинктов выживания обрушиваются одним ударом.

И тут я вижу его — серебряный кубок на барной стойке.

— Я надеялся, ты выберешь мой кубок. Но, думаю, тяга сильнее разума.

Я резко оборачиваюсь, и бурбон выплескивается мне на руку. В моей гребаной гостиной сидит мужчина.

— Кто вы, черт возьми, такой, и почему вы в моей квартире?

Он встает, затем медленно выходит на свет. Я узнаю его. Эндрю Смит. Учитель истории.

— Вы не должны быть здесь, — заявляю я. — Вы — член коллегии присяжных.

— Дело закрыто, — непринужденно отвечает он.

Я делаю большой глоток алкоголя, прежде чем поставить стакан на стол.

— У вас ровно пять секунд, чтобы рассказать, какого черта вы здесь делаете, а потом я вызываю копов. — Достāju свой телефон и держу его.

— У вас есть кое-что, что принадлежит мне. Время возвращать.

Я искоса смотрю на него, потом перевожу взгляд на серебряный кубок. Пол уходит из-под ног. Воздух покидает комнату, легкие на краткий миг лишаются кислорода, когда понимание обрушивается на меня.

Все эти движущиеся части... они сливаются в один грандиозный эпический финал.

Я двигаюсь влево, и теперь нас разделяет стол. Даю себе секунду подумать.

ДНК в мотеле. С самого начала дела я недоумевал, как это Шейвер допустил такую неосторожную ошибку. Ошибка новичка. Подберите достаточно синонимов, и мы получим новобранца... новичка... ученика.

Смит — учитель истории...

Ответ звенит в моей голове, словно колокол.

Учитель и ученик.

— Так кто ты? — спрашиваю я. — Мастер или ученик?

Улыбка приподнимает один уголок его губ, словно мой вопрос только слегка развеселил его.

— Вы провели свое исследование, но я не ожидал бы чего-то меньшего от великого доктора Уэста.

— Хорошо. Мастер, я полагаю. А теперь скажи, как, черт возьми, ты проник в моих присяжных?

— Ваших присяжных? — Усмехается он. — Самое большое заблуждение в том, что мы верим, что имеем над всем контроль.

Я. Я тот, кто ввел его в число присяжных. Я не видел того, что было прямо передо мной.

Он манипулировал на предварительном опросе присяжных, но я тот, кто должен был видеть насквозь. Я этого не сделал, и он проскользнул мимо нас, а все потому, что я хотел старшину, которого я мог легко прочитать.

Он обставил меня.

И я ему позволил.

В связи с этим возникает вопрос.

— Если Шейвер — твой ученик или... лакей? — Я с издевкой мотаю головой. Какая у него кнопка? — Тогда почему ты не убедил присяжных признать Шейвера невиновным? Я имею в виду, что именно поэтому ты был там. Чтобы убедиться, что судебный процесс прошел по-вашему, а не по-моему, верно?

Кукловод, которому нужно контролировать всех и вся. Я должен был видеть его насквозь — я должен был видеть, что ему чего-то не хватает.

Смит был среднего роста. Короткие каштановые волосы. Обычный и непритязательный. Этот человек может затеряться в толпе. Упущенным. Теперь это так очевидно, но разве не всегда так и происходит? Когда ответ дают позже? Когда мы так чертовски опоздали?

Оглядываясь назад, я был занят Портер. Влюбляясь в нее... спасая ее.

Этот человек нашел мою слабость в первый же день.

Он взмахивает рукой над столом, приглашая присесть. Дерзкий.

— Спасибо. Я постою.

Он пожимает плечами и выдвигает стул, чтобы сесть. Он складывает руки на столе, устраиваясь поудобнее. Я несколько не беспокоюсь о том, что буду делать.

— Шейвер должен был быть ответом. Я начал... уставать. Казалось, что найти ученика — это решение проблемы.

— Это сказали твои карты? — Я пытаюсь проанализировать, насколько бредит этот человек и, следовательно, насколько опасен. Дверь в нескольких футах, но я не могу уйти. Мы оба это знаем. У него есть ответы. Но более того, я не могу оставить еще одну угрозу Портер.

— Да, — отвечает он. — Карты указали мне на Шейвера. Но настоящая причина, по которой я выбрал его, открылась только после того, как он попался на своей небрежной работе. Карты никогда не ошибаются. Но иногда они могут быть загадочными. Однако у меня огромное терпение.

Сыграй на его заблуждении. Пусть он дальше говорит спокойно. Я пытаюсь оценить его и ситуацию... но мой разум перегружен. Единственное, главное, что я хочу сделать, — это обхватить руками его шею и положить конец шансу, что он когда-нибудь приблизится к моей любимой женщине.

— Это был ты. Ты похитил Портер, — говорю я, когда до меня доходит. — Ты извращенный ублюдок. Ты наблюдал за нами, затем ждал, как трус, когда я уйду. Затем похитил ее.

Он цыкает.

— Вы забегаете вперед, доктор Уэст. Мы к этому еще вернемся. Мне нужно, чтобы вы сначала поняли кое-что жизненно важное.

Мои плечи напрягаются.

— Что... Смит? Думаю, это не твое настоящее имя?

— Для вас настоящее. Но это не важно. Что вам нужно понять, так это то, что Шейвер не был ответом. Вы были. Человек в плаще. — Удар. — Шейвер привел меня к вам, и я

простил ему его утомительные промахи. До тех пор, пока он не перестал быть полезным.

Шейвер смог бы подать апелляцию и попытаться заключить сделку, если были бы доказательства того, что к убийствам причастен другой убийца. Этот человек — Смит — позаботился о том, чтобы этого не случилось.

Внезапно мне показалось, что карта, которую я ношу в кармане, может прожечь дыру в моей коже.

Смит изучает меня, склонив голову набок.

— Полагаю, моя карта у вас?

Я молчу.

Он понимающе улыбается.

— Конечно, она у вас. Это ваш трофей, доктор Уэст. Убийцы хранят их, чтобы вернуть драгоценные воспоминания о своих жертвах.

— Я не убийца, ты, чокнутый ублюдок. И сейчас, поскольку тут ничего не происходит, я сделаю звонок.

— Нет, не сделаете. Потому что у меня есть кое-что еще более ценное для вас. — Он запускает руку в карман, и я напрягаюсь... жду... пока не замечаю уголок белого конверта. — Человек, которого вы ищите, который похитил Портер, Грегори Миллер.

В растерянности хмурю брови. Я не люблю заранее не знать ответов. Я пытаюсь проработать их, прежде чем отвечать, но Смит первый предлагает ответ. Он управляет этим шоу. На сегодня.

— Грегори работает медбратом в центральной больнице. Он даже мог проходить мимо вас в коридоре, пока вы ждали результаты анализов Портер. Как тесен мир.

— Почему ты доносишь на своего сообщника?

Улыбка озаряет его темные глаза.

— Грегори под моей охраной. Вы его не найдете. Не без этого... — он размахивает конвертом.

— Чего ты хочешь от меня? Кроме твоей чертовой карты Таро.

Его лицо мрачнеет.

— Я хочу своего спасения, доктор Уэст.

Шейвер говорил то же самое во время его оценки.

— Что это значит?

Он только улыбается. Затем:

— Три года назад Грегори был интерном, — продолжает он, как будто у нас есть все время в мире. — Вы знаете, сколько часов в неделю спят интерны? Примерно двадцать. Они не спят часами, выпивая кофе, чтобы не заснуть во время первого года учебы. — Он качает головой. — Это иронично, не так ли? Они учатся спасать жизни, и, тем не менее, их самоотверженное стремление делает их опасными для тех, кого они считают спасением. Ну, в любом случае, это делает их опасными на дороге.

Ноги слабеют. Дрожа, я опускаю руки на стол. Нет. Он лжет.

— Вы умный человек, доктор Уэст. Уверен, вы соединили части вместе.

Мои костяшки пальцев болят, когда я пытаюсь успокоиться, стиснув зубы.

— Ты лжешь.

Черты лица замаскированы, он напоминает стальной провод.

— Я? Когда Мелани сбили и уехали с места, был свидетель. Полицейский рапорт скрывает эту информацию, чтобы защитить личность. Найти свидетеля оказалось несложно.

Все, что вам нужно, это человек, который может предоставить полный отчет. Теперь же, заставить этого свидетеля признаться в том, что он действительно видел, было немного сложнее. В то время они не хотели вмешиваться, поэтому ложь пришла сама собой. Но не боль. Боль разбивает самые упрямые желания. — Его взгляд фокусируется на мне, изучая. — Разве вы не согласны?

Он пытал свидетеля, чтобы установить личность водителя. Я погружаюсь в ужас, но есть темная, неглубокая часть меня, которая завидует, которая презирает себя за то, что не смогла сделать это сама.

— Боль может свести человека с ума, — отвечаю я. — Вижу для вас она творила чудеса.

Он пожимает плечами.

— Вы можете попробовать реверсивную психологию, но она не даст вам желаемого. Я уже предлагаю вам ответы. — Он откидывается на спинку стула, и поднимает голову выше. — То, что Шейвер рассказал о цыганке — правда. Это была моя история, которую он скормил вам, вместе с каждой дразнящей деталью и подсказкой. Вы были слишком ослеплены собственной болью, чтобы увидеть это тогда. Но теперь вы можете.

Я вставляю на место еще один кусочек головоломки.

— Значит, вы шантажировали этого парня Грегори, чтобы он запер Портер в контейнере. Чтобы накачать ее наркотиками и пытаться ее...

— Это правда. Мы все прячемся в пещеры, когда сталкиваемся с демонами прошлого. Грегори преследовал его собственный, мучил страх, что все узнают о его грехе. Поэтому он был готов скорее лишиться жизни вторую женщину, чем покаяться за первую.

Ярость застилает мне глаза.

Смит достает колоду Таро и неторопливо тасует ее. Затем переворачивает карту.

— Любовники.

Карта Портер.

— Она все еще у вас. — Смесь страха и облегчения в моем голосе. — Ты не дал ей карту.

— Портер не преследовали ее демоны. Она несла ваших. Кажется, вместе вы освобождаете друг друга. — Он кладет карту обратно в колоду. — Очень вдохновляюще.

Она в безопасности. Больше ничего не слышу.

— Я не монстр, что бы вы там ни думали, — говорит он. — Если вы копнете глубже в моих жертвах, то увидите то, что вижу я, что видят карты — всю боль и мучения. Жизни, преследуемые непростительными поступками их прошлого. Карты указывают им путь, выбор, но они сами должны принять свою судьбу.

Голова идет кругом. Я хватаюсь за край стола, пытаюсь удержаться на ногах.

— А какова, по-твоему мнению моя судьба?

Его взгляд буравит меня насквозь.

— Вы зашли так далеко... вы так близко.

— Отвечай!

— Кровь Портер не должна была пролиться, доктор Уэст. Ваша чаша всегда останется наполовину пустой, как бы сильно вы ни любили Портер. Неважно, как сильно вы стремитесь двигаться дальше. Вас преследуют призраки, потому что убийца Мелани так и не предстал перед судом.

Я качаю головой.

— Да. Теперь твои демоны кричат внутри тебя. Вот почему ты наказываешь грешников.

Пытаясь заглушить их голоса. Но есть только один способ успокоить их.

— Нет.

Он с издевкой поднимает конверт.

— Примите свою судьбу, доктор Уэст, и станьте моим учеником. Станьте моим спасением.

Я смеюсь. Звук задушенной насмешки покидает мое сжатое горло.

— Я не твоя марионетка. — Вздергивают подбородок, изображая браваду. — Твои карты лгали тебе.

— О. Они никогда не лгут. — Он встает, а я поднимаю стол и с грохотом ставлю его на пол.

— Отдай мне конверт, — требую я. Я хватаюсь за край стола, представляя, как вонзаю его ему в горло.

Конверт скользит между его пальцев.

— Конечно. Это мой подарок вам. Доктор Уэст, вы единственный кто подобрался настолько близко. Вы заглянули в глаза монстру и смотрели в лицо своему страху, заглянули в себя.

Я напряженно выдыхаю.

— Ты психопат, который проведет остаток своей жизни взаперти в белой комнате с мягкой обивкой. А теперь скажи его чертово местонахождение.

Он встает, но все, что я вижу, это конверт в его руке.

— А что вы будете с ним делать?

Мое нутро сжимается, так как слишком много перспектив нападают на меня сразу.

— Ну, вот опять. Человек, у которого есть выбор. Передать Грегори властям и поставить на кон систему правосудия, что он будет наказан. Или взять правосудие в свои руки, чтобы самому вершить это наказание.

— Нет. — Я мотаю головой, пытаюсь избавиться от этой мысли. Но это затягивает.

— Вы могли бы наказать водителя, который лишил жизни вашу драгоценную Мелани, как вы и хотели сделать. Пожинать плоды мести эгоистичному человеку, который никогда не был наказан за жизнь, которую он украл.

Мое сердце бешено колотится. Я крепко зажмуриваюсь, дыша сквозь натиск дикой боли и гнева.

— Что вы выберете? — спрашивает Смит, и в его голосе слышится возбуждение. — Любопытно узнать, доктор Уэст. Вы произвели на меня большое впечатление. Я настолько впечатлен, что чувствую, что мы похожи.

— Мы совсем не похожи. Клянусь.

Его брови приподнимаются.

— То, что вы решили не видеть, не то же самое, что отрицание. Ты больше не слепой. — Он делает шаг к двери.

Ярость вспыхивает во мне, и я, наконец,двигаюсь, заставляя себя подойти к Смицу.

— Ты никуда не пойдешь.

— Нет, пойду. Вы позволите мне уйти. — Он протягивает руку, и конверт с информацией о местонахождении Грегори становится барьером между нами. — Перед вами простой выбор. Обычная сделка.

— Блять. — Хватаюсь за волосы, отворачиваюсь к бару, и, в конце концов, моя слабость побеждает.

Я достаю из кармана пиджака карту Пятерку кубков и швыряю ее на стол. Щелчком пальцев запускаю ее в полет по столу. Он берет ее и некоторое время анализирует, прежде чем вынуть колоду из кармана и положить сверху карту.

— До следующего раза, доктор Уэст. — Он кладет конверт на стол и уходит.

Я позволил настоящему Аркана киллеру выйти из моей двери.

Я сажусь за стол, на тот же стул, что и он, и смотрю на конверт. Я держу его, как мне кажется, несколько часов, прежде чем, наконец, набираюсь смелости, чтобы открыть его.

Адрес Грегори Миллера указывает, что он в десяти минутах езды.

— Черт возьми.

Нет никакого тайного логова убийцы, где его держит Смит. Он лгал, и он мог лгать обо всем... Но это горе цепляется за правду в его словах. Он обманул меня, чтобы попасть в присяжные, и он обманул меня только что, но я все еще хорош в том, чем занимаюсь.

Я уловил правду в его словах о Грегори Миллере.

И кусочки подошли.

Убийца Мелани жил здесь все это время, проезжая нашу квартиру по пути домой. Думал ли он о ней, проезжая мимо? Может, он выбирал другой маршрут, избегая напоминания?

Искал ли он ее имя?

Навещал ли могилу?

Вопросы мучают меня, и ответов у меня никогда не будет.

Если только я их не получу.

Я засовываю листок в карман и хватаю телефон. Я делаю звонок, когда выхожу из дома, адреналин бурлит в моей крови.

— Эдди. Я знаю, что уже поздно, но слушай внимательно и не перебивай. Я пишу тебе адрес похитителя Портер. Он сейчас там... и через десять минут мне нужна полиция в этом месте. Сделай сейчас.

Завершаю звонок.

Иногда судьба подобна подбрасыванию монеты. Орел — ты победил. Решка — проиграл.

А иногда победителей не бывает. Судьба — жестокая, коварная сука. Мы думаем, что можем превзойти ее, но это всегда жребий. Серебряная монета взметнулась в гребанном воздухе.

Что ты будешь делать?

На видео, когда Портер умоляла меня... она умоляла меня поступить правильно.

Этот вопрос рикошетом отдается у меня в голове, пока я уверенно иду к дому убийцы Мелани. Я молюсь, судьбе, Мел, Портер, чтобы власти добрались туда первыми.

В извращенном мире, где боль встречается за каждым углом, где она переплетает добро и зло и искажает ваше нутро, это единственный правильный поступок, который, уверен, я должен совершить.

От Аркана Киллера

Что вы видите, когда срываете вуаль и заглядываете в шкаф? Сколько скелетов ждет вас там в темноте?

Что вам нашептывают кости по ночам, когда истончается вуаль, и ваши демоны рвутся наружу? Каждый укол мучительной боли, что вы нанесли, каждый порез острого, как бритва клыка. Ваш позор — это забрызганный кровью холст, разорванный и присыпанный черной землей.

Вашу правду не похоронить.

Дьявол с колодой Таро ждет не дождется, чтобы бросить вызов вашей судьбе.

У каждого есть карты, судный день, как и у каждого есть прошлое. Они идут рука об руку. Мягкое лоскутное одеяло из страданий и чувства вины.

Ничего не чувствуют только души настоящих предателей. Они онемели от боли. Некоторые подсади на наркоту. Некоторые — на секс, а некоторые — на деньги. Хотят выправить ядом инфекцию. Но он все еще там — темный, омерзительный секрет, пожирающий как рак.

Я не выше вас, мы равны. Мы истекаем красной кровью. Для дьявола мы скопление костей и крови, гнилостное скопление грехов. Мой колодец полон. Душа разлагается. Мне сказали, что у меня неоперабельная аневризма аорты, и это — бомба с часовым механизмом — и есть моя судьба.

Провожу по краю вытащенной из колоды карты — Смерть.

Даже дьявол не вступает в спор с судьбой.

За то время, сколько я этим занимаюсь, я выяснил, что есть два типа людей: те, кто боится смерти, и те, кто ее ждут. Если вам интересно узнать к какому типу относитесь вы, предлагаю тест.

Представьте, что у вас есть выбор: умереть долгой мучительной смертью или умереть быстро и безболезненно. Фишка вот в чем. Вы можете умереть сейчас и ничего не почувствуете или вы умрете через пять дней, страдая от чудовищной предсмертной агонии.

Большинство людей, пребывая в иллюзии, что они смелы или мудры, выберут безболезненный уход. Но, когда им предоставляется возможность выбрать свою смерть, они отказываются от этого дара. Они сопротивляются, борются, воюют с неотвратимым... лишь за то, чтобы отсрочить конец.

Такова человеческая природа. Мы не в состоянии принять смерть — настоящую смерть. Мы хотим еще один день, еще один час, минуту. Мы готовы терпеть агонию, если нам дадут хоть надежду на отсрочку.

У вас ускорился пульс? Сбилось дыхание?

Значит, вы приняли решение.

А вот доктор Уэст, однажды выбравший легкую смерть, теперь стал бойцом.

Перед ним встал невозможный выбор, он выбрал жизнь — и он выбрал подарить жизнь своему врагу. Он сделал это, зная, что за этим последует агония.

Уловили связь? А она была, в том, как Шейвер передал сообщение доктору Уэсту. Док не понял тогда всего, и мне интересно, дошло ли до него сейчас, собрал ли он воедино все

кусочки паззла.

Дабы принять свое новое предназначение, он должен выбрать путь, следуя которому его противник обретет свободу, он должен откинуть принципы.

В конце концов, Шейвер никогда не был истинным противником доктора Уэста. Им был человек без лица, но я дал ему лицо. В кошмарах доктора Уэста преследует жажда мести.

Признаю, я его недооценил. Я с восхищением наблюдал за тем, как доктор Уэст не стал убивать и спас жизнь Грегори. Мне даже подумалось, что я наконец-то нашел того человека в плаще, моего будущего преемника.

Моего спасителя.

Прежде, чем сдетонирует бомба в моем теле, я хочу очистить душу от поглощенных мной грехов.

Но... у меня еще есть время. Немного.

Тасую колоду Таро.

Я раскладываю карты, пока не выходит Пятерка Кубков. Она всегда выходит. Улыбаюсь, гадая о душе, что мучается, проходя свои пять ступеней скорби.

И я снова спрашиваю карты: кто следующий?

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Уловка–22 (англ. Catch–22) — ситуация, возникающая в результате логического парадокса между взаимоисключающими правилами и процедурами. В этой ситуации индивид, подпадающий под действие таких норм, не может их никак контролировать, так как попытка нарушить эти установки автоматически подразумевает их соблюдение

Modus operandi (сокр. М.О.) — латинская фраза, которая обычно переводится как «образ действия». Данная фраза используется в юриспруденции для описания способа совершения преступления. В криминологии modus operandi служит одним из методов составления психологического профиля преступника. Составление modus operandi того или иного подозреваемого может способствовать в его идентификации и поимке.

Вне юридической терминологии словосочетание может использоваться для описания чьих-либо поведенческих привычек, манеры работы, способа выполнения тех или иных действий.